

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1888.

№ 10.

МАЙ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово въ день священнаго коронованія Благочестивѣйшаго Государя Императора АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, Пресвященнаго Амвросія	643—655
Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова) (продолженіе). И. Корсунскаго	656—678
Пастырскія наставленія св. Григорія Двоеслова, („Regula pastoralis“). Ф. Садова	674—708
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Метафизическій анализъ идеальнаго познанія (продолженіе). В. Бударянцева	451—471
Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи П. Линницкаго	472—496
О физиологическомъ методѣ въ психологію (продолженіе). М. Остроумова	496—508
III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Указъ Его Императорскаго Высочества, Самодержца Всероссійскаго объ обязанности причтовъ хранить всѣ принадлежащія церквамъ процентныя бумаги, снабженныя купонными листами какъ имѣющія, такъ и на предъявителя, въ Государственномъ Банкѣ или въ Отдѣленіяхъ и Конторахъ его.—Списокъ лицъ Харьковской епархіи, кои, за службу по епархіальному вѣдомству, Вовмилоствѣйше удостоены наградъ, Высочайше жалуетныхъ.—Выписка изъ указа Правительствующаго Сената.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Отъ Хорошевскаго Духовнаго Приюта.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1888.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относяшіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Феропонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія липы; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν,

Върою разумѣваемъ.

Евр. XI. 8.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Мая 31 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

С Л О В О

Преосвященнаго Амвросія, Архієпископа Харьковскаго,
въ день священнаго коронованія Благочестивѣйшаго Государя
Императора АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Овъ общемъ благѣ.

*Кійждо васъ ближнему да
угоддаетъ во благое къ созиданію.
(Рим. 15, 2).*

Въ наше время однимъ изъ признаковъ просвѣщеннаго человѣка признается, такъ называемая, широта взгляда на жизнь, или склонность къ разсужденіямъ *объ общемъ благѣ*, о благѣ своего сословія, своего народа и даже всего человѣчества. Много объ этомъ говорится, много пишется и многое въ этомъ направленіи дѣлается, — правителями по обязанности, писателями по доброй волѣ и благожелательству. Всѣхъ же болѣе подвизаются на этомъ поприщѣ современные философы, построевающіе цѣлыя системы и планы для благоустроенія жизни всего человѣчества не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, обѣщая ему благосостояніе непрерывное и постоянно возрастающее подъ именемъ *прогресса*. Разнообразіе, а иногда и противоположность взглядовъ мыслящихъ людей на общее

благо невольно, по самымъ требованіямъ здраваго разума, заставляетъ усумниться въ вѣрности многихъ изъ нихъ; а примѣненіе нѣкоторыхъ ученій къ современной жизни, сопровождаемое бѣдствіями, какъ, напримѣръ, ученія социалистовъ, побуждаетъ людей здравомыслящихъ не только ихъ остерегаться, но и противодѣйствовать имъ. Но, не говоря уже о построеніяхъ прямо ложныхъ и вредныхъ, сколько возникаетъ у руководителей человѣчества проектовъ отвлеченныхъ, мечтательныхъ, не примѣнимыхъ къ опыту, иногда не соответствующихъ условіямъ мѣстности, характерамъ и историческому складу народовъ, иногда преждевременныхъ и для большинства непонятныхъ! А что касается самихъ народовъ, то въ нихъ гнѣздятся эгоизмъ, упорство, неразвитость, предрасудки, недовѣріе къ сословіямъ руководящимъ и разные пороки, не поддающіеся никакимъ исправительнымъ человѣческимъ мѣрамъ. Все это взятое вмѣстѣ способно отнять у руководителей всякую ревность и охоту къ устроенію общаго блага и довести ихъ до отчаянія; а въ народахъ породить убѣжденіе, что каждый самъ по-своему долженъ заботиться о себѣ и урывать, гдѣ можно, блага жизни, не стѣсняясь въ средствахъ, и не останавливаясь даже предъ преступленіями. Между тѣмъ стремленіе людей къ порядку и благосостоянію такъ естественно, установленіе единообразныхъ и неизмѣнныхъ началъ жизни и путей къ счастію такъ желательно и необходимо, что многими истинными благожелателями человѣчества изъ древности овладѣвало недоумѣніе: отчего же это въ самомъ дѣлѣ все въ мірѣ идетъ къ своимъ цѣлямъ и дѣйствуетъ по такимъ вѣрнымъ и постояннымъ законамъ, а человѣкъ, и только одинъ человѣкъ обреченъ на исканіе путей къ счастію, на ошибки въ этомъ исканіи, и вслѣдствіе ошибокъ, на страданія?

Это недоумѣніе всегда имѣло полную силу и значеніе, и было неразрѣшимо для народовъ языческихъ, но не для христіанскихъ. Къ современнымъ христіанскимъ народамъ въ этомъ отношеніи можно примѣнить слова пророка Іереміи, сказанныя въ вѣкъ заблужденій народу израильскому: „вы оставили источникъ воды живой и надѣлали водоемовъ съ трещинами, въ которыхъ не держится вода“. (Іер. 2, 13).

Посмотрите, какой прямой и вѣрный путь къ рѣшенію этого великаго вопроса указываетъ намъ св. апостоль Павелъ въ одномъ краткомъ изреченіи: „каждый изъ насъ, говоритъ онъ, долженъ угождать ближнему во благо, къ назиданію“.

Здѣсь заключаются два указанія на глубочайшія основанія общаго блага. Во-первыхъ, каждый, кто бы онъ ни былъ, долженъ „угождать“, или служить своему ближнему; во-вторыхъ, служеніе это должно быть направлено „во благо“ ближнему, „къ назиданію“.

Въ первой части этого апостольскаго наставленія особенно важно для насъ въ настоящее время указаніе на то, что устройство общаго блага надобно начинать не столько *сверху*, сколько *снизу*, — не столько съ общихъ взглядовъ и законоположеній для общественнаго благоустройства, сколько съ направленія каждаго члена общества на прямой путь къ этой цѣли. Увлеченные въ область всякаго рода научныхъ воззрѣній и общихъ соображеній, мы привыкли смотрѣть на народы и государства, какъ на великія зданія построенныя царями и правителями посредствомъ извѣстныхъ учрежденій, распоряженій, предписаній, и наиболее заняты этими законодательными и распорядительными работами, полагая въ нихъ всю сущность государственнаго благоустройства. Мы думаемъ, что стбитъ только тамъ пристроить, тутъ передѣлать, здѣсь попра-

вить, — и все пойдетъ какъ должно. Апостолы думали иначе. И для построения обыкновеннаго зданія нужны, кромѣ плановъ, хорошіе матеріалы и исполнители, а тѣмъ болѣе для зданія государственнаго, гдѣ, по слову апостола Петра, матеріалами служатъ „камни живые“, свободные, которые нельзя класть насильно въ стѣны общественнаго зданія, но которые, на основаніи „живаго камня Христа“, должны укладываться сами и „устроить себя въ домъ духовный“ (1 Пет. 2, 4. 5), подъ которымъ разумѣется все христіанское общество, слѣдовательно, и государство. Поэтому и св. Павелъ обязываетъ *каждаго изъ насъ* участвовать въ дѣлѣ общественнаго благоустройства. Трудолюбивые муравьи, которыхъ приводитъ намъ въ примѣръ слово Божіе (Прит. 6, 6), изъ мелкихъ крохъ строятъ, сравнительно съ каждымъ изъ нихъ огромныя зданія; казна государственная изъ малыхъ податей большаго населенія складывается въ многомилліонныя суммы. Такъ и сумма общаго блага составляется изъ усилій и трудовъ непременно *каждаго* гражданина.

Для успѣха въ этомъ великомъ дѣлѣ, отъ *каждаго изъ насъ* требуется прежде всего одно необходимое условіе: не поглощать чужаго блага, не смотрѣть на общество, только какъ на среду, изъ которой я всѣми способами имѣю право извлекать собственные выгоды и удовольствія, а отдавать ему себя на служеніе, и свои силы и средства на пользу. „Никто не ищи своего“, говоритъ Ап. Павелъ въ другомъ мѣстѣ, „а каждый пользы другаго“ (1 Кор. 10, 24). Итакъ, очевидно, здѣсь въ основаніе всей дѣятельности гражданина полагается христіанское самоотверженіе, — эта величайшая нравственная сила, направляющая отъ частныхъ лицъ въ общественную среду и душевныя дарованія *каждаго*, и силы тѣлесныя, и богатства, и трудъ, и са-

мыя жизни въ качествѣ жертвъ для общаго блага. Понятно, что если изъ такихъ приношеній *отъ каждаго* слагается общее достояніе, то наоборотъ, отъ употребленія каждымъ всего своего единственно для себя общее благо истощается и расхищается. Поэтому, напр., кто не заботится о надлежащемъ развитіи своихъ силъ и способностей съ цѣлію быть достойнымъ и полезнымъ гражданиномъ, тотъ крадетъ самаго себя у общества и становится обременяющимъ его членомъ. Кто не трудится во всю свою силу, а только изъ крайности для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей, тотъ лишаетъ общество избытка своихъ силъ и трудовъ, который непременно долженъ быть у него при надлежащемъ употребленіи своего времени. Кто, занимая высокое общественное положеніе со властію въ рукахъ, не посвящаетъ всѣхъ своихъ силъ благу вѣранныхъ ему людей, а расширяется и расплывается въ просторной средѣ открытой для самоугожденія, — тотъ какъ безплодная смоковница, по евангельскому выраженію, *вскую и землю упражняетъ* (Лук. 13, 7). Кто при богатствѣ не руководствуется правилами христіанскаго воздержанія, простоты жизни и самоограниченія, тотъ легко можетъ счесть, сколько жизней могло бы быть поддержано, развито, а иногда и сохранено отъ преждевременнаго угасанія, если бы онъ „не искалъ только своего, а пользы другаго“.

Какъ легко съ этой апостольской точки зрѣнія разрѣшаются вопросы и затрудненія неразрѣшимыя для современныхъ новоизмышленныхъ ученій объ уничтоженіи бѣдности, о раздѣленіи труда и капитала, объ уравненіи правъ и сословій и т. п. Ученіемъ Христовымъ все распредѣляется и уравнивается, но не насильственно, не расхищеніемъ, не стачками, не грабежами, — а свободно, посредствомъ уступокъ, раздаяній, пожертво-

ваній отъ большаго малому, отъ сильнаго слабому, отъ имущаго не имущему, по высочайшему примѣру нашего Господа, пришедшаго въ міръ не для того, чтобы Ему служили, а чтобы послужить и отдать Самаго Себя для спасенія многихъ (Матѳ. 20, 28). При одушевленіи христіанскаго общества истинною любовію къ ближнимъ, при глубокомъ убѣжденіи въ обязанности дѣлиться избыткомъ явятся и подвижники любви, готовые, по примѣру вдовы Сарептской подѣлиться при нуждѣ послѣднею горстью муки и послѣднею ложкой масла. какъ подѣлилась она съ пророкомъ Иліею. Христіанство предназначено для благоустроенія всего міра: дѣлись своими силами, средствами, успѣхами—родной съ роднымъ, сосѣдъ съ сосѣдомъ, дѣлись село съ селомъ, городъ съ городомъ, народъ съ народомъ: тогда взойдетъ заря общаго благоденствія въ цѣломъ человѣчествѣ.

Отсюда видно, что главная ошибка мыслителей нашего времени, строящихъ планы для общаго блага на бумагѣ и въ воображеніи, состоитъ въ томъ, что они думаютъ уничтожить всѣ бѣдствія жизни переустройствомъ внѣшнихъ условій человѣческихъ обществъ безъ внутренняго, дѣятельнаго преобразования и усовершенствованія cadaго человѣка и цѣлыхъ обществъ. Они думаютъ изобрѣсти средства сохранить для себя всѣ удобства и наслажденія, и въ то же время уничтожить всѣ человѣческія бѣдствія и страданія. Они забываютъ, что наша земная жизнь не праздникъ, а рабочая пора, что можемъ надѣяться успокоенія только за гробомъ, что и самыя наши бѣдствія и страданія могутъ быть только облегчаемы, но не могутъ быть совершенно уничтожены. Нынѣ этотъ взглядъ на жизнь зовутъ суровымъ, безотраднымъ (ригористическимъ), и средства, предлагаемыя христіанствомъ для благоустроенія жизни, слишкомъ трудными. Правда, путь этотъ труденъ, но хри-

христіанское ученіе этого и не скрываетъ; однакожь вмѣстѣ съ тѣмъ оно даетъ понять, что другаго пути нѣтъ. Затѣмъ, что такая дѣятельность безотраднa,—это несправедливо. Въ этихъ жалобахъ слышится голосъ лѣнивой и страстной плоти и обнаруживается незнакомство рощущихъ съ радостями духа, возрастающаго въ подвигахъ самоотверженія. Между тѣмъ никто не можетъ сказать, что въ этомъ направленіи жизни не заключаются всѣ данныя для устроенія общаго благосостоянія. Представьте себѣ умноженіе въ обществѣ людей съ христіанскимъ самоотверженіемъ готовыхъ на всякія посильныя жертвы для блага ближняго. и вы согласитесь, что съ ними умножатся силы для общественнаго благоустройства. Вы согласитесь, что въ средѣ такихъ людей меньше будетъ охотниковъ до чужой собственности, что прекратятся воровство и современные хитрые способы ограбленія ближняго; уменьшатся судебные процессы; убійства и подобныя имъ преступленія будутъ возбуждать общій ужасъ и отвращеніе; семейства будутъ разсадниками доблестныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ общественной жизни; въ сознаніи общества утвердится идея народа и государства какъ родной семьи, за которую каждый готовъ будетъ умереть, и гдѣ похищеніе общественнаго капитала и казнокрадство будетъ такъ же омерзительно, какъ ограбленіе отца, матери, брата и сестры.

Намъ скажутъ, что это идеаль неосуществимый во всей полнотѣ въ цѣлыхъ народахъ и государствахъ. Правда. И по христіанскому ученію это есть устроеніе царствія Божія на землѣ, а потому оно и не можетъ быть вмѣщено во всей своей божественной чистотѣ и цѣлости въ нашъ грѣшномъ [человѣческомъ] мірѣ; но мы призваны искать, желать его, молиться о водвореніи его въ нашей жизни, и въ приближеніи къ нему нахо-

дить собственное благо,—вѣрное, прочное и постоянно возрастающее. Наше несчастье именно въ томъ и состоитъ, что этотъ священный, небесный идеаль челоуѣческаго преуспѣянiя мы замѣняемъ мечтательными учениями о прогрессѣ, устанавливая идеалы не на той почвѣ, на которой они должны быть утверждаемы, и не въ тѣхъ чертахъ, какихъ требуетъ отъ нихъ природа челоуѣческая.

Но продолжимъ изъясненiе взятаго нами апостольскаго наставленiя. Во второй его части требуется, чтобы служенiе ближнему „во благо“ направляемо было къ его „назиданiю“. Назиданiе на языкѣ священнаго писанiя значитъ утвержденiе въ жизни духовной. Апостоль даетъ понять, что только внутреннее, духовное благоустроенiе составляетъ истинное, неотъемлемое благо каждаго челоуѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечиваетъ обладанiе всѣми благами внѣшними. Иначе и быть не можетъ. Если же главное условiе созиданiя общаго блага состоитъ въ самоотверженiи, то самоотверженiе не только недостижимо, но и немислимо безъ утвержденiя въ жизни духовной. Низшая половина челоуѣческаго существа есть плоть. Если мы знаемъ христіанское ученiе о борьбѣ между плотiю и духомъ (Гал. 5, 17). и имѣемъ хотя нѣкоторое опытное познанiе объ этой борьбѣ: то мы убѣдимся, что нашей плоти еще менѣе свойственно самоотверженiе, чѣмъ безсловесному животному. Спросите естествоиспытателей, можно ли животному не только хищному, но и кроткому, домашнему привить благородныя челоуѣческія чувства безкорыстія и самоотверженiя? Сколько ни усиливаются матеріалисты отыскивать въ нихъ эти свойства, но никогда не могутъ сказать утвердительно, чтобы животнымъ не руководилъ во всѣхъ его дѣйствiяхъ и привязанностяхъ эгоизмъ, грубая польза не знающая никакого высшаго идеала. Но слово Божіе говоритъ о челоуѣкѣ, что онъ, когда руководится

одними плотскими побужденіями, становится своекорыстнѣе, жаднѣе, хитрѣе и безжалостнѣе животнаго; такъ какъ животное вращается въ области своихъ инстинктовъ и ею ограничивается, а развращенный человѣкъ, выходитъ изъ круга естественныхъ потребностей въ безграничную область беззаконія и преступленій. Изъ этого видно, что требованіе христіанства, чтобы общественное благо было утверждаемо на преуспѣяніи въ жизни духовной, а не на расширеніи жизни плотской, основывается на коренныхъ законахъ природы человѣческой. Въ нашей совѣсти какъ бы утверждены вѣсы, и мы можемъ наблюдать, какъ на одну чашку ихъ мы кладемъ чистые помыслы, благочестивыя желанія и добрыя дѣла направленныя въ пользу духа, а на другую все, что служитъ къ угожденію плоти. Смотрите, гдѣ окажется перевѣсъ. По той мѣрѣ, какъ вы склоняете свою дѣятельность въ пользу духа, въ васъ развиваются и духовныя свойства,—страхъ Божій, опасеніе грѣха, стремленіе къ внутренней правотѣ, честность, благородныя чувства состраданія и любви. Но по мѣрѣ вашего склоненія къ внушеніямъ плоти въ васъ возникаетъ страсть къ наслажденіямъ, а затѣмъ является своекорыстіе, эгоистическая забота о себѣ, очерствленіе сердца, равнодушіе къ человѣческимъ скорбямъ и охлажденіе къ общему благу.

Два пути къ утвержденію въ духовной жизни указываетъ намъ слово Божіе: духовное просвѣщеніе и духовный подвигъ. Первое состоитъ въ уясненіи въ нашемъ сознаніи истинной цѣли нашей жизни, т. е. приближенія къ Богу для вѣчнаго блаженства съ Нимъ, второй въ свободномъ дѣланіи добра согласно съ волею Божіею, и въ усиліяхъ нашей воли къ устраненію препятствій, встрѣчаемыхъ на этомъ пути со стороны плоти. Въ какой мѣрѣ направленіе нашего вѣка со-

отвѣтствуетъ этимъ основнымъ требованіямъ христіанства, въ такой же мѣрѣ мы можемъ надѣяться на благоустройство нашей общественной жизни. Поставьте мысленно эти вѣсы совѣсти на широкомъ полѣ нашей общественной дѣятельности и посмотрите, какими плодами просвѣщенія и какими подвигами мы ихъ нагружаемъ. Начнемъ съ просвѣщенія.

Справедливость требуетъ сказать, что ни одинъ вѣкъ такъ не заботился о просвѣщеніи, какъ нашъ. У всѣхъ христіанскихъ народовъ и у насъ всѣ заботы направлены къ просвѣщенію. Особенно мы спѣшимъ въ этомъ дѣлѣ и гонимъ нашъ народъ къ образованію, оглядываясь во всѣ стороны, для какой бы отрасли знанія, искусства, промышленности, земледѣлія, ремесла намъ еще открыть учебное заведеніе, или школу. Но здѣсь самое важное то, какой характеръ и какое направленіе получаетъ наше просвѣщеніе. Чтобы насъ не обвинили въ произвольной оцѣнкѣ этого направленія, мы укажемъ на то, какъ опредѣляютъ его наиболее передовые его ревнители. „Нашъ вѣкъ практическій“, говорятъ они, „древнее аскетическое направленіе не соответствуетъ потребностямъ нашего времени“. На этомъ основаніи самые умѣренныя изъ нихъ отрицаютъ строгія требованія христіанства относительно нравственной стороны просвѣщенія, и отъ него самого требуютъ уступокъ духу времени. Такъ нашему вѣку представляется просторнѣе и свободнѣе дѣйствовать въ принятомъ имъ направленіи. Куда же направляется наше просвѣщеніе? Очевидно, къ жизни внѣшней, къ умноженію ея удобствъ и къ украшенію ея. Въ пользу духа и его вѣчныхъ интересовъ раздаются только единичные голоса заглушаемые шумомъ этой *ученой суеты*, по выраженію Соломона (Еккл. 1, 13—18); отъ того и наука обращается въ средство и орудіе для приобрѣтенія внѣшнихъ благъ

жизни, и своихъ питомцевъ дѣлаетъ себялюбивыми искателями обогащенія и роскоши. Говорятъ: „не можемъ же мы отстать отъ вѣка и другихъ просвѣщенныхъ народовъ: намъ нужны всѣ знанія и всѣ отрасли образованія, чтобы нашъ народъ не остался въ состояннн дикости среди просвѣщеннаго міра“. Не будемъ разсуждать о томъ, что намъ нужно изъ современныхъ научныхъ знаній и въ какой мѣрѣ нужно, что можно бы ограничить, и безъ чего можно было бы обойтись, чтобы не загружать и не обременять умовъ тяжестью бесплодныхъ познаній; скажемъ только словами Спасителя: *сія подобаше творити и оныхъ не оставляти* (Мат. 23, 23). Наука, вытѣсняющая христіанское благочестіе, есть не созидательница, а разрушительница общаго блага.

Еще легче видѣть это погруженіе людей нашего вѣка въ чувственность въ современномъ искусствѣ. Что всѣ эти художники слова, кисти, пѣнія, театра, раздражающіе плотскія страсти литературными произведеніями и картинами, развѣзжающіе по свѣту съ своимъ пѣніемъ и представленіями „угождаютъ ближнему“ не „во благо и не къ назиданію“, — это ясно само собою. Что ничто здѣсь не напоминаетъ о духовномъ подвигѣ, о самоотверженіи, о безкорыстномъ служеніи человечеству, — объ этомъ развѣ дѣти могутъ спорить.

Посмотрите на современную промышленность. Она гордится новѣйшими изобрѣтеніями и усовершенствованіями, но вмѣстѣ съ роскошью, которую она питаетъ, растетъ народная нужда и скудость въ необходимомъ; рабочіе классы въ просвѣщенномъ мірѣ стонутъ подъ тяжестью непосильнаго труда; у промышленныхъ націй процвѣтаетъ искусство сбытомъ своихъ произведеній раззорять и развращать народы не вкусившіе современнаго образованія; въ мелкой торговлѣ поддѣлка и

обманъ составляютъ зло, съ которымъ повсюду не знаютъ, какъ справиться, и сильныя правительства. И мы, православные, начинаемъ вздыхать о томъ, что нынѣ не находимъ чистой свѣчи и чистаго елѣя для возженія ихъ съ молитвою предъ святою иконою. Ужъ если въ приготовленіе предметовъ назначенныхъ для священнаго употребленія такъ негло вторгаются обманъ и подлогъ, то дивно ли, что онъ царитъ въ торговлѣ предметами житейскаго быта? Попытайтесь здѣсь отыскать слѣды безкорыстнаго служенія общему благу.

Но скажутъ: „нашъ вѣкъ болѣе всѣхъ вѣковъ предшествовавшихъ отличается благотворительностію. Никогда прежде не было такого множества благотворительныхъ заведеній для всякаго рода нуждающихся“. Правда. Изъ этого видно, что въ наше время еще говорить христіанская совѣсть; но посмотрите, что плотское направленіе вѣка дѣлаетъ съ этою прекраснѣйшею христіанскою добродѣтелью, какъ оно густо окрашиваетъ въ свой цвѣтъ и чистыя духовныя движенія общества. Средства на дѣла благотворительныя не всегда у насъ стекаются прямо изъ сердечнаго христіанскаго расположенія и изъ чистыхъ рукъ благотворителей, а *выманиваются* различными хитростями и подкупами плоти посредствомъ такъ называемыхъ благотворительныхъ увеселеній, умножаются приманками женской красоты въ благотворительныхъ лотереяхъ, наконецъ, наградами и отличіями. Въ самыхъ благотворительныхъ заведеніяхъ много изысканности, прихотливости, а иногда и роскоши порождаемой тщеславіемъ благотворителей. Уклонившись сами отъ простоты жизни, благотворители и нуждающихся думаютъ снабдить тѣми же удобствами, какія любятъ они сами. Благотворительность общественная, шумящая и много обѣщающая, въ бѣдныхъ классахъ населенія раздра-

жаеть жадность къ даровому хлѣбу, желаніе сбыть дѣтей на чужія руки, отцевъ и матерей въ общественныя богадѣльни. Гдѣ тутъ начало, гдѣ конецъ заблужденіямъ и ошибкамъ, что и какъ нужно поправить и ограничить, этого не рѣшить современная мудрость запутавшаяся въ ложныхъ и одностороннихъ воззрѣніяхъ. Одни заблужденія оправдываются другими; тронешь одно, боишься повредить другому, гдѣ кроется иногда и искра добра, которую жалко погасить. Требуется, какъ нынѣ говорятъ, *коренная реформа* общественныхъ учрежденій. О, да избавить насъ Господь отъ этихъ реформъ на современныхъ началахъ общественной жизни!

У насъ, русскихъ, коренная, благонадежная реформа подъ руками, это — *исправленіе нравовъ* подъ руководствомъ чистѣйшаго ученія и благотворнѣйшихъ учрежденій православной Церкви. Разумѣется, положить начало и подать примѣръ этого исправленія должны передовые, просвѣщенные классы нашего народа. Прежде всего имъ нужно поудержаться отъ *писанія* и обратиться къ *дѣланію*. Духовное просвѣщеніе и нравственный подвигъ — вотъ пути къ истинному преобразованію современнаго общества. Умѣрьте суету научнаго образованія, сдержите страсть къ роскоши и плотскимъ наслажденіямъ; прекратите это празднoлюбство и броженіе, безъ разбора дней, отъ одного увеселенія къ другому; примитесь за трудъ отрезвленія и пробужденія духа силою вѣры и благодати Божіей. Этотъ трудъ приведетъ за собой духовный опытъ; этотъ опытъ дастъ истинную христіанскую мудрость; а эта божественная мудрость, воплощаемая въ цѣломъ народѣ, все поставитъ на свое мѣсто. Аминь.

Московскій періодъ (1821 — 1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова).

(Продолженіе *).

Не попустивъ крамолѣ достигнуть осуществленія мысли о царевубійствѣ, Господь однакоже благоизволилъ взять у Россіи ея благословеннаго монарха раньше, нежели кто-бы то ни было могъ ожидать, въ виду его тѣлеснаго сложенія и возраста. Супруга его Елисавета Алексіевна, по совѣту врачей, должна была провести осень и зиму 1825—1826 годовъ на югѣ Россіи и именно въ Таганрогѣ. Государь самъ нарочито отправился туда 1 сентября, чтобы все приготовить къ ея пріѣзду какъ на всемъ пути отъ Петербурга до Таганрога, такъ и въ самомъ Таганрогѣ. Черезъ недѣлю послѣ него отправилась и императрица, прибывшая въ Таганрогъ 21 сентября. Здѣсь они вели жизнь тихую, уединенную, свободную отъ всякаго стѣснительнаго этикета, посвящая всѣ заботы здоровью императрицы. Только въ концѣ сентября и въ началѣ октября и затѣмъ опять въ концѣ октября и въ началѣ ноября государь уѣзжалъ на нѣсколько дней изъ Таганрога, сперва въ Новочеркасскъ, Аксайскую станицу и др. мѣста, а потомъ—въ Крымъ. Эта послѣдняя поѣздка имѣла для него роковыя послѣдствія. Къ застарѣлой внутренней болѣзни присоединилась получен-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 8.

ная имъ въ Крыму лихорадка,—и 19 ноября 1825 года не стало императора. Ни усилія медиковъ, врачебныхъ пособій коихъ впрочемъ больной императоръ, надѣясь на свое крѣпкое дотолѣ здоровье, долго же принималъ, ни нѣжная заботливость его супруги, несмотря на свою болѣзнь, служившей для него наилучшею сидѣлкою, не спасли его для супруги и Россіи. Кончина его была истинно христіанская и глубоко-назидательная. Съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ исповѣдавшись и причастившись Святыхъ Таинъ, онъ умеръ съ словами молитвъ и псалмовъ на устахъ. „Послѣдніе взоры его были столь умильтельны, — говоритъ одинъ изъ свидѣтелей его кончины,—и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его не замѣтно было ничего земнаго, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе становилось все рѣже и тише. Наконецъ въ десять часовъ и сорокъ семь минутъ утра незабвенный и великій монархъ мирно и покойно испустилъ послѣдній вздохъ... Государыня императрица, неотлучно сидѣвшая при августѣйшемъ умирающемъ ровно 12 часовъ, встала съ своего мѣста въ этотъ торжественно ужасный моментъ, помолилась на колѣняхъ Св. Распятію, висѣвшему на стѣнѣ предъ усопшимъ; потомъ перекрестила императора, поцѣловала его нѣжно, еще перекрестила его, закрыла вѣки глазъ его; сложивъ свой платокъ, подвязала ему подбородокъ; наконецъ опять на колѣняхъ помолилась Св. Распятію, низко поклонившись усопшему и отеревъ свои слезы, вышла изъ кабинета въ свои комнаты“¹⁾. Затѣмъ она присутствовала и на панихидахъ по императорѣ, а между тѣмъ тотчасъ же послѣ кончины его написала по-французски слѣдующее, сдѣлавшееся достояніемъ исторіи, письмо къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: „нашъ ангель на небесахъ, а я еще прозябаю на землѣ. Могъ-ли кто подумать, чтобъ я, слабая, больная, могла его пережить?

¹⁾ См. *Русскій Вѣстникъ* 1886 № 12, стр. 650—651.

Матушка, не оставляйте меня; я совершенно одна на этомъ скорбномъ свѣтѣ. Лишь нашего дорогаго усопшаго опять принялъ свое привѣтливое выраженіе; его улыбка доказываетъ мнѣ, что онъ видитъ нѣчто прекраснѣе видимаго здѣсь на землѣ. Мое единственное утѣшеніе при этой невознаградиной утратѣ—въ томъ, что я не переживу моего возлюбленнаго супруга. Во мнѣ есть надежда, что я скоро соединюсь съ нимъ“¹⁾. И дѣйствительно, оставшись, по слабости здоровья въ Таганрогѣ, когда 22 декабря похоронная процессія съ тѣломъ покойнаго императора выступила изъ Таганрога для слѣдованія въ Петербургъ, императрица прожила тамъ до весны, а весною выѣхала въ Калугу, но не доѣзжая Калуги, въ Бѣлевѣ скончалась 3 мая 1826 года²⁾. Тѣло ея, также какъ и тѣло августѣйшаго супруга ея, было перевезено въ Петербургъ; но на пути сюда какъ то, такъ и другое не миновало, конечно, Москвы и московской епархіи гдѣ святитель московскій встрѣчалъ и провожалъ то и другое не только священнослуженіемъ, но и словомъ проповѣди. И здѣсь-то выразилось все благоговѣніе Филарета къ покойнымъ августѣйшимъ супругамъ, все его глубокое пониманіе тайниковъ души обоихъ, особенно-же перваго. Но будемъ по порядку вести рѣчь объ этихъ важнѣйшихъ моментахъ въ исторіи и внутренней жизни Россіи и и проповѣднической дѣятельности Филарета за рассматриваемое время. Когда тѣло покойнаго императора приближалось къ предѣламъ московской епархіи, то „слухи въ Москвѣ ходили очень неблагопріятные“, по словамъ одного изъ современниковъ событія. „Говорили, что съ прибытіемъ тѣла его будетъ бунтъ въ Москвѣ; слухи эти такъ напугали жителей, что многія семейства собирались выѣзжать изъ Москвы“. По этому поводу владыка Филаретъ отъ 28 января 1826 года разослалъ предписаніе ко всему московскому духовенству слѣдующаго содержанія: „Братіямъ и сослужителямъ о Господѣ радоватися. Приближается время

¹⁾ Тамъ-же, стр. 652—653.

²⁾ См. тамъ-же, стр. 656—657.

весьма краснорѣчивое слово“ ¹⁾ на текстъ: *Подобенъ ему не бысть предъ нимъ царь, иже обратися къ Господеву въсмъ сердцемъ своимъ и всею душою своею и всею силою своею.— Обаче не отвратися Господь отъ ярости гнѣва Своего великаго* (4 Цар. 22, 25. 26). Хотя это слово напечатано во всѣхъ собраніяхъ словъ и рѣчей святителя московскаго, начиная съ изданія 1835 года, какъ напечатано была въ свое время и отдѣльнымъ оттискомъ, однако, въ виду важности его для характеристики какъ личности и дѣятельности императора Александра I, такъ и событій внѣшней и внутренней политики и жизни Россіи за его время, а равно и въ пополненіе сообщеннаго нами по сему предмету выше, мы не можемъ не сдѣлать выдержки изъ этого по-истинѣ прекраснаго и по мысли и по изложенію слова. „О Боже! Такъ-ли неумолимъ гнѣвъ Твой?“ Такъ начинается его нашъ витія.—„Царь не только благочестивый, но и безпримѣрный въ благочестіи, царь, который *сотвори правое предъ очима Господними* (4 Цар. 22, 2), царь, который старался не только подвластную ему Іудею, но и всю землю Израилеву очистить отъ идолослуженія, и просвѣтитъ Богослуженіемъ истиннымъ, который, какъ скоро узналъ книгу Закона Божія, немедленно принесъ предъ нею покаяніе въ беззаконіяхъ своего народа, и съ тѣхъ поръ не переставалъ быть ея ученикомъ, исполнителемъ, защитникомъ, проповѣдникомъ, такой царь, съ такимъ сердцемъ и душою, не могъ отвратить Господа отъ ярости гнѣва Его великаго; но гнѣвъ сей открылся раннею и внезапною смертію сего самого царя,—Іосіи. О Боже! такъ-ли неумолимъ гнѣвъ Твой?“ И затѣмъ дѣлаетъ приложеніе этого библейскаго событія къ современному: „Не таковъ-ли гнѣвъ Божій надъ нами, Россіяне? Ибо что значить сія, не угрожавшая намъ, но уже дѣйствительная, кончина сего, по-истинѣ благочестивѣйшаго царя,—кончина, которой ни лѣта его не призывали, ни силы, повидимому, не допускали, ни самая болѣзнь, въ началѣ своемъ, не предвѣщала? Не то-ли сіе значить, что Богъ нами прогнѣванъ, и *не отвратися Господь*

¹⁾ Тамъ-же, стр. 24.

отъ ярости гнѣва Своего великаго?“ Далѣе опять берется черта изъ той-же библейской исторіи, и отъ нея опять дѣлается приложеніе къ современному событію: „Не позналъ Іудейскій народъ цѣны сокровища, которое имѣлъ въ царѣ своемъ Іосіа, не позналъ, когда имѣлъ, и не воспользовался симъ сокровищемъ. *Весь Іуда и Іерусалимъ плакаша о Іосіа. И Іеремія възрыда по Іосіа. И глаголаша вси князи и княгини плачъ по Іосіа* (2 Пар. 35, 24. 25). Ахъ! поздно большая часть изъ нихъ плакали по Іосіа, вмѣсто того, чтобы прежде усерднѣе плакать вмѣстѣ съ Іосіею, когда сердце его сокрушалось покаяніемъ, и смирялось предъ грознымъ судомъ Божиимъ, когда онъ плакалъ предъ Богомъ, и былъ услышанъ. Іеремія, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ зналъ, почему *рыдалъ*, когда другіе только *плакали*: онъ рыдалъ удвоеннымъ плачемъ, плачемъ о лишеніи царя, и плачемъ о позднемъ плачѣ народа.—Народы“,—обращается теперь уже исключительно къ своимъ современникамъ и современному событію нашъ витія,—которымъ Богъ въ день благоволенія Своего даровалъ Благословеннаго Александра! (ибо народамъ былъ онъ отъ Бога дарованъ, а не одному народу Россійскому) Народы! Познали-ль вы всю цѣну сего Сокровища? Упрочили-ль для себя всю пользу, которою оно могло васъ обогатить? Какое пророческое слово можетъ отвѣтствовать на сіе?—Время будетъ на сіе отвѣтствовать событіями.—Вѣчный, владычествующій временами, да речетъ миръ на Преемника могущества и добродѣтелей Александра, дабы возобновился и не умолкалъ *гласъ радости и спасенія въ селеніяхъ праведныхъ*.—Но намъ теперь говорить-ли о великомъ сокровищѣ? Оплакивать-ли великую потерю? Говорить-ли отъ избытка сердца печальнаго? или молчать отъ недостатка слова достойнаго? Дайте мнѣ слово, или научите меня молчанію. Не умѣю говорить, и безмолствовать не умѣю. Отрекаюсь отъ необъятнаго подвига хвалить Александра, уже Благословеннаго: но нельзя удержаться отъ печальнаго предъ Церковію размышленія и слова о царѣ, который, подобно какъ Іосіа, достоинъ, чтобы по немъ рыдали пророки.—Представьте себѣ чловѣка, который стоитъ надъ потокомъ, и видитъ, какъ его сокровище

низвергается въ глубину. Касаясь водъ, оно производитъ звукъ, и рождаетъ круги, одинъ другаго пространнѣйшіе: но въ то же мгновеніе скрывается въ глубинѣ, и только трепетаніе водъ остается примѣтнымъ зрителю. Подобно сему, кто можетъ созерцать, пусть станетъ теперь надъ потокомъ времени, надъ водами народовъ, какъ изъясняется языкъ пророческій. Смотри, какъ драгоценная жизнь явилась; подвигла своею силою народы; наполнила своею дѣятельностію многочисленнѣйшіе круги, одинъ другаго пространнѣйшіе; произвела громкіе звуки славы: но вдругъ она погрузилась въ вѣчность, и одно трепетное движеніе грозной нечаянности простерлось по всѣмъ извѣстнымъ народамъ.—Александръ, еще въ колыбели, радость и надежда отечества,—Александръ, въ Порфирородномъ семействѣ, утѣха и любовь,—Александръ, въ началѣ вѣка на престолѣ, какъ солнце на востокѣ,—Александръ въ Россіи, отецъ народа, спаситель Имперіи,—Александръ въ Европѣ, возстановитель царей, примиритель царствъ, душа царственныхъ совѣтовъ Европы,—Александръ въ царствіи Божіемъ, избранное орудіе царя Христа, чтобы торжественно утѣшить и возвеличить христіанство тамъ, гдѣ оно торжественно было цѣлымъ народомъ отвержено и поругано, плотоносный Архистратигъ небесныхъ на землѣ силъ, побѣждающій небеснымъ оружіемъ, кровію Агнца, вротостію и смиреніемъ;—какіе свѣтлые виды! какіе величественные образы! Но какъ внезапно всѣ они закрываются одною мрачною чертою: Александръ во гробѣ!“ Отъ этихъ общихъ чертъ изображенія личности и дѣяній Александра витія переходитъ теперь къ болѣе частнымъ, идя обычнымъ ему путемъ восхожденія отъ отдаленнаго къ болѣе близкому, отъ менѣе вѣскаго къ болѣе вѣскому и значительному. „Если въ области природы,—говоритъ онъ,—есть предзнаменованія и предчувствія необыкновеннаго и великаго, подобно какъ въ высшей области духа прообразованія и пророчества: жизнь Александра многократно была оными ознаменована.—Что значитъ, что его рожденіе было въ день ¹⁾, когда удаленное отъ насъ солнце

¹⁾ Рожденіе государя императора Александра Павловича было 12 декабря 1777 года.

обращается къ намъ со своимъ свѣтомъ; а вступленіе на престолъ имперіи, въ то время ¹⁾, когда солнце, увеличивъ свѣтъ до равновѣсія со тьмою, начинаетъ для нашихъ странъ весну, время развитія и оживленія земной природы?—Такъ случилось? Покойный отвѣтъ для людей, которые трудъ разсуждать почитаютъ излишнимъ, и боятся, чтобы не узнать чего необыкновеннаго, или чтобы не встрѣтиться съ Провидѣніемъ! Не такъ ничтожны знаменія временъ для мудраго, который знаетъ, что *въ руку Господни власть земли, и потребнаго на время воздвигнетъ на ней* (Сир. 10, 4). Святой Амвросій Медиоланскій, даже говоря о Рождествѣ Спасителя, столь обильномъ знаменіями чудесными, не оставляетъ безъ замѣчанія и сего естественнаго знаменія времени, что съ *Рождествомъ Христовымъ день возрастаетъ* (слово на Рожд. Христ.)—Что значила необыкновенно живая радость, о которой еще можешь спросить старцевъ твоихъ Россія, и рекутъ,—необыкновенно, говорю, живая радость народа, при рожденіи Александра, когда родившійся младенецъ былъ только еще наслѣдникъ наслѣдника? Что и сіе значило, когда внуки, какъ новосаженія масличныя, окружали великую Екатерину, всѣ прекрасны душею, всѣ возлюбленны, Александръ преимущественно былъ ея восхищеніемъ? Что значилъ восторгъ Россіи, когда она увидѣла Александра на престолѣ?—Опытъ даетъ право сказать, что то были великія предчувствія великой императрицы и имперіи.—Сообразно съ знаменіями временъ, однимъ изъ первыхъ подвиговъ царствованія Александрова было стараніе умножить свѣтъ въ Сѣверѣ, ему подвластномъ. Учрежденія для просвѣщенія народа умножены, ограждены постановленіями, расположены въ правильныхъ кругахъ, приведены къ общему средоточію, находящемуся близъ самаго престола, украшены новыми предметами знаній, обогащены способами, возвышены въ правахъ какъ для сообщающихъ, такъ и для приѣмлющихъ просвѣщеніе. Какъ распространился отъ сего свѣтъ, и сколько былъ онъ благотворенъ, пусть усматриваютъ и опре-

¹⁾ Александръ I вступилъ на престолъ 12 марта 1801 года.

дѣляютъ просвѣщенные. Царское дѣло создать обители просвѣщенія прочно и благолѣпно, и покрыть своимъ высокимъ покровительствомъ, а не преподавать ученіе, или руководствовать юношей* 1).—„Но особенное время“—переходить теперь витія отъ внутреннихъ къ внѣшнимъ событіямъ, „выдвинувшимъ имя Александра I изъ ряда обыкновенныхъ царей, — на которое *имѣющій въ руцѣ своей власть земли*, какъ необходимо *потребнаго*, *воздвигъ* Александра, было не тихое утро Россіи, но бурный вечеръ Европы. Буря мятежа разрушила и престолъ царя и олтари Христовы у народа, который дотолѣ, повидимому, дышалъ только легкимъ вѣтромъ; и ужасныя развалины омывалъ продолжительный дождь кровавый. Изъ порывовъ безначалія родился, какъ сильный вихрь, похититель власти, который то уносилъ престолы съ мѣсть, гдѣ они были, то поставлялъ ихъ на мѣстахъ, гдѣ ихъ не было; и который, наконецъ, поднявъ большую часть Европы, несъ обрушить ее на Россію.—Что, если-бы на сіе время, когда такъ укрѣпился и возвысился сей *излишній* на землѣ,—что, если-бы не воздвигъ Господь *потребнаго* на ней? Что было-бы съ народами, которые, со дня на день умножая собою число порабощенныхъ, чрезъ сіе самое умножали число орудій порабощенія, и увеличивали силу поработителя, и которымъ онъ не хотѣлъ оставить другой безопасности, какъ войти въ порабощеніе, ни другой чести, какъ быть орудіями порабощенія? Что было-бы съ священнымъ царскимъ достоинствомъ, которое непорфирородный царь оскорблялъ сугубо, и униженіемъ порфирородныхъ, и возвышеніемъ непорфирородныхъ? Что было-бы съ народнымъ духомъ, что было-бы съ просвѣщеніемъ и разумомъ образованнѣйшей части свѣта, когда неограниченное самолюбіе никакихъ границъ не уважавшаго властителя непременно требовало, чтобы все умѣло только раболѣцствовать предъ нимъ, чтобы добродѣтель подвизалась только ис-

1) Въ отношеніи къ народному просвѣщенію срав. также слова одной проповѣди сказанной еще при жизни Александра въ 1825 году, *Сочин. Филар.* 2, 197—198.

полнять его волю, истина—ему ласкательствовать, знанія—изобрѣтать только средства для его цѣлей, искусства—производить ему памятники его славы, или размножать его идола? Чего надлежало ждать и христіанскому богослуженію отъ мнимаго въ своей землѣ возстановителя онаго, который далъ ему видъ возстановленія только для того, чтобы чрезъ то получить себѣ видъ освященія, который одною рукою возстановлялъ алтарь Христовъ, а другою гораздо съ большимъ усиленіемъ созидалъ синагогу христуубійственнаго народа? Что было-бы съ землею, столь много бѣдствующею, и еще болѣе угрожаемою?—Какая бездна золь открывается при семъ размышленіи! Потому, какое безпредѣльное благодѣяніе *Имѣющаго въ руцѣ Своей власть земли*, что воздвигъ на ней Александра, дабы заключить сію бездну? Чѣмъ бѣдственнѣе и ужаснѣе то, что было, и было-бы безъ него: тѣмъ величественнѣе и благотворнѣе то, что чрезъ него послѣдовало.—Богъ, Который воздвигъ Александра на время необычайныхъ браней и подвиговъ, научилъ его противопоставлять оружіямъ воинства плотскимъ не однѣ плотскія, но наипаче духовныя, даже, безъ несправедливой кому-либо укоризны, можно сказать, адскимъ оружіямъ небесныя, хитрости правду, дерзости твердость и терпѣніе, надменности кротость и смиреніе, надеждѣ на искусство и силы человѣческія—упованіе на помощь и провидѣніе Божіе. И что-же послѣдовало? Идолъ Франціи сокрушился о грудь Россіи. Невольнымъ поклонникамъ его дана свобода выйти изъ заблужденія. Союзомъ названныя оковы многихъ царствъ распались. Александръ съ побѣдою въ столицѣ враговъ, разрушившихъ тебя, возрожденная потомъ столица Александра, и *наказуетъ ихъ наказаніемъ праведника,— милостію* (Псал. 140, 5). Ни въ чему не прикасается; ничего не требуетъ; не показываетъ и не принимаетъ славы побѣдителя; даритъ имъ плѣнныхъ; воздаетъ христіанскую честь ихъ царю-мученику ¹⁾; даетъ имъ безопасность провозгласить изгнаннаго царя, и возстановить законный, но давно разрушенный престоль. Какая необыкно-

¹⁾ Людовику XVI.

венная побѣда надъ врагами! И поелику столь высокая побѣда ни на минуту не подвигла духа Александра съ глубокаго основанія смиренія: то какая еще болѣе необыкновенная побѣда надъ самою побѣдою!—И что еще! слава побѣдъ, по правдѣ, предъ тѣмъ почти забытой, принесена Господу силъ. Неукротимый дотолѣ духъ браней связанъ. Союзамъ царей и царствъ, для которыхъ не находили дотолѣ болѣе приличнаго закона, какъ законъ своекорыстія и взаимной зависти, Александръ, сильнымъ примѣромъ своимъ, положилъ въ основаніе законъ безкорыстія и благоволенія, словомъ, законъ христіанскій. Несогласія народовъ или превращены, или обезсилены. Крамолы, если не уничтожены, то приведены въ отчаяніе. Дѣла, которыя рѣшалъ мечъ, уже разрѣшаются совѣтами. Многочисленное воинство Александра стоитъ въ тишинѣ, какъ величественная стража мира, не только Россіи, но и Европы. Оградясь отъ враговъ внѣшнихъ, Александръ, по собственному его изреченію, обращается противъ враговъ внутреннихъ, противъ неправосудія, неблагочинства, неблагочестія; какъ солнце, правильными шествіями, обходитъ землю, ему подвластную, повсюду являя всѣхъ одушевляющій взоръ благоволенія, примѣръ благоговѣнія къ Богу, дѣйствія правды и милости. Мы наслаждались безопасностію и покоемъ; ожидали и требовали блаженства:—увы! можетъ быть слишкомъ нетерпѣливо и съ ропотомъ ожидали, не рассуждая о трудностяхъ, какія встрѣчаютъ созидающіе благо народовъ;—можетъ быть, несправедливо требовали, будучи недостойны блаженства, сами препятствуя созиданію онаго недостаткомъ чистой и послушливой ревности къ общему благу, истощая общее изобиліе нашею роскошію, затрудняя законы и дѣйствіе ихъ приумноженіемъ беззаконій;—и видѣлъ Господь; и прогнѣвался; *и не отвратися Господь отъ ярости гнѣва Своего великаго!*—Гдѣ сей новый Іосія, *иже обратися къ Господеву встѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душою своею, и всею силою своею?* Что принесло намъ величественное шествіе? ¹⁾ Что нашло наше ревностное срѣтеніе? Одно мерт-

¹⁾ Разумѣется, конечно, торжественная похоронная процессія, которая, по

венное, оставшееся отъ безсмертнаго. *Да плачетъ вновь весь Иуда и Иерусалимъ*—весь народъ и градъ престольный! *Да глаголютъ вси князи и княгини плачь!* Да рыдаютъ служители слова и таинствъ рыданіемъ *Иереміинымъ*, или плачемъ *Давидовымъ!*— Затѣмъ, въ видахъ перехода отъ изложенія къ заключенію проповѣди, нашъ витія дѣлаетъ слѣдующій замѣчательный ораторскій оборотъ: „Слышу плачь пѣвца Израилева: *горы Гелвуйскія! да не снідетъ роса, ниже дождь на васъ!* За что сіе проклятіе на невинную природу?—*Яко тамо поверженъ бысть щитъ сильныхъ* (2 Цар. 1 21), жалуется пѣвецъ Израилевъ. Но сильные повергли щитъ, уступивъ сильнѣйшимъ въ брани: за что-же негодовать на мѣсто, которое приняло ихъ въ паденіи? Приди, пѣвецъ скорби: я укажу тебѣ мѣсто, болѣе достойное негодованія. Приди, помоги мнѣ сѣтовать на горы Таврійскія. *Горы Таврійскія! да не снідетъ роса, ниже дождь на васъ!* Не оружіемъ враговъ поражены тамо сильные: горный вѣтръ пронзилъ главу священную ¹⁾. Не малый щитъ, не многихъ сильныхъ поверженъ тамо: великій щитъ благоденствія великой имперіи, крѣпкій щитъ мира Европы, проникнуть стрѣлою невидимою. Не Саулъ оставленный ищетъ тамо смерти, которая обружаетъ его: но возлюбленный Давидъ ищетъ жизни для возлюбленной болящей супруги; а никѣмъ не подозрѣваемая смерть его самого ищетъ. *Горы Таврійскія! да не снідетъ роса, ниже дождь на васъ!*—Но тщетно и сіе негодованіе, и можетъ быть дерзостно. *Смиримся подъ крѣпкую руку Божію* (1 Петр. 5, 6). И для насъ, и для оплакиваемаго нами, лучше молиться, нежели жаловаться“. И такимъ образомъ витія заключаетъ свою проповѣдь возвышеннѣйшею молитвою: „Царю царей! Ты воздвигъ его на время: Ты воззвалъ его къ вѣчности. Приими то, что Ты даровалъ; не остави тѣхъ, которыхъ лишаешь. Ты взялъ сего царя, какъ *праведнаго отъ лица неправды* (Ис. 47, 1), когда она готовилась вновь

словамъ очевидца, „тянулася отъ Серпуховской заставы до самаго Кремля“ и была „пышная“. См. *Востокъ Евреин.* стр. 23.

¹⁾ Какъ мы знаемъ изъ вѣщесказаннаго, Александръ получилъ предсмертную лихорадку въ Крыму или на Таврическомъ полуостровѣ, усѣянномъ горами. Названіе-же взято библейское отъ имени Палестинской горы Тавра.

разродиться отступленіемъ отъ царей; (ибо разрушителя крамоль всемірныхъ, надлежало устранить отъ тяжелой скорби, видѣть ихъ отрасль, проникшую даже въ отечество ¹⁾); умилосердися, Господи, возьми сію неправду отъ лица оставшихся праведныхъ! Христе, животе нашъ! Въ Тебѣ Единомъ искалъ онъ врачевства и жизни во дни болѣзни своей; сподоби его *истѣе Тебе причащатися отъ невечернѣмъ дни царствія Твоего*, въ соборѣ царей, вѣчно съ Тобою царствующихъ! Аминь“ ²⁾. Эта замѣчательная проповѣдь должна была произвести сильное и глубокое впечатлѣніе на слушателей. А что она и дѣйствительно произвела такое впечатлѣніе, объ этомъ вотъ современное свидѣтельство. Какъ мы замѣтили выше, она была вскорѣ-же по своемъ произнесеніи напечатана и отдѣльно ³⁾. А между тѣмъ ее еще въ рукописномъ спискѣ послалъ къ Тобольскому архіепископу Евгенію Казанцеву московскій родственникъ его, не разъ упомянутый нами протоіерей И. А. Благовѣщенскій при письмѣ, въ которомъ и описывалъ это впечатлѣніе. И вотъ что отвѣчалъ ему на это письмо и посылку Евгеній въ своемъ письмѣ отъ 5 марта того-же 1826 года: „особенно благодарю за проповѣдь преосвященнаго. Но вы едва-ли выиграли, что послали письменную, если имѣли печатную. Печатное принимается на тяжелой почтѣ по той-же цѣнѣ съ фунта, что за письменное на легкой съ лота. Впрочемъ для меня нужна проповѣдь, не печать. Вы тѣмъ меня много одолжили. Весьма обрадовали и тѣмъ, что церковь вся плакала въ проповѣдь. Мнѣ сказали здѣсь, не помню кто, будто во всю печальную церемонію никто слезки. Это мнѣ было больно—не плакать при гробѣ Отца“ ⁴⁾. Не менѣе замѣчательно, въ отношеніи къ

¹⁾ Здѣсь разумѣется заговоръ Пестеля и братьевъ Муравьевыхъ на царубійство, о коемъ донесено было Шервудомъ Александру I въ Таганрогъ незадолго до его смерти, а затѣмъ и стоявшій съ нимъ въ связи бунтъ декабристовъ, о которомъ подробнѣе мы будемъ говорить въ свое время.

²⁾ Сочин. Филар. 3, 1—3. Москва, 1877.

³⁾ См. о семъ въ письмѣ Филарета къ намѣстнику лавры Анастасію уже отъ 22 февр. 1826 года. *Въ прибав. къ Твор. св. Отцевъ*. 1866, 38, 392.

⁴⁾ Хранится въ числѣ другихъ писемъ Евгенія къ тому-же лицу въ рукописномъ видѣ въ Моск. Епарх. библиотекѣ.

достоинствамъ церковнаго витѣйства, и „слово при гробѣ блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветы Алексіевны“, говоренное Филаретомъ въ Можайскомъ Николаевскомъ соборѣ, въ присутствіи государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, мая 26 дня. Еще 30 апрѣля Марія Ѳеодоровна прибыла въ Москву для слѣдованія въ Калугу на встрѣчу своей августѣйшей невѣсткѣ; но, какъ мы сказали выше, эта послѣдняя, едва достигнувъ Бѣлева, скончалась. „Тѣло ея изъ Бѣлева препровождено было въ Петербургъ чрезъ Можайскъ, куда и императрица Марія Ѳеодоровна отправилась; сюда-же прибылъ и архіепископъ московскій и служилъ въ присутствіи ея величества заупокойную литургію, послѣ которой сказывалъ надгробное слово“ ¹⁾ на текстъ: *Услыши молитву мою, Господи, и моленіе мое внуши, слезъ моихъ не премолчи: яко пресельникъ азъ есмь у Тебе и пришлецъ, якоже вси отцы мои. Ослаби ми, да почию прежде даже не отхиду, и ктому не буду* (Псал. 38, 13. 14). Хотя это слово, составленное и говоренное проповѣдникомъ „съ больными глазами“ ²⁾, по его-же собственнымъ словамъ „не большое“ ³⁾, однако, въ виду нашей ближайшей задачи, и при всемъ томъ намъ нѣтъ надобности дѣлать изъ него столь обширнаго извлеченія, какое мы дѣлали изъ слова при гробѣ Александра. Мы извлечемъ изъ него лишь болѣе важныя для характеристики покойной императрицы, послѣднихъ лѣтъ и дней жизни и кончины ея и ея отношеній къ супругу, а равно и взаимоотношеній съ русскимъ императорскимъ домомъ мѣста. Оно начинается такъ: „Когда кто изъ высокихъ на земли, по судьбѣ, для земнородныхъ общихъ, отходитъ въ землю: при семъ обыкновенно слышатся отголоски славы, которая сопровождала его во время земной жизни. Слышимъ оныя и теперь; но величественнѣе самой славы слышится здѣсь—молчаніе. Дервая говорить, колеблюсь

¹⁾ *Вспомин. Евреин. 24.*

²⁾ *Письма Филар. къ родн. стр. 272. Москва, 1882. Срав. письма его-же къ кн. С. М. Голицыну, стр. 7. Москва, 1884.*

³⁾ *Письма Ф. къ родн. стр. 272.*

опасеніемъ, чтобы не возмутить безмолвнаго сѣтованія царицы-матери,—чтобы не нарушить послѣдняго безмолвія царицы-дщери, которая и среди славы знаменитѣйшаго изъ домовъ царскихъ, во дни особенно громкіе славою, любила погружаться въ безмолвіе.—Но слово молитвы,—продолжаетъ за тѣмъ витія,—надѣюсь не будетъ противно безмолвію, которое одушевляется молитвою“¹⁾. И далѣе погружается въ „размышленіе“ по предмету избраннаго для проповѣди и составляющаго собою молитву текста. А потомъ говоритъ: „Послѣ сего размышленія не такъ тяжко мнѣ коснуться предмета, который такъ болѣзненно сердце касается.—Государыня, которой душевныя свойства и расположенія были такъ-же возвышенны, какъ санъ ея;—которой умъ свѣтился и сквозъ ея любимое молчаніе;—которой сердце, кроткое и человѣколюбивое, какъ ни закрывалось скромностію, въ самыхъ ея взорахъ являлось, узнаваемо было наипаче страждущими и сострадательными, отверзалось къ сострадательнымъ для участія и покровительства въ дѣлахъ состраданія, къ страждущимъ для благотвореній, большею частію тайныхъ;—которая въ труднѣйшихъ приключеніяхъ не только не изнемогала духомъ, но и одушевлялась неожиданною силою къ труднѣйшимъ подвигамъ, какъ то, во времена болѣзней своего супруга, преодолевая и свою немощь, и свою печаль, такъ сказать, поселялась и жила при одрѣ болящаго;—такая душа не была-ли достойна всего возможнаго на земли счастья? И не столько-ли же она была окружена средствами счастья, сколько была онаго достойна? Ахъ! если августѣйшій супругъ, преодолевая всѣ трудности, перенесся съ нею на край государства, чтобы доставить ей или здравіе, или хотя облегченіе и услажденіе въ тяжелой болѣзни;—если августѣйшая мать, преодолевая всѣ трудности, отторгая себя отъ другаго, также матерняго попеченія, далеко текла ей на встрѣчу, чтобы пролить отраду любви въ ея многострадальное сердце; и оставленное возлюбленною душею тѣло другой разъ далеко преслѣдуетъ,

¹⁾ Сочин. Филар. 3, 36.

безплодными уже, но еще вождельными для матерней любви лобзаніями: то чего не готовы были сдѣлать Александръ и Марія, чтобы Елисавета была счастлива долго, непрерывно, совершенно? При всемъ томъ судьба вела ее путемъ жизни не къ великому, подобно ея добродѣтелямъ, счастью, но къ величественному несчастію.—Можетъ быть природа, можетъ быть воспитаніе, наконецъ, можетъ быть, безчадіе, особенно несоотвѣтствующее желаніямъ на престолѣ, посѣяло въ сердцѣ ея тайное, болѣзнетворное сѣмя унынія ¹⁾. Бѣдственнымъ потопомъ столицы ²⁾ напоено сіе сѣмя; и необычайно возбужденная сердечная скорбь состраданія прозябла и развилась въ тѣлесную болѣзнь сердца.—Въ сердцѣ супруга обрѣлось дѣйствительнѣйшее врачество для ея сердца: но жизнь, которая любовію питала и поддерживала угасающую жизнь ея, внезапно сама угасла; и оставила ее въ сторонѣ пришельствія, какъ угасающій въ тучахъ вечеръ оставляетъ истощившаго силы странника въ мрачной пустынѣ.—Благословенно могущество вѣры! Только ея небесный огонь могъ воспрепятствовать смертному хладу вскорѣ объять сердце, которое болѣзнь стремительно приближала ко гробу, а любовь совсѣмъ полагала во гробъ Александра.—Благость Брата и Преемника его подвиглась, чтобы беречь и утѣшать его вдовицу, и для сего, если можно, возвратить ее въ нѣдра семейства. Изъ отдаленнаго града пресельничества своего предприняла она возвратное странствованіе. На семь пути, какъ путеводительная звѣзда, по захожденіи солнца, какъ новая искра жизни блеснула ей надежда утѣшенія отъ сердца матери Александра. Странствующая поспѣшаетъ къ сему вождельному свѣту, напрягаетъ останки силъ; простираетъ объятія; Августѣйшая Матерь взаимно ихъ простираетъ. Достигай сихъ животворныхъ объятій; почій хотя мало, въ нихъ, утомленная тѣлесными и душевными страданіями Ели-

¹⁾ Въ отд. изданіи, вмѣсто этихъ словъ, читаются слѣдующія: „наконецъ, можетъ быть, желаніе имѣть дѣтей, то совсѣмъ неудовлетворяемое, то болѣе раздражаемое, нежели удовлетворяемое рожденіемъ краткожизненныхъ, давно, кажется, посѣяло въ сердце ея болѣзнетворное сѣмя унынія“.

²⁾ Разумѣется Петербургское наводненіе 1824 года.

савета!—Увы! упадаютъ праздныя объятія; Елисавета почиетъ не тѣмъ покоемъ, котораго ждала въ объятіяхъ Матери, но тѣмъ, который ожидаетъ седмицею въ скорбяхъ очищенную душу ея въ лонѣ Отца чистыхъ сердцемъ ¹⁾. Не окончивъ странствованія, Она перешла въ отечество, изъ котораго уже не странствуютъ: *отъиде и ктому не будетъ*“. И затѣмъ витія обращается съ молитвою къ Отцу Небесному объ увѣнчаніи покойной на небѣ „усугубленную славою, да безмолвная въ земномъ страданіи отверзетъ наконецъ уста свои въ небесномъ веселіи, чтобы благодарственно исповѣдать предъ Нимъ „блаженную тайну сего страданія: *по множеству болѣзней моихъ въ сердце мое, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою* (Псал., 93, 18)“. Но еще возвышеннѣе, еще обширнѣе по предмету продолженіе этой молитвы и вмѣстѣ заключеніе всей проповѣди: „Еще-же не одна царственная душа страждущая, цѣлый Домъ Царевъ, цѣлое Царство Россійское вызываетъ къ Тебѣ, Царю царей: *ослаби ми, да почию!* Еще не почило сердце наше отъ прежней печали, какъ постигла насъ новая. Вся земля наша отъ края до края, отъ столицы до столицы, прочерчена погребальными путями Царскими. Довлѣетъ, Господи! да почиетъ гнѣвъ Твой; да почиетъ сердце наше предъ Тобою. Довольно торжествовала смерть и печаль; послѣ торжества жизни и радости мужественному преемнику Александра, и Августѣйшему Дому его, и Россіи. Аминь“ ²⁾.

¹⁾ Еще въ концѣ вышеупомянутаго „размышленія“ своего на слова избраннаго для проповѣди текста витія сказалъ знаменательныя слова: „какой тутъ порядокъ, когда напущія души такъ жестоко страдаютъ?—Такой-же, какой наблюдается когда полагаютъ золото въ горнило, жертву на жертвенникъ. Золото будетъ чисто; жертва низведетъ благодать; огнемъ страданія искушенная душа просіяетъ чистотою, а наконецъ и блаженствомъ: *во время посѣщенія ихъ воссіютъ* (Прем. 3, 7)“. Сочин. Филар. 3, 38. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ потомъ повторилъ Филаретъ и въ одномъ изъ писемъ своихъ къ одной подобной страдалицѣ. См. Сушкова, *Записки о жизни и врем. Филар.* стр. 149. Сравн. Также слова письма Филарета къ намѣстнику лавры Афанасію отъ 8 мая 1826 года: „молитесь о душѣ Императрицы Елисаветы. Ея кроткое страданіе было жертвою благопріятною Богу и, можетъ быть, умилоствляло Его и для насъ“. *Приб. къ Тв. Св. Отц.* 1886, 38, 335.

²⁾ Сочин. Филар. 3, 38—40. Характеристику Императрицы Елизаветы Алексіевны см. также въ *Рус. Вѣстн.* за 1836 г. № 12, стр. 616 и дѣл. 652—653.

Послѣднія слова проповѣди сказыны въ виду приближавшихся дней торжества крещенія великой княжны Елизаветы Михайловны ¹⁾ и затѣмъ коронаціи новаго императора. Обращенія ораторскихъ достоинствахъ какъ той, такъ и другой надгробной проповѣди Филарета по вѣнценоснымъ супругамъ могутъ дать понятіе слѣдующія слова современника событій, извѣстнаго въ исторіи русской словесности Сергѣя Н. Глинки, заключающіяся въ посвященіи митрополиту Филарету составленнаго имъ, Глинкою, сочиненія: „Красоты духовнаго краснорѣчія“ (Москва, 1828): „посвящая вамъ (—обращеніе Глинки къ Филарету) красоты превосходнѣйшихъ проповѣдниковъ, я посвящаю оныя тому духовному нашему витію, который у священнаго праха Александра и Елисаветы оживилъ краснорѣчіе Боссюэта и утвердилъ сими надгробными словами на поприщѣ словесности Россійской новую отрасль краснорѣчія“.—Черезъ князя С. М. Голицына Филаретъ какъ ту, такъ и другую проповѣди свои представилъ и во Двору ²⁾.

И. Борсунскій.

(Продолженіе будетъ).

655 и дѣл. срав. также „Записки графини Эделинъ“ въ Рус. Архивъ за 1887 годъ №№ 2 и 3.

¹⁾ См. письма Филар. къ родн. стр. 272.

²⁾ Письма Филар. къ кн. С. М. Голиц. стр. 5. 7. Москва, 1884.

ПАСТЫРСКІЯ НАСТАВЛЕНІЯ

СВ. ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА,

(„Regula pastoralis“).

Такъ какъ въ патристической литературѣ, по отношенію къ разъясненію пастырямъ обязанностей ихъ служенія, существуютъ поучительные и назидательные труды св. отцевъ: Іоанна Златоустаго (347—407) и Амвросія Медиоланскаго (340—397), то, при изложеніи содержанія сочиненія св. Григорія „Правило пастырское“, представляется цѣлесообразнымъ обратить вниманіе на отношеніе ихъ трудовъ къ труду св. Григорія († 604).

Еще въ „пастырѣ“ Ерма ¹⁾, сочиненіи, имѣющемъ въ виду благоустроеніе жизни христіанъ сообразно заповѣдямъ Христовымъ и заключающемъ въ себѣ призваніе къ жизни Христовой невѣрующихъ, предлагаются наставленія пресвитерамъ. „Вамъ теперь говорю,—говорится въ „пастырѣ“ Ерма,—которые начальствуете въ Церкви и предсѣдательствуете... Какъ хотите вы воспитывать избранныхъ Божіихъ, когда сами не имѣете наученія? Поэтому вразумляйте себя взаимно, и будьте въ мирѣ между собою“ („Пастырь“ Ерма, 1; 3, 9). Послѣ Ерма слѣдуетъ упомянуть о письмѣ бл. Іеронима (къ Непоціану объ

¹⁾ Признаютъ наиболѣе вѣроятнымъ, что писатель книги подъ именемъ „пастырь“ есть тотъ Ерма, о которомъ упоминаетъ ап. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ въ числѣ привѣтствуемыхъ лицъ (Римл. 16, 14). См. Памяти. древн. христ. письм. въ прил. къ Православн. Обзорѣн. т. 2, стр. 212.

обязанностяхъ клириковъ¹⁾, каковое письмо въ вѣвторомъ отношеніи можетъ быть разсматриваемо, какъ зачатокъ тѣхъ наставленій пастырямъ, которыя впоследствии предложили въ своихъ трактатахъ объ обязанностяхъ пастырей св. Амвросій и Григорій Двоесловъ; ибо многочисленныя руководственныя указанія бл. Иеронима пастырямъ вышеозначенными св. отцами были раскрыты въ подробныя наставленія. Хотя въ письмѣ бл. Иеронима довольно значительное мѣсто занимаютъ наставленія священникамъ, вызванныя обстоятельствами времени²⁾, однако здѣсь даются указанія и относительно общихъ, требованій пастырскаго служенія. Такъ бл. Иеронимъ ставитъ на видъ пастырямъ и вообще клирикамъ, что о достойномъ прохожденіи ихъ служенія имъ напоминаетъ самое имя, которое имъ усвоится (κλήρος). „Когда я, доля Господа и наследственный удѣлъ Его (Втор. 32, 9), а потому, не имѣю доли съ прочими колѣнами, но какъ девять и священникъ, живу десятинами (Втор. 18, 1), говоритъ онъ; когда служа алтарю, получаю пропитаніе отъ вещей, принесимыхъ къ алтарю, (1 Кор. 9, 13); то имѣя пищу и одѣжаніе, пусть симъ доволенъ буду (1 Тим. 6, 8)“. Изъ идеи пастыр-

¹⁾ Отзвѣвъ преосв. Филарета Черниговскаго: письма его къ Неподиану заключаютъ въ себѣ превосходныя мысли о званіи священномъ и вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы часто были читаемы лицами сего званія: Историч. ученіе объ отцахъ Церкви, т. 2, стр. 283. Мы разумѣемъ здѣсь письмо бл. Иеронима къ Неподиану, напечатанное въ Хр. Чит. за 1836 г.

²⁾ Въ числѣ частныхъ наставленій замѣчательны слѣдующія: „когда по обязанности духовнаго сана своего, ты долженъ будешь посвятить вдову, или дѣвицу: то одинъ, отнюдь не входи въ домъ ея. Ходить ли съ тобою чтець, или освѣщеносецъ, или пѣвецъ: смотри, чтобы они отличались доброю нравственностію“. „Наединѣ съ женщиною, тайно, безъ посторонняго человѣка или свидѣтеля не будь“. „Черныхъ одеждъ не носи, равно и бѣлыхъ. Щегольства столько же убѣгай, какъ и неопрятности: потому что въ одномъ просвѣчивается роскошь, а подъ другою кроется тщеславіе“. „Съ свѣтскими людьми пировъ не води, а особенно съ важными сановниками. Ты священникъ Христа распятаго, Который жилъ въ бѣдности“. „Остерегайся, чтобы никогда не пахло отъ тебя виномъ, иначе и тебѣ, когда будешь съ кѣмъ-нибудь здороваться, могутъ сказать словами одного философа: ты мнѣ не поцѣлуй даешь, а вино“. „Постовъ залагай на себя столько, сколько перенести можешь. Посты твои должны быть чисты, непорочны, непритворны, умѣренны и несуетны“. „Берегись также, чтобы языкъ твой не былъ невоздержанъ, и уши ко всему отверсты, т. е. ни самъ не говори въ обиду другихъ, ни отъ другихъ не слушай пересудовъ“. Христ. Читен. 1836 г., ч. 2. Письмо бл. Иеронима къ Неподиану было писано изъ Вилелема, не ранѣе 385 г.

скаго служенія бл. Иеронимъ выводитъ долгъ пастырей прилежать Св. Писанію: „читай, какъ можно чаще, Божественное Писаніе, — говоритъ онъ, — или лучше не выпускай изъ рукъ Священныхъ книгъ (Тит. 1, 9; 2 Тим. 3, 14; 1 Петр. 3, 15). Чему ты долженъ научать, тому самъ научись. Берегись, чтобы поступки твои не опровергали твоихъ словъ; чтобы въ то время, когда ты проповѣдуешь въ церкви, кто-нибудь не сказалъ о тебѣ: для чего-же самъ не дѣлаешь, такъ какъ учишь?“

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляетъ пастырю слѣдующія требованія, какъ прямо вытекающія изъ долга его служенія: „когда ты учишь въ церкви, старайся не о томъ, чтобы тебя хвалили, но чтобы изъ глубины сердца воздыхали. Похвалою тебѣ должны быть слезы слушателей“. „Намъ ввѣрено попеченіе о душахъ: и потому мы должны особенно любить семейства всѣхъ христіанъ, какъ-бы свои собственные. Пустьъ онѣ скорѣе находятъ насъ утѣшителями въ своихъ горестяхъ, нежели соучастниками нирова въ счастливое время“.

Что касается трактатовъ о должностяхъ „пресвитеровъ“ св. Амвросія и Григорія Двоеслова, то они находятся въ нѣкоторомъ, довольно близкомъ соотношеніи.

Основа, на которой возникло первое сочиненіе: языческое представленіе нравственно-прекраснаго въ мысли и жизни было; но оно есть только чаяніе той истины, которая возвѣщена въ Евангеліи; побужденіе онаго — разъясненіе неощенныхъ даровъ, заключающихся въ вѣрѣ христіанской и возваніе пастырей къ сознанію ихъ высокаго служенія и многообразныхъ и не легкихъ нравственныхъ обязанностей, съ нимъ соединенныхъ; задача сочиненія назидательная — воспитать духъ пастырства въ предстоятеляхъ Церкви. Другое сочиненіе представляетъ собою стремленіе заключить обязанности пастыря въ область нравственной юрисдикціи; въ то время какъ въ первомъ сочиненіи рисуется образъ пастыря какъ отвлеченный идеаль, который пастырь долженъ носить въ своемъ сердцѣ и съ нимъ сообразоваться, — во второмъ характеръ идеальнаго пастыря представляется какъ такой, который долженъ быть осуществляемъ въ жизни, если пастырь желаетъ быть истиннымъ пастыремъ. Отношеніе между тѣмъ и другимъ сочиненіемъ такимъ

образомъ таково, что тогда какъ въ первомъ выставляются на видъ пастырю собственно нравственныя требованія сообразно съ идеею пастырскаго служенія, во второмъ предъявляются предписанія нравственно-обязательныя.

Въ частности, св. Амвросій принимаетъ за исходный пунктъ языческую идею нравственно-прекраснаго, или честнаго, какъ-вотъ идея, по мнѣнью Цицерона (Амвр. ч. 1 гл. 7), наиболее ясно среди языческихъ писателей выразившаго требованія нравственнаго сознанія и совѣсти; не можетъ быть отдѣлена отъ идеи полезнаго. Но когда св. Амвросій обращается къ разуму естественнаго человѣка и совѣсти, которые свидѣтельствуютъ намъ, что въ честности состоитъ жизнь счастливая, онъ не то хочетъ сказать, что требованія разума и совѣсти естественнаго человѣка находятся въ соотвѣтствіи съ требованіями совѣсти человѣка просвѣщеннаго свѣтомъ Евангельскаго ученія, но только, что истина блаженной жизни, которая, по Евангелію, есть жизнь вѣчная (Амвр. 2, 1), не находится въ противорѣчій съ разумомъ естественнаго человѣка. Философы старались изъяснить, въ чемъ состоитъ блаженная жизнь людей, и каковы должны быть ихъ должности; но понимали оную неодинаково; и на семъ основаніи суждали различно и о должностяхъ; никто изъ нихъ не возвысился до того, чтобы требованія нравственной жизни прямо поставить въ зависимость отъ идеи о Богѣ, какъ Творцѣ, Промыслителѣ и Судіи вселенной (Амвр. ч. 1, гл. 26¹⁾); посему св. Амвросій считаетъ не лишнимъ и свое сочиненіе, такъ какъ христіане, по его словамъ, въираютъ больше на будущее, чѣмъ на настоящее, и ничего не поставляютъ полезнымъ, кромѣ того, что служить къ вѣчной жизни, а не что, ко услажденію настоящей (Амвр. 1, 9). Нѣкоторые изъ философовъ поставляли счастье въ познаніи вещей (Платонъ); иные блаженствомъ считали удовольствіе, какъ Эпикуръ; Зенонъ стоикъ верховнымъ благомъ нарицалъ только то, что есть честно; Аристотель же, Теофрастъ и прочіе перипатетики ут-

¹⁾ Аристотель утверждаетъ, что Богъ не имѣетъ попеченія о мірѣ и довольствуется своими границами; а Эпикуръ говорить, что Онь не печется о людяхъ (Амвр. кн. 1, гл. 13). Цитаты изъ „de officiis ministrorum“ св. Амвросія приводятся по изданію св. Синода 1786 г.

верждали, что блаженная жизнь хотя состоитъ въ добродѣтели, т. е. въ честности, но блаженство ея совершается также тѣлеснымъ благосостояніемъ и вѣшними благами (Амвр. о должн. 2, 2). Очевидно, что, при помощи естественныхъ силъ разума и совѣсти не возвысившись, въ силу поврежденія человѣческой природы, до правильнаго понятія о Богѣ, какъ Бытіи абсолютномъ, они не могли судить правильно и о должностяхъ чловѣка. Св. Амвросій посему и хочетъ показать, что, при всѣхъ проблескахъ истины, находящихся у языческихъ писателей, при опредѣленіи правилъ нравственной дѣятельности чловѣка, оныя писатели не могутъ быть наставителями въ семъ отношеніи, ибо нравственность ими предлагаемая не имѣетъ животворнаго источника, т. е. не находится въ связи и не исходитъ изъ правильнаго понятія о Богѣ. Въ своихъ увѣщаніяхъ къ пресвитерамъ, направленныхъ къ воспитанію въ нихъ духа паствы, св. Амвросій нерѣдко начинаетъ свои бесѣды съ указанія языческихъ правилъ нравственности, но лишь для того, чтобы показать, насколько превышаютъ ихъ правила нравственности откровенной, какъ ожидающіяся на истинномъ понятіи о Богѣ, Творцѣ, Промыслителѣ и Судіи вселенной, хотя слѣдуетъ сказать, что св. Амвросій не опускалъ указывать и на не лживыя правила нравственности язычниковъ высказанныя по нѣкоему чаянію истины, совозбуждаемому внутреннимъ гласомъ разума и совѣсти, при всемъ томъ, что для сихъ правилъ не полагалось соотвѣтствующаго основанія (Амвр. 1, 30; 31; 36; 43; 46; 11, 1; 7 и проч.).—Ставя цѣлюю опредѣлить взаимоотношеніе трактатовъ о паствы св. Амвросія и Григорія Двоеслова, мы должны сказать, что св. Амвросій старается возвысить паствы до пониманія ихъ обязанностей въ отношеніи къ пасомымъ¹⁾, опираясь нерѣдко на требованія совѣсти естественнаго чловѣка, хотя въ то же время не опуская когда слѣдуетъ указать несоотвѣтствіе нравственныхъ наставленій язы-

¹⁾ О томъ, что трактатъ св. Амвросія относится ближайшимъ образомъ до паствы, свидѣтельствуютъ его слова: должны мы быти образъ прочимъ не токмо въ дѣлѣ, но и въ словѣ, въ чистотѣ и вѣрѣ (Амвр. 2, 19).

ческихъ философовъ съ нравственными предписаніями богооткровеннаго ученія (о должн. 1, 9); между тѣмъ какъ св. Григорій въ семъ отношеніи стоитъ чисто на евангельской почвѣ, обращаясь лишь въ иное время къ соображеніямъ психологическаго характера для естественнаго обоснованія своихъ наставленій. Почему-же именно св. Амвросій при изъясненіи должностей пресвитеровъ и вообще правилъ христіанской нравственности обращается къ указаніямъ мудрости естественнаго человѣка, — это объясняется его желаніемъ содѣйствовать возсозданію духовному вѣрующихъ: „какъ Туллій, говоритъ онъ, дѣлалъ сіе (писалъ о должностяхъ) для наученія сына своего, такожде и я сіе принимаю на себя для наставленія васъ чадъ моихъ... Природа бо не сильнѣе стремится къ любви, нежели благодать“ (о должн. 1, 7). Указывая на правила нравственности естественнаго человѣка, опирающіеся на разумъ и совѣсть, св. Амвросій желалъ показать, что христіанство, не будучи въ прямомъ противорѣчій съ сими правилами, предлагаетъ ученіе о нравственности наиболѣе совершенное. Такъ сказавши, что язычники въ числѣ начальныхъ добродѣтелей поставляютъ на первомъ мѣстѣ благоразуміе, которое упражняется въ изслѣдованіи истины, и изъясняетъ желаніе къ довольнѣйшему знанію; на второмъ мѣстѣ правду, которая отдаетъ каждому свое, чуждого не присвоетъ, презираетъ собственную пользу для сохраненія справедливости ко всѣмъ; на третьемъ — храбрость, которая оказывается въ дѣлахъ военныхъ и домашнихъ чрезъ особенное великодушіе; и на четвертомъ — умѣренность, которая хранитъ мѣру и порядокъ въ дѣлахъ и словахъ, — онъ спрашиваетъ, что неужели святые Ветхаго Завѣта (Авраамъ, Іаковъ, Іосифъ, Іовъ, Давидъ) не исполнили должностей, связанныхъ съ сими начальными добродѣтелями естественнаго человѣка, и показываетъ при семъ, что оныя добродѣтели не были чужды святымъ Ветхаго Завѣта (Амвр. 1, 24¹⁾. Такимъ образомъ, быть можетъ,

¹⁾ Сравни. Иерон. (Хр. Чт. 1836 г.): „пріобрѣти благоразуміе, справедливость, воздержаніе и мужество. Въ сихъ четырехъ добродѣтеляхъ, какъ въ четырехъ странахъ свѣта, долженъ заключаться весь міръ твоей дѣятельности. Эта четверокопная колесница должна вести тебя къ цѣли, какъ возницу Христова“.

не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ вѣкъ св. Амвросія, когда еще не совсѣмъ исчезло язычество и мнѣніе философовъ по вопросамъ нравственности не потеряли еще своего вліянія надъ умами нѣкоторыхъ людей, при маломъ ихъ знакомствѣ съ христіанствомъ,—когда вообще были еще слишкомъ живы связи съ прошлымъ, св. пастырю медіоланской церкви было не бесполезно указывать въ иное время, что въ мнѣніяхъ естественнаго человѣка не противорѣчитъ богооткровенному ученію, дабы тѣмъ самымъ облегчать доступъ въ Церковь немощнымъ. Въ вѣкъ св. Григорія уже не было надобности воспитывать духъ пастырства въ предстоятеляхъ Церкви, чрезъ разъясненіе безусловнаго превосходства христіанскаго ученія предъ языческимъ нравоученіемъ; въ это время, когда служеніе предстоятеля Церкви не считалось уже соединеннымъ съ опасностями, а считалось даже и во мнѣніи міра почетнымъ, настояль долъ съ обстоятельностью изъяснить нелегкія обязанности сопряженныя съ высокимъ званіемъ пастыря.

Что-же касается до отношенія труда св. Григорія къ „словамъ о священствѣ“ св. Златоуста, то ихъ взаимоотношеніе слѣдующее: главный пунктъ бесѣды св. Златоуста въ словахъ о священствѣ есть представленіе ищущимъ священнаго сана великой возвышенности и отвѣтственности онаго служенія, въ разсужденіи субъекта и объекта служенія, для чего св. Златоустъ между прочимъ старается отклонить подозрѣніе себя со стороны нѣкоторыхъ людей, что будто-бы онъ нѣкоторое время отдалялся отъ сего служенія по гордости житейской и стремленію къ мірской славѣ, объясняя, съ одной стороны, что священство есть служеніе страшное для человѣка, „кровію и плотію оплетеннаго“, ибо пастырямъ „поручено правити небесная“, и посему къ пастырскому служенію надлежитъ приступать съ душею чистою, исполненною самоотверженія, и приуготовленной къ бодрствованію въ семъ служеніи; а съ другой стороны, показывая, что пастырское служеніе въ то-ликой-же мѣрѣ и почетно, въ какой отвѣтственно: „они (пастыри) суть тѣ, говоритъ онъ, коимъ духовныя вѣренны рождавія, и крещеніемъ повелѣно родити... Не тогда токмо когда они насъ возраждають, но и по возрожденіи имѣють власть

отпущати грѣхи“ (Злат. о свящ. 3, 6). То правда, что и св. Григорій указывалъ на возвышенность пастырскаго служенія, въ отношеніи къ субъекту служенія, но справедливость требуетъ сказать, что идеальная сторона пастырскаго служенія раскрывается у него болѣе въ отношеніи къ пасомымъ. Между тѣмъ какъ св. Златоустъ желаетъ наиболѣе поставить на видъ необходимость осторожности и самовнимательности при избраніи пастырскаго поприща, въ виду особливаго значенія пастырскаго служенія, св. Григорій раскрываетъ тяготы онаго служенія въ отношеніи къ созиданію спасенія пасомыхъ.

Ближайшимъ поводомъ къ написанію трактата „о пастырскомъ служеніи“, какъ видно изъ предисловія къ оному, для св. Григорія послужило писмо къ нему Іоанна, епископа равенскаго, въ которомъ высказывалось неодобреніе ему за уклоненіе отъ пастырскаго служенія. Настоящимъ же побужденіемъ къ изъясненію пастырскихъ обязанностей, какъ отрывается изъ того-же предисловія, явилась для него созрѣвшая подъ вліяніемъ обстоятельствъ ея многотруднаго пастырскаго служенія нравственная потребность разъяснить трудность и важность пастырства людемъ, которые рѣшились-бы помогать-ся онаго, не имѣя ни соотвѣтственнаго обученія, ни подлиннаго понятія о высотѣ онаго, и такимъ образомъ могли-бы приступать къ сему служенію легкомысленно, безъ страха и трепета, не провикнутые всецѣло сознаніемъ своей отвѣтственности за великое дѣло пастырства. Въ противовѣсъ легкомысленному взгляду на священное служеніе людей, которые могли-бы искать священства не ради именно служенія Церкви Божіей, а по мірскимъ побужденіямъ къ приобрѣтенію почестей и славы, св. Григорій ставитъ себѣ задачей разъяснить многотрудный долгъ пастырскаго служенія, наиболѣе съ точки зрѣнія нравственно-религіознаго воспитанія пасомыхъ, указаніемъ на то, сколь многія качества требуются отъ пастыря обязанностію пастырскаго учительства, этой существенной части пастырскаго служенія, и сколь возвышеннымъ онъ долженъ являться какъ на пастырской кафедрѣ, такъ и въ жизни, если желаетъ носить имя пастыря не по имени только.

Разсматриваемое сочиненіе можетъ быть раздѣлено¹⁾ на четыре части: въ первой части изъясняется, что значить достойно приступать къ пастырскому служенію и какъ опасно домогаться онаго недостойнымъ; во второй показывается, каковыми качествами должна отличаться жизнь пастыря, какъ руководителя своей паствы; въ третьей—указывается, какихъ правилъ слѣдуетъ ему держаться при благовѣстіи Слова Божія и назиданіи своей паствы; и въ четвертой—изъясняется, съ какимъ чувствомъ пастырь долженъ нести выпавшій ему жребій пастырскаго служенія.

Имѣя въ виду условія, при которыхъ кто-нибудь можетъ имѣть дерзновеніе приступать къ священному служенію, св. Григорій разъясняетъ (въ первой части), что никто да не дерзаетъ принимать на себя пастырское служеніе, не приготовившись тщательно къ сему служенію; такъ какъ „управленіе душами человѣческими есть искусство изъ искусствъ“ (гл. 1): Пастыри для того и поставляются, чтобы все предусматривать и руководить пасомыхъ. И какъ высоко и велико ихъ служеніе, если принять во вниманіе, что „душевныя болѣзни современнѣе и опаснѣе болѣзней тѣлесныхъ“. Такимъ образомъ приготовляющіеся приступить къ священному служенію должны тщательно изучить правила духовной науки и внимательно слѣдить за усовершеніемъ себя въ боговѣдѣніи. Но поелику поученія и назиданія пастырей, не подтверждаемая жизнью, или даже и въ противорѣчій съ нею состоящія, не имѣютъ ожидаемаго благодѣтельнаго воздѣйствія на души пасомыхъ, то посему ищущіе священнаго сана должны вѣдать, какой отвѣтственности подлежатъ пастыри, почерпая свое ученіе изъ чистаго источника истины, но не сообразуя образъ жизни и поведеніе съ высотой проповѣдуемаго ученія (Иезек. 34, 18—19). Пасомые алчутъ и жаждутъ чистаго ученія, и при всемъ почтеніи къ сану священнослужителя, когда проповѣдуемое ученіе не отображается въ ихъ жизни благо-

¹⁾ Мы держимся того дѣленія на главы и части, которое находится въ „Правилъ пастырскомъ“, изданномъ на русскомъ языкѣ проф. Кіевской академіи Д. Подгурскимъ. К. 1874. Онаго же изданія мы держались при изложеніи содержанія „Правилъ пастырскаго“.

честнымъ, достойнымъ ихъ сана поведеніемъ, оно теряетъ нѣчто въ своей силѣ и дѣйственности (гл. 2) ¹⁾.

Представляя себѣ трудности и отвѣтственность пастырскаго служенія, нѣкоторые увлчваются отъ него по одному: смиренію; въ мысляхъ при себѣ они имѣютъ, чтобы имъ не отдали предпочтенія сравнительно съ болѣе достойными. Таковое смиреніе, при другихъ добродѣтеляхъ, тогда имѣеть нѣкоторое нравственное значеніе, когда же кто, слыша и понимая волю Божію, повѣщающую его въ управленію другими, не противоборствуетъ упорно пласу Божію (гл. 6). Какъ поступать въ данномъ случаѣ, — показываютъ обстоятельства призванія двухъ пророковъ, Исаія и Іеремія. Такъ Исаія на вопросъ Господа: *кого послю, и кто придетъ изъ людей моихъ?* отвѣчалъ: *се азъ, послы мя* (Исаія; 6, 8); а Іеремія, когда посылаемъ быль на проповѣдь, отклонялъ отъ себя это порученіе, извиняясь неспособностію своею: *о Сый Владыко, Господи, се не вѣмъ глаголати, яко отрокъ азъ емь* (Іерем. 1, 6).²⁾ Отвѣты сихъ двухъ пророковъ происходили изъ одного и того-же источника любви; ибо любовь заповѣдуются намъ двумя заповѣдями: любить Бога и ближняго (Втор. 6, 5; Лев. 19, 18; Мѡ. 22, 37—40). Исаія, полный мыслию о спасеніи ближнихъ, изъясилъ готовность воспринять на себя миссію провозвѣстника; а Іеремія, стараясь чрезъ созерцательную жизнь болѣе и болѣе утвердиться въ любви къ Богу, съ глубокимъ смиреніемъ отступалъ предъ ожидавшимъ его многотруднымъ коприщемъ. Необходимо замѣтить, что въ данномъ случаѣ какъ тотъ, кто отказывался, не воспротивился совершенно (Іерем. 1, 9), такъ и тотъ, кто высказалъ согласіе принять ввѣренное ему служеніе,

¹⁾ О высотѣ пастырскаго служенія говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ въ словахъ „о священствѣ“ (περί ιεροσύνης), 2, 4: „обучающійся подвигу, себѣ токмо пользу доставляетъ; а пастырскаго званія приобрѣтеніе на всѣхъ людехъ преходить. Да и деньги немущимъ раздающій, или другимъ какимъ-либо образомъ обидимыхъ; заступающій, пользуется также нѣсколко ближнихъ: но толь меньше священника, елико средственною есть вещь тѣло предъ душею. Впрочемъ благопристойно Господь попеченію о овцахъ знакомъ любленія Себя быти изъясвилъ“ (цитата изъ словъ св. Златоуста о священствѣ приводятся по изданію Св. Синода, 1884 г.).

²⁾ О томъ, что Іеремія не хотѣлъ исполнить порученія Господа, см. въ „Словесахъ“ св. Іереміи, гл. 1, 6.

предварительно уже *очищенъ* былъ *углемъ горящимъ* отъ алтаря (Исаи 6, 5—7). А симъ внушается, что не очищенный не долженъ приступать въ пастырскому служенію (гл. 7). Когда къ намъ кто приходитъ съ просьбою ходатайствовать за него предъ тѣмъ или другимъ начальникомъ, который на него разгнѣвался и недоволенъ, но намъ незнакомъ коротко; то мы тотчасъ отвѣчаемъ ему: „нѣтъ любезный, намъ нельзя ходатайствовать за тебя предъ симъ господиномъ, потому что мы и сами не пользуемся его особливимъ благоволеніемъ“. Если же и человѣкъ предъ человекомъ, по отношенію къ которому имѣеть мало надеждъ, не отваживается быть ходатаемъ за кого-бы то ни было; то какъ дерзнетъ брать на себя ходатайство предъ Богомъ за грѣхи народа тотъ, который не можетъ имѣть довѣрія въ тому, заслужилъ-ли онъ жизнію своею благоволеніе Божіе къ себѣ самому? или какъ онъ будетъ просить у Бога прощенія и помилованія для другихъ, если находится вдали отъ надежды имѣть отъ Него прощеніе и помилованіе себѣ самому (гл. 10). Посему каждый, имѣющій приступитъ къ пастырскому служенію, долженъ безпристрастно прикинуть духовными очами, нѣтъ-ли въ немъ какихъ-либо предосудительныхъ недостатковъ, и даже пороковъ, изобличающихъ грѣховную нечистоту; ибо не позволительно помышлять о ходатайствѣ за грѣхи другихъ тому, кто не очистился отъ своихъ собственныхъ. Посему и Моисею дано было свыше такое повелѣніе: *рцы къ Аарону, глаголя: человекъ отъ рода твоего въ радѣхъ вашихъ, аще коему будетъ на немъ порокъ, да не приступитъ приносить даровъ Божіихъ и къ алтарю да не приблизится, яко порокъ иматъ; и вслѣдъ затѣмъ* исчисляются самые недостатки или пороки, которые не должны быть допускаемы въ лицахъ священнаго сава: *человѣкъ слѣпъ, или хромъ, или корносый... или человекъ ему-же есть сокрушеніе руки, или сокрушеніе ноги, или горбатъ, или иносточивъ очима, или бѣльмооченъ, или человекъ, на немъ-же суть красты дивія, или лишай* (Лев. 21, 17—23). Объясняя затѣмъ духовныя свойства, которыя должны быть присущи служителю Новаго Завѣта, св. Григорій выводитъ такое наставленіе изъ приведеннаго текста. *Слѣпъ* въ духов-

номъ смыслѣ, говорить о нѣмъ, тотъ, кому незнакомъ свѣтъ
 высшаго созерцанія, кто, подавляемый мракомъ настоящей
 жизни, хотя и видитъ озаряющій его свѣтъ, но, не прилежа
 къ нему сердцемъ, не знаетъ, какъ направить свою дѣятель-
 ность. *Хромъ*, по объясненію св. Григорія, тотъ, кто хотя и
 знаетъ, куда должно стремиться, но по нетвердости ума и во-
 ли не можетъ всегда держаться прямого пути, который ви-
 дитъ. *Корносимъ* можно назвать того, кто не способенъ и не
 умѣетъ хорошо различать добро отъ зла, такъ какъ и тѣле-
 снымъ органомъ обонанія мы различаемъ благовоніе отъ зло-
 вонія тогда только, когда этотъ органъ не поврежденъ у насъ.
 Подъ именемъ человѣка, имѣющаго *сокрушеніе отъ рукъ или
 ногаъ*, очевидно, разумѣется тотъ, кто не въ состояніи ше-
 ствовать по пути Божію и не способенъ къ доброму дѣйстви-
 ванію; даже и такъ не можетъ держатся какъ держится хро-
 мой, который, хотя не твердо и съ уклоненіями, все-таки
 держится и стремится впередъ. Именемъ *горбатаго* можно
 назвать того, кто согнулся подъ тяжестію земныхъ заботъ,
 до такой степени, что не можетъ вводить взора своего въ
 горнія; а постоянно устремляетъ его на тѣ предметы, кои
 нопаются подъ его ногами. Подъ имѣющимъ *тумные глаза*
 разумѣется тотъ, у кого душа хотя и порывается къ позна-
 нію истины, но скоро омрачается плотскими помышленіями.
 Въдъ у тучеочивыхъ глазами, какъ сизвѣстно, врачьи глаза
 бывають здоровы, но отъ часто истекающей мокроты ослабѣ-
 вають и притупляютьсѣ, и самизъ вѣки отяжелѣвають и слипаютьсѣ.
 Названіе *блѣмоочный* указываетъ на того, кому гордость и
 самообольщеніе отъ мнимой мудрости и праведности препят-
 ствуетъ видѣть свѣтъ истины. Хорошо видитъ и знаетъ себя
 тотъ, кто постигъ, что онъ буй и грѣшникъ; а кто припи-
 сываетъ себѣ блескъ праведности или мудрости, тотъ далекъ
 отъ надлежащаго познанія себя и тѣмъ болѣе удаляется отъ
 истиннаго свѣта, чѣмъ болѣе о себѣ мечтаетъ, какъ и сказано
 о нѣкоторыхъ въ Писаніи: *глаголющесе быти мудри, обжуро-
 дѣша* (Римл. 1, 22). Человѣкъ, у котораго обнаруживаютьсѣ
 на тѣлѣ *краты дивія*, это безъ сомнѣнія тотъ, кто рабски
 выполняетъ прихоти плоти, у котораго, какъ у плотоугодника,

внутренняя порча, не встрѣчая обузданія въ душѣ, выходитъ наружу! А подъ челоуѣкомъ, покрытымъ *мышьями* нужно разумѣть любостязательваго. Какъ лишаи безобразятъ тѣло, такъ любостязаніе искажаетъ красоту души. Отъ порока сего могутъ изсякнутъ душевныя добродѣтели и на мѣсто ихъ произрасти разные роды грѣховъ, по слову Апостола (1 Тим. 6, 10): *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть* (гл. 11).

Твердо памятуя слово апостола о томъ, что пастыри должны быть *готовы присно къ отвѣту всякому вопрошающему о уповаши* (1 Петр. 3, 15); св. Григорій во второй части трактата объ обязанностяхъ изображаетъ жизнь пастыря, въ отношеніи къ пасомымъ, въ чертахъ, въ которыхъ она должна являться въ сообразности съ идеею долга пастырскаго служенія. Здѣсь онъ именно ставитъ на видъ, что жизнь, поведеніе и обхожденіе пастыря должны носить въ себѣ черты нравственнаго достоинства и возвышенности, такъ какъ съ точки зрѣнія правительнаго дѣйствованія и добрыхъ качествъ пастырь и имѣетъ это имя по отношенію къ пасомымъ.

И прежде всего онъ разъясняетъ пастырю обязанность *неуменно читать Св. Писаніе и углубляться въ него размышленіемъ*¹⁾. Слова божественныхъ наставленій обновятъ въ немъ силы нести пастырскія заботы и пробудятъ чувство воззрѣнія въ жизнь будущую, небесную, — чувство благочестія, которое значительно ослабляется отъ сношеній съ людьми мірскаго характера, и въ противность плотской жизни ветхала челоуѣка, къ которой онъ влечется отношеніями къ міру, обновятъ его духъ дуновеніемъ любви къ вышнему, духовному отечеству. Среди мірскихъ бесѣдъ наши сердечные порывы опадаютъ и разсѣваются; а послѣ того какъ внѣшнія, мірскія занятія и тревоги отвлекаютъ насъ отъ заботы о душѣ, тѣмъ неуклоннѣе пастырь долженъ обновлять себя изученіемъ Божественнаго Слова. Посему и св. апостоль Павелъ, поставивъ ученика своего Тимофея пастыремъ духовнаго стада, говорилъ ему: *дондеже прииду, онемли чтенію и ученію* (1 Тим. 4, 13).

¹⁾ Ср. Амвр. о должностяхъ, 2, 12: похвальное дѣло, дабы мы напоеваемы были глаголомъ писаній Божескихъ.

Посему и царь Давидъ восклицалъ; *когда возлюбихъ законъ Твой, Господи, весь день, поученіе мое есть* (Пс. 118, 97). И пророку Моисею заповѣдалъ Господь помѣстить на четырехъ странахъ Кивота Завѣта четыре златыхъ кольца. Что прообразуетъ Кивотъ Завѣта, какъ не святую Церковь? А четыре кольца ея не суть ли четыре евангелія, чрезъ свѣтъ которыхъ она разпространяется по всѣмъ странамъ свѣта? И такъ, какъ опоры, на которыхъ носили Ковчегъ Завѣта, могутъ предъобозначать лишь проповѣдниковъ и учителей, то пастыри и учителя, по долгу своего званія, должны всегда стоять какъ-бы на стражѣ проповѣди Слова Божія; а прежде всего должны, сами не лѣнливо изучать Слово Божіе, дабы чрезъ чтеніе и размышленіе о прочитанномъ быть всегда готовыми къ исполненію своего долга. (гл. 11).

Объясняя далѣе, пастырю путь, шествуя, по которому онъ наиболѣе можетъ принести наведенія для пасомыхъ, св. Григорій изъясняетъ, что пастырь, правящій духовнымъ стадомъ, обязанъ соблюдать чистоту, и въ мысляхъ своихъ! Ибо грѣховной нечистоты долженъ отстраняться тотъ, кто принялъ на себя долгъ очищать и врачевать души подобныхъ себѣ существъ; точно такъ же, какъ рука, которою омываютъ нечистоты плотскія, должна быть чистою, дабы отъ соприкосновенія съ ея нечистотою не омрачилось очищаемое. Посему Господь говоритъ чрезъ пророка; *очиститесь, носящии сосуды Господни* (Исаи, 52, 11). Въдъ сосуды Господни носятъ тѣ, кои, воспріемлютъ на свою отвѣтственность души человѣческія и должны представить ихъ въ вѣчное жилище. (гл. 2). Для охраненія непорочности въ мысляхъ, подобно тому какъ Моисей прибѣгалъ въ святилище для размышленія о таинственныхъ путяхъ домостроительства Божія, и предъ Ковчегомъ Завѣта обращался къ Господу, при сомнѣніи, съ молитвою о просвѣщеніи; такъ и пастыри, для которыхъ онъ служитъ примѣромъ, въ обстоятельствахъ недоумѣнныхъ, должны обращаться къ своей совѣсти, и какъ-бы предъ Ковчегомъ Завѣта, должны молитвенно испрашивать отъ Господа совѣта и вразумленія, — да слова истины будутъ ясно написанными въ ихъ душѣ (гл. 5).

И такъ, пастыри чтеніемъ Св. Писанія и внутреннимъ само-

углубленіемъ, обращеніемъ къ своей совѣсти, которая есть гласъ Божій, должны въ своемъ служеніи исполняться страха къ Тому Верховному Судіи, Который превыше всего и все зреть, дабы такимъ образомъ, смиряясь и очищаясь внутренне, они могли управлять пасомыми вдали отъ тягостныхъ искушеній со стороны похотей плоти и гордости житейской.

Стоя на той точкѣ зрѣнія, что пастырь тѣмъ выше стоитъ въ своемъ званіи, чѣмъ болѣе тѣмъ щитится руководить пасомыхъ въ жизни ученіемъ и примѣромъ благочестнаго поведенія, и сообразно съ симъ тѣмъ болѣе можетъ соотвѣтствовать возвышенному характеру своего служенія, св. Григорій принимаетъ на себя не легкую задачу начертать образъ поведенія пастыря въ отношеніи къ пасомымъ.

Прежде всего пастырь долженъ помнить, что „душа священнослужителя не должна быть занята суетными помыслами, но должна быть сѣдалищемъ слова и разума“; какъ Аарону повелѣно было Богомъ чрезъ Моисея возлагать при облаченіи на перси во время священнодѣйствія *слово судное и носить суды сыновъ израилевыхъ на перстяхъ всегда* (Исх. 28, 15, 30); такъ пастырь, по самому положенію своему, всегда и передъ всѣми долженъ являть, какъ разумны и возвышенны внутреннія его помысленія и чувства, и что онъ не ищетъ *своихъ-си* (1 Кор. 10, 24), а напротивъ печется о благѣ ближнихъ (гл. 2). Пастырь долженъ отличаться добрымъ дѣйствованіемъ, дабы онъ могъ для вѣранныхъ ему указывать путь жизни, и дабы пасомые, послѣдуя гласу и направленію жизни пастыря, учились и усовершеншались болѣе изъ образа поведенія его нежели изъ словъ ¹⁾. Ибо если высоту положенія онъ обязывается вѣщать о высшемъ и спасительномъ, то тѣмъ-же самымъ обязательствомъ онъ побуждается показывать въ жизни дѣйствованіе возвышенное (гл. 3).

¹⁾ Злат. о свящ. 4, 3: „церковь Христова, по святому Павлу, тѣломъ есть Христовымъ, и надлежитъ тому, кому оно вѣрено, въ могуществомъ многомъ и добротѣ непритворной упражняться: повсюду осматривать, нѣтъ-ли гдѣ скверны, или порока, или же другаго каковаго пятна, которое красоту и благолѣпное оное безчеститъ (Колос. 1, 18. Ефес. 5, 27). Да и что сіе значить какъ не то, чтобы принадлежащее къ Ею безсмертной и блаженной главѣ тѣло, по чело-вѣческой возможности, достойно намъ изъявлять“.

Въ отношеніи обнаруженія учительной дѣятельности, пастырь долженъ помнить, что ему надлежитъ быть рачительнымъ и разборчивымъ въ молчаніи и словахъ ¹⁾. Ибо какъ необдуманная рѣчь можетъ вводить слушателей въ заблужденіе, такъ и неумѣстное молчаніе можетъ оставлять ихъ тоже въ заблужденіи, тогда какъ при благоразумной разборчивости можно избавиться отъ того и другаго недостатка. Если пастырь долженъ твердо стоять на стражѣ дома Израилева,—если онъ не долженъ потворствовать усыпленію совѣсти пасомыхъ, но словами вразумленія и исправленія обращать ихъ къ сокрушенію сердца и раскаянію, по слову апостола, требующаго, чтобы пастырь былъ *силенъ и утѣшатъ въ здравѣмъ ученіи и противящіеся обличати* (Тит. 1, 9. Ср. Малах. 2, 7. Исаи 58, 1),—то, съ другой стороны, онъ долженъ быть внимательнымъ и осторожнымъ въ проповѣданіи, дабы не взвѣшеннымъ строго словомъ не смутить ихъ совѣсти и не расторгнуть союзъ единства ²⁾, помня слова Спасителя Своимъ ученикамъ (Марк. 9, 50): *имѣйте соль въ себѣ* (гл. 4). Пастырь, по примѣру св. апостола Павла, долженъ быть проникнутъ бодрственной ревностію о духовномъ благѣ пасомыхъ (2 Кор. 11, 29); но долженъ помнить при этомъ, что при иныхъ проступкахъ требуется обличеніе краткое и умѣренное; потому что человѣкъ часто грѣшитъ не по злокачественности своей, а или по невѣдѣнію, или по слабости; въ каковомъ случаѣ, при обличеніи и исправленіи вины, должна быть соблюдаема благоразумная умѣренность. Вѣдь всѣ мы, пока остаемся въ этомъ бренномъ тѣлѣ, не изъяты отъ слабостей нашего поврежденія; посему всякій по себѣ долженъ судить, съ какимъ соболѣзнованіемъ должно относиться къ немощамъ ближняго, по слову апостола: *братіе, аще и впадетъ человекъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы*

¹⁾ Ср. Амвр. о должн. 1, 3: „сважи слово твое, да не будетъ неводержно и продержостно, да чрезъ многоглаголаніе не собереть себѣ грѣхи: да будетъ умѣренно, и останавливается въ своихъ границахъ“.

²⁾ Злат. о свящ. 4, 1; 6: „намъ (священникамъ) должно вездѣ тѣтися исполнять (обязанности) по силѣ, и богохвалень языкъ купно съ мыслию имѣти... Пусть будетъ кто и въ рѣчи недостаточенъ и въ слогѣ словъ простъ, и необученъ: да токмо-бы въ разумѣ, и исправномъ догматовъ знаніи невѣждою не былъ“.

духовнии исправляйте такового духомъ кротости (Гал. 6; 1). Болѣе тяжкія преступленія разумѣется надлежитъ указывать съ ревностію, дабы виновные, не замѣчающіе важности своей вины, могли при этомъ убѣждаться, какъ тяжело они грѣшатъ, и послѣ строгаго обличенія, не считая своихъ грѣховъ за проступки маловажные, сами страшились ихъ и заботились о своемъ исправленіи (гл. 10).

Помня, что проповѣдь устная наиболѣе бываетъ дѣйствительна, когда проповѣдникъ и въ жизни обнаруживаетъ достохвальные примѣры¹⁾, пастырь, правящій духовнымъ стадомъ, долженъ съ состраданіемъ принимать живое участіе въ жизненныхъ тягостяхъ cadaго изъ своихъ пасомыхъ; нѣтъ нужды опасаться, что вниманіе къ тягостямъ земнаго существованія пасомыхъ отниметъ у него время для самоуглубленія; ап. Павелъ въ созерцаніи вознесенъ былъ до третьяго неба, и при таинственныхъ созерцаніяхъ небеснаго, не оставлялъ принимать живое участіе въ немощахъ человѣковъ. Моисей также, входя во святилище, размышлялъ о таинственныхъ путяхъ промысленія Божія, а по выходѣ изъ него, раздѣлялъ съ другими бремя немощей плотскихъ. Ап. Павелъ говоритъ о себѣ, что онъ *былъ для іудеевъ какъ іудей* (1 Кор. 9, 20), разумѣется, не вѣру измѣняя при этомъ, но распиряя и свѣдѣтельствуя любовь свою, такъ какъ на основаніи собственнаго опыта могъ представить, какого соболѣзнованія достойны невѣрующіе; почему и прибавляетъ въ другомъ посланіи: *если мы выходимъ изъ себя, то для Бога; если же скромны, то для васъ* (2 Кор. 5, 13). Такимъ образомъ могутъ быть совмѣщаемы и высокая созерцательность духовная и попечительное состраданіе къ плотскимъ немощамъ. Пастыри должны являть себя предъ пасомыми таковыми, чтобы сіи послѣдніе не боялись повѣрять имъ тайныя недуги свои,—дабы во всѣхъ ис-

¹⁾ Злат. о свящ. 4, 8: „сей есть пресовершеннѣйшій учительства предметъ, когда священники, всѣмъ тѣмъ что ни творять, и что ни говорятъ, учимъхъ ими приводятъ на блаженное оное, Христомъ установленное, житіе. Ибо не довольно токмо творити, дабы иныхъ тѣмъ научити. Не мое есть сіе слово, но Самого Спасителя, глаголющаго: *иже бо аще сотворитъ и научитъ, сей велий наречетъ* (Мт. 5, 19)“.

кушеніяхъ, какимъ-бы ни подвергались они, прибѣгли къ нимъ, какъ младенцы на материнское лоно, ища омыть себя слезами покаянія и получить чрезъ нихъ утѣшеніе (гл. 5). По чувству смиренномудрія они должны быть дружественными по отношенію къ добрымъ дѣлателямъ, а противъ порочныхъ и заблуждающихся по ревности къ правдѣ должны обнаруживать должную строгость; ибо если пастырь, памятуя о единствѣ условійъ человѣческаго существованія, не долженъ дрезноноситься предъ насомыми достоинствомъ своего положенія, то съ другой стороны не долженъ въ отношеніи порочныхъ забывать о своей власти старѣйшинства и правѣ нравственнаго исправленія, слѣдуя примѣру св. апостола Павла, который, въ смиренномудріи сказавши: *не яко обладаемъ етрою вашею, но яко споспѣшницы есмы вашей радости* (2 Кор. 1, 24), въ то-же время, для нравственнаго исправленія, почиталъ долгомъ своего учительства являться съ прещеніемъ: *что хотите?* — пишетъ онъ къ коринтянамъ, — *съ палицею ли прииду къ вамъ, или съ любовію?* (1 Кор. 4, 21). О необходимости смиренномудрія внушаетъ пастырямъ св. Петръ, говоря: *пасите стадо Божіе, не яко обладающе прииту, но образи бывайте стаду*; (1 Петр. 5; 2, 3). Учитель истины, Іисусъ Христосъ, заповѣдуя пастырямъ смиренномудріе, указывалъ на послѣднее, какъ на вершину христіанскихъ добродѣтелей. Онъ говорилъ своимъ ученикамъ: *Вѣсте яко князи, язькъ господствуютъ ими, и величїи обладаютъ ими. Не дакоже, будетъ въ васъ; но, иже аще хошетъ въ васъ ваящїй, быти, да будетъ вамъ слуга, и, иже аще хошетъ въ васъ быти перевай, буди вамъ рабъ. Яко же Сынъ челоувѣческій не прииде, да послужатъ ему, но послужити* (Мѡ. 25—28). Но въ то же время Господь за нерадѣніе и пренебреженіе власти обличаетъ пастырей чрезъ пророка, говоря: *оле пастыри!.. заблуждающаго не обратисте, сокрушеннаго не обязасте* (Іезек. 34, 4). Въ пастыряхъ по отношенію къ насомымъ должны быть нераздѣльны строгость и снисходительность, такъ чтобы строгость пастырская растворялась челоувѣколюбивою снисходительностію, и при снисходительности не была въ превебреженіи законная власть исправленія, такъ какъ та и другая много теряютъ

одна безъ другой. Пастыри должны любить своихъ пасомыхъ, но не потворствовать имъ. Псалмопѣвецъ говоритъ: *жезлъ твой и палица твоя, та мя утѣшиста* (Псал. 22, 4). Жезломъ мы поражаемъ, а палицею подираемся. Посему если пастыри должны быть ревнителями правды, то съ другой стороны должны обнаруживать снисходительность къ пасомымъ: тогда въ ихъ отношеніяхъ къ пасомымъ *милость и истина срѣтятся, правда и миръ облобызаются* (Псал. 84, 11). Стремясь совмѣстить въ своемъ попеченіи о пасомыхъ требованія пастырской ревности съ человѣколюбивымъ снисхожденіемъ къ немощамъ людскимъ, пастырь долженъ помнить, что необходимо выбирать благопріятное время для вразумленій и наставленій прегрѣшившимъ пасомымъ, такъ какъ лекарство, не во время употребляемое, можетъ терять свою цѣлительную силу ¹⁾; онъ въ этомъ случаѣ какъ-бы носитъ тяжесть грѣховъ пасомыхъ на своихъ плечахъ, терпѣливо ожидая благопріятнаго времени для вразумленія нечестивыхъ (гл. 10); съ другой стороны, пастырю должно всячески беречься, чтобы стремленіе привлечь сердца пасомыхъ не увлекало его до человѣкоугодничества. Хотя пастырь обязанъ не пренебрегать своею обязанностію въ отношеніи ласковаго, привѣтливаго обхожденія съ пасомыми; тѣмъ не менѣе онъ долженъ содержать въ мысли, чтобы не оказаться похитителемъ правъ у Того, Кому онъ, по долгу призванія, своего обязанъ служить нелицемѣрно. Ап. Павелъ даетъ въ семъ отношеніи необходимое наставленіе пастырямъ, когда говоритъ (1 Кор. 9, 22; 10, 32, 33; Галат. 1, 10): *безпреткновенни бывайте юдеемъ и эллиномъ и*

¹⁾ Внушая пастырямъ, что они должны быть тщательны и рачительны въ дѣлѣ проповѣданія Слова Божія, и должны со всею внимательностію и предосторожностію обдумывать „слово“, которое они намѣреваются предложить своимъ слушателямъ, св. Григорій указываетъ имъ на увѣщаніе ап. Павла своему ученику Тимошею: *проповѣдуй слово, настой благовременнъ и безвременнъ* (2 Тим. 4, 2), при чемъ объясняетъ: „имѣя въ виду сказать *безвременнъ*, апостоль предислалъ *благовременнъ*, очевидно, потому, что проповѣдь умалняется въ своей благотворности на душу слушателей, если проповѣдникъ не умѣетъ пастырскую ревность ставить въ правильное соотношеніе съ требованіями благовременности“.

Церкви Божіей .. Аще бо быхъ еще человекомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо быхъ (гл. 8).

На многотрудномъ пути пастырей, поставленныхъ совершать свое священное служеніе въ тѣсномъ соотношеніи съ міромъ, могутъ предстоять двѣ опасности: или въ заботахъ о житейскихъ дѣлахъ и интересахъ, своихъ-ли то или своей паствы, они могутъ забывать строгое отношеніе къ прямымъ и высшимъ обязанностямъ своего служенія, или же, твердо помня оныя и чистосердечно помышляя и озабочиваясь достодолжнымъ несеніемъ ихъ, могутъ забывать о внѣшнихъ нуждахъ паствы и не удѣлять имъ никакого вниманія. Отъ этой опасности преткновенія при несеніи пастырскаго служенія предостерегаетъ св. Григорій, ставя на видъ, что, при рачительномъ несеніи своего прямого долга, какъ приставниковъ и хранителей душъ, съ идеею пастырскаго служенія сообразно—не пренебрегать и внѣшними нуждами паствы, и что пренебреженіе въ семъ отношеніи можетъ умалить дѣйственность пастырскаго служенія въ отношеніи къ пасомымъ.

Бываетъ, что пастыри, какъ-бы опуская изъ виду, что они поставлены наипаче заботиться о вѣчномъ спасеніи душъ, вѣреннѣйшихъ ихъ попеченію, способны бывають, въ забвеніи, особенно предаваться мірскимъ заботамъ, имѣющимъ цѣлю лишь временное благополучіе. Погруженіе въ житейскія заботы и пристрастіе къ нимъ помрачаетъ духовныя очи водителей душъ. Сіи-то печальныя послѣдствія имѣеть въ виду Спаситель, когда напоминаетъ: *никтоже можетъ двѣма господинама работати... не можете Богу работати и мамонѣ* (Мѣ. 6, 24). Подобно и ап. Павелъ, отклоняя благочестивыхъ и богобоязненныхъ людей отъ пристрастія къ мірскимъ заботамъ, говоритъ: *никтоже воинъ бывая (Богови) обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ* (2 Тимое. 2, 4). Пастыри суть руководители и учителя пасомыхъ на пути къ вѣчному спасенію; а чтобы ноги (подчиненные) ступали прямо, голова очевидно должна смотрѣть прямо на дорогу: иначе, когда голова преклонится долу—къ землѣ, тогда и ноги могутъ уклониться отъ надлежащаго направленія и сбиться съ пути.

Съ другой стороны, говоритъ св. Григорій, нельзя одобрить

и тѣхъ пастырей, кои посвящаютъ свои занятія исключительно духовнымъ предметамъ, такъ что внѣшнія нужды паствы для нихъ какъ-бы не существуютъ: которые не то что потребности души ставятъ выше потребностей тѣла (какъ это и быть должно), а вовсе пренебрегаютъ внѣшними нуждами паствы, ко вспоможенію имъ ни мало не удѣляя вниманія. Послѣдствіемъ сего можетъ быть то, что пасомые, не усматривая въ пастыряхъ сочувствія къ своимъ нуждамъ, съ сердцемъ не вполне открытымъ будутъ слушать пастырскія наставленія, а отсель и дѣйствіе сихъ наставленій на умы и сердца пасомыхъ можетъ быть не вполне назидательное. Сѣмя Слова Божія легко проникаетъ въ сердца пасомыхъ, возрастаетъ и даетъ плоды лишь тогда, когда проповѣдникъ орошаетъ его сострадательнымъ милосердіемъ къ нимъ. Св. ап. Павелъ говоритъ: *аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. 5, 8); внушая симъ съ одной стороны вниманіе къ внѣшнимъ нуждамъ пасомыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывая, что попеченіе о духовныхъ благахъ пасомыхъ должно быть предметомъ наибольшей важности въ глазахъ пастыря (гл. 7).

Изяснивъ, какими качествами пастырь долженъ отличаться въ жизни и своихъ отношеніяхъ къ пасомымъ, св. Григорій въ третьей части „пастырскаго правила“ имѣетъ предметомъ указать, въ какомъ направленіи должна совершаться проповѣдь и вообще религіозное обученіе, въ виду различнаго общественнаго положенія и условій существованія, и при неодинаковомъ нравственномъ состояніи людей. „Не для всѣхъ, говоритъ онъ, пригодно одинаковое поученіе, при неодинаковыхъ условіяхъ состоянія людей. Всякое слово учителей должно быть приспособлено къ состоянію слушателей, такъ чтобы оно было пригодно къ созиданію спасенія всѣхъ и каждаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ не отступало отъ общихъ требованій назидательности, т. е. сіе слово должно назидать сердца слушателей однимъ ученіемъ, измѣняясь лишь въ тонѣ“¹⁾.

¹⁾ Злат. о свящ. 6, 4: „священнику должно быти весьма разумну и во многомъ искусну: да и чтобы свѣдомъ былъ о всемъ поведеніи житейскомъ не меньше тѣхъ, кои въ немъ обращаются. А яко съ мужами бесѣдовати ему нужно,

Въ сей части своего трактата св. Григорій даетъ пастырямъ педагогическо-дидактическія наставленія такого рода, которыя обнаруживаютъ въ св. отцѣ, съ одной стороны, пониманіе тяжелыхъ немощей человѣческой души, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заботливое вниманіе къ тому, чтобы попеченія пастыря слѣдовали за пасомыми во всѣхъ тревожныхъ обстоятельствахъ ихъ земнаго существованія, внимая ихъ душевному состоянію и не покидая ихъ ни при радостныхъ и благопріятныхъ условіяхъ ихъ жизни, ни среди нужды и скорбей.

Подробныя указанія и наставленія, предлагаемыя здѣсь, были вызваны обстоятельствами времени, когда съ укрѣпленіемъ положенія христіанской Церкви въ государствѣ, званіе пастыря стало почетнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пониманіе идеи пастырскаго служенія и обязанностей съ нимъ сопряженныхъ понизилось въ сознаніи нѣкоторыхъ лицъ, кои стали искать священнаго сана не по призванію; болѣзнувъ о положеніи пасомыхъ, дабы они по невнимательности пастыря не были лишены пастырскаго, учительнаго слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сами пастыри не были слѣпцыи вождями слѣпыхъ (Мѣ; 15, 14) и не подверглись сугубой отвѣтственности за нерадѣніе и невнимательность къ своимъ обязанностямъ (Исаи 56, 10; Иерем. 2, 8; 8, 10), св. Григорій принимаетъ на себя изъяснить путь, въ виду котораго должны направляться поученія пастыря для назиданія духовныхъ пасомыхъ.

Въ качествѣ образца пастырскихъ наставленій св. Григорія относительно проповѣди Слова Божія мы представимъ нѣкоторыя изъ нихъ, имѣющія наиболѣе точекъ соприкосновенія съ жизнію, именно наставленія относительно того: какъ говорить къ юношамъ и старцамъ; бѣднымъ и богатымъ; веселящимся и сѣтующимъ; къ слугамъ и господамъ; здоровымъ и больнымъ; невоздержнымъ и воздержнымъ; къ враждолюбивымъ и

которыя и женъ у себя имѣютъ, и дѣтей воспитываютъ, и слугъ при себѣ держать, и богатствомъ многимъ изобилуютъ: то инакова являть ему предъ ними себя должно. Инаковымъ я разумѣю ни ласкателя, ни лицемеря: но и благосклонна и строга... Сіи же разности до единого конца принадлежать, до славы Божія, и созиданія церковнаго“.

миролюбивымъ; къ ведущимъ жизнь супружескую, и ведущимъ жизнь безбрачную; и какъ наконецъ говорить къ тѣмъ, кои каются во грѣхахъ своихъ, но не отстаютъ отъ нихъ (гл. 2).

Когда говорится, что пастырскія наставленія мужчинамъ должны быть нѣсколько иными по сравненію съ наставленіями женщинами,—разумѣется, что на первыхъ надобно возлагать бремена болѣе тяжелыя, а послѣднихъ болѣе благія и легкія; послѣднихъ должно утверждать въ добрѣ кротостію, обращаясь съ ними снисходительно, какъ съ болѣе немощнымъ сосудомъ женскимъ (1 Петр. 3. 7). Подобно старцевъ болѣе слѣдуетъ вразумлять уважительнымъ и почтительнымъ увѣщаніемъ, а юношей всегда почти удобнѣе бываетъ направлять къ совершенству строгостію предостереженій. Такъ въ Писаніи говорится о старцахъ (1 Тим. 5, 1): *старцу не твори пакости, но утѣшай якоже отца* (гл. 3).

Въ отношеніи бѣдныхъ и богатыхъ, не должно забывать, что бѣднымъ пастыри обязаны подавать утѣшеніе и отраду, чтобы они не упадали духомъ подъ тяжестію бѣдствій и униженія; а въ богатыхъ—поселять страхъ, чтобы они не гордились и не превозносились. И Господь душѣ бѣднаго говоритъ чрезъ пророка: *не бойся, яко посрамлена еси, ниже устыдися, яко укорена еси* (Исаіа, 54, 4); а затѣмъ, какъ-бы желая показать ей сожалѣніе объ участи ея, присовокупляетъ: *смиренная и колеблемая не имѣла еси утѣшенія* (Исаіа, 54, 11); наконецъ указываетъ ей это утѣшеніе въ слѣдующихъ словахъ: *изыяхъ ты изъ печи убожества* (Исаіа, 48, 10). Напротивъ, о богатыхъ говоритъ св. ап. Павелъ (1 Тим. 6, 17): *богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай не высокоумствовати, ниже уповати на богатство погибающее* (гл. 4).

И въ отношеніи веселящихся и сѣтующихъ должно быть соблюдаемо нѣкое различіе въ наставленіяхъ. Веселящимся слѣдуетъ напоминать, что они должны имѣть страхъ Божій; скорбящимъ надлежитъ внушать утѣшительную мысль о радостяхъ небеснаго царствія (Лук. 6, 25; Іоан. 16, 22). Подобно властвующимъ надобно напоминать, чтобы они не гордились своею властію, управляли кротко и не давали приказаній сверхъ должнаго, а подчиненнымъ—чтобы они не сокрушались под-

чиненіемъ и даваемымъ имъ приказаніямъ не оказывали преслушанія; первымъ должно указывать, что держава имъ дана *есть отъ Господа и сила отъ Вышняго*, Который потребуетъ отъ нихъ тѣмъ большей отвѣтственности, чѣмъ высшее мѣсто занимали они въ обществѣ (Римл. 13, 1; 1 Петр. 2, 13—14, Прем. 6, 3—7); а послѣднимъ—что оказывать противленіе противъ начальниковъ значитъ возмущаться противъ Господа, Который даровалъ имъ власть и поставилъ начальствовать надъ ними, о чемъ свидѣтельствуется и боговидецъ Моисей, который сказалъ въ отвѣтъ на сообщеніе о ропотѣ противъ него и Аарона (Исх. 16, 8): *мы же что есмы? не на насъ бо роптаніе ваше, но точію на Бога* (гл. 5, 6 и 7).

Въ отношеніи къ здоровымъ и больнымъ, должно преподавать благовѣстіе въ сообразности съ ихъ состояніемъ. Здоровымъ надобно непрестанно напоминать, чтобы они пользовались тѣлеснымъ здоровьемъ съ пользою и для души: иначе, употребляя во зло сей даръ Божій, они сдѣлаются недостойными и могутъ лишиться его. Надлежитъ неукоснительно подтверждать имъ, чтобы не пренебрегали благосостояніемъ здоровья, помня внушеніе апостола: *се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія* (2 Кор. 6, 2), и усердствуя къ дѣламъ угоднымъ Богу, пока человекъ въ силахъ и обстоятельства тому благоприятствуютъ; ибо премудрость Божія, предупреждая людей, кои долго отвергають призваніе на стезю правды, какъ бы съ соболѣзнованіемъ говорить: *понеже зваеъ, и не послушаша, и простираеъ словеса, и не внимаеъ* (Ирмч. 1, 24).

Напротивъ, больнымъ и немощнымъ надобно внушать мысль, что испытуемая ими наказанія посылаются имъ для ихъ же вразумленія. Такъ Господь говоритъ чрезъ ангела къ тайновидцу Іоанну: *Азъ, иже аще люблю, обличаю и наказую* (Апок. 3, 19). И псалмопѣвецъ говоритъ: *мнози скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь* (Псал. 33, 20). И ап. Павелъ говоритъ: *всякое бо наказаніе въ настоящее время не мнится радость быти, но печаль: послѣди же наученнымъ тѣмъ воздастъ плодъ миренъ правды* (Евр. 12, 11). И такъ болящіе и немощные да познають, сколь благотворны для спасенія души тѣлесныя страданія, кои приводятъ ее въ самосоз-

навіе; и пусть помнятъ, какъ часто цвѣтущее состояніе здорovia тѣлеснаго устраняетъ самую мысль о немощахъ душевныхъ, такъ что душа, гордясь крѣпостію своей храмины, какъ бы не находить потребнымъ и подумать о томъ, въ какомъ она находится состояніи, тогда какъ страданія пробуждаютъ душу отъ усыпленія. Пусть страдальцы не престають размышлять о томъ, что страдалъ и всѣ страданія свои съ терпѣніемъ, переносилъ Спаситель нашъ отъ тѣхъ, кои отъ Его творческихъ рукъ получили бытіе и жизнь; Который, ежедневно исторгая изъ-подъ власти исконнаго врага души плѣнныхъ, воспринималъ отъ ругавшихся надъ Нимъ заушенія; Который, омывая наши грѣховныя нечистоты водою спасенія, не укрывалъ лица Своего отъ оплеваній невѣрующихъ; Который, избавляя насъ Своимъ ходатайствомъ и заступничествомъ отъ вѣчныхъ наказаній, безпрекословно и съ глубокимъ смиреніемъ переносилъ бичеванія; Который, спасая насъ отъ мучительныхъ наказаній за грѣхи наши, Самъ не отказался подклонить главу Свою подъ вѣнецъ терновый; Который, достопоклоняемый, молился Богу Отцу за насъ; Который, предъуготовляя жизнь вѣчную смертнымъ, — Самъ, будучи источникомъ жизни, пріобщился смерти. И такъ могутъ-ли видѣть болящіе немилосердіе въ страданіяхъ, посылаемыхъ Богомъ въ иное время за грѣхи, когда они въ сихъ страданіяхъ, какъ въ горниль, очищаются отъ своихъ недуговъ и душевныхъ и тѣлесныхъ? И могутъ-ли, не погрѣшая, роптать противъ испытываемыхъ ими страданій болящіе, когда и Спаситель претерпѣлъ страданія и самую крестную смерть, не будучи причастенъ грѣху (гл. 12)?

По отношенію къ воздержнымъ и невоздержнымъ, св. Григорій внушаетъ пастырямъ къ наставленію: невоздержные предаются излишеству въ словахъ, обнаруживаютъ легкомысліе въ дѣлахъ и роскошество въ жизни; а воздержные не всегда бываютъ свободны отъ нетерпѣливости, а нерѣдко также и гордости. По сему поученію св. Григорія, невоздержнымъ слѣдуетъ напоминать, что легкомысліе въ поступкахъ и роскошество въ жизни возникаютъ вмѣстѣ съ невоздержаніемъ; ибо когда плоть тучнѣетъ, тогда и всѣ страсти плотоугодія разжигаются. Воздержнымъ же слѣдуетъ напоминать слова св. ап.

Петра: *подадите въ вѣрѣ вашей добродѣтели, въ добродѣтели-же разумъ, въ разумъ-же воздержаніе, въ воздержаніи-же терпѣніе* (2 Петр. 1, 5—6). И далѣе, ап. Павелъ не сказалъ-бы: *не ядый ядуцаго да не осуждаетъ* (Римл. 14, 3), если-бы къ мыслямъ воздержныхъ не приражалась нерѣдко и гордость. Ибо, по наставленію св. Григорія, однимъ умерщвленіемъ плоти выставляется смиренномудріе лишь съ внѣшней стороны, а съ этимъ внѣшнимъ смиренномудріемъ можетъ совмѣщаться въ душѣ высокоумѣнная гордость. Вѣдь если-бы разумъ не надмѣвался иногда добродѣтелию воздержанія, то гордый фарисей не поставлялъ-бы пощевія своего въ числѣ какъ-бы особенныхъ заслугъ, не говорилъ-бы: *пощуся дважды въ субботу* (Лук. 18, 12).

Невоздержные пусть не забываютъ, что, при каждомъ удовлетвореніи своимъ пожеланіямъ, въ нихъ, такъ сказать, каждый разъ повторяется паденіе прародителей, виною котораго было невоздержаніе. Воздержные пусть наблюдаютъ за собою зорко и постоянно, чтобы, избѣгая тѣлеснаго невоздержанія, не позволять зарождаться въ себѣ другимъ порокамъ, — чтобы, умерщвляя плоть, не предаваться раздраженію и гнѣву; но, подавляя въ себѣ нетерпѣніе и гнѣвъ, они должны приглядываться къ тому, чтобы въ душѣ не открылось мѣсто для новой гостяи — гордаго самоудовольства. Посему Богъ чрезъ пророка Исаію говоритъ іудеямъ: *аще въ судѣхъ и сваргахъ поститесь; и бьете пястѣми смиреннаго, вакую мнѣ, поститесь. Не таково посто. Азъ избращъ, гладыеть Господь, но... раздробляй алуцимъ хлѣбъ твой, и ниция безкровныя оведи въ домъ твой* (Исаіи, 58; 4, 5, 7).

Невоздержные должны заботиться о томъ, чтобы не разстраивать себя и не расслаблять тѣлесно и душевно невоздержаніемъ, памятуя слова Спасителя: *внемлите себѣ, да некогда отягчаютъ сердца ваша обьяденіемъ и пїянствомъ и печальми житейскими*, ибо послѣ сего прибавлено: *и найдетъ на вы внезапно день той; яко спятъ бо приидетъ на вся живуция на лица всея земли* (Лук. 21, 34—35). А воздержные пусть внемлютъ тому, что написано: *отступятъ нѣкими и отъ вѣры... возбраняя женитися и заповѣдуя удалятися отъ брашенъ,*

яже Богъ сотвори въ сирѣдѣніе со благодареніемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину (1 Тимое. 4; 1, 3), и еще добро не ясти мясь, ниже пити вина, ни о немже братъ твой претѣкаетъ или соблазняется или изнемогаетъ (Римл. 14, 21) ¹⁾.

Есть люди, которые любятъ вражды и раздоръ: по наставленію св. Григорія, этимъ людямъ должно напоминать, что какими-бы ни украшались они добродѣтелями, они никогда не достигнутъ духовнаго совершенства, но пребудутъ плотяны, доколѣ не войдутъ въ миръ съ ближними; согласно Писанію: плодъ духовный естъ: любви, радость, миръ (Гал. 5, 22); следовательно, кто не заботится о сохраненіи мира, тотъ отвергаетъ плодъ духовный. Посему ап. Павелъ говоритъ также: идѣже въ васъ зависти и рвенія и распри, не плотстии есте (1 Кор. 3, 3); и въ другихъ посланіяхъ разъясняетъ: миръ имѣйте и святую со всѣми, ихъ же кромѣ никто-же узритъ Господа (Евр. 12, 14), тѣщаеся блюсти единеніе духа въ союзъ мира: едино тѣло и единъ духъ, якоже и званіи бысте во единомъ упованіи званія вашего (Ефес. 4, 3—4). Значитъ нѣтъ части во единомъ упованіи званія тому, кто не блюдетъ единенія со всѣми. Мудрость безъ мира служить не ко спасенію, но на пагубу; ибо чѣмъ болѣе хвалится кто вѣдѣніемъ, тѣмъ болѣе бываетъ онъ виновнымъ во грѣхахъ своихъ, въ сравненіи съ несвѣдущимъ, и подвергается тѣмъ болѣе наказанію, чѣмъ удобнѣе для него избѣжаніе грѣха: *Аще зависть горьку имате и рвеніе въ сердцахъ вашихъ, говоритъ св. ап. Іаковъ, не хвалитесь, не лжите на истину. Нѣсть сія премудрость свыше несходяще; яже свыше премудрость, первѣе убо чиста естъ, потомъ же мирна* (Іак. 3; 14, 15, 17). И добрыя дѣла враждолюбивыхъ не могутъ служить благоугодно Богу жертвою, до тѣхъ поръ, пока они будутъ удаляться отъ мира и любви съ ближними. *Аще принесеши даръ твой ко алтарю, говоритъ Спаситель къ ученикамъ въ нагорной бесѣдѣ, и ты помянеши, яко братъ твой имѣтъ нѣчто на тя; остави ту даръ твой предъ алтаремъ, и иди*

¹⁾ Пастырскаго правила гл. 21.

прежде смирися съ братомъ твоимъ, и пришедъ принеси даръ твой (Мѡ. 5, 23—24).

Въ отношеніи къ миролюбивымъ, надлежитъ указывать, что миръ должно любить ради Господа; и что потому, изъ пристрастія къ мирной жизни временной, они не должны уклоняться отъ христіанскихъ вразумленій порочнымъ относительно ихъ пороковъ (особливо если они призваны на то). По ученію св. Григорія, мы должны дорожить не столько миромъ внѣшнимъ, сколько внутреннимъ, когда первый нарушенъ и не въ нашей власти возстановить оный. Руководственнымъ правиломъ въ семъ отношеніи могутъ служить слова св. ап. Павла: *аще возможно еже отъ васъ со всѣми челоувѣки миръ имѣйте* (Римл. 12. 18). Убѣждая хранить миръ со всѣми, апостоль не напрасно сказалъ предварительно: *аще возможно*, и къ тому присовокупилъ: *еже отъ васъ*. Ибо при вразумленіи неблагочестивыхъ трудно сохранить внѣшній миръ,—и потому онъ располагаетъ насъ къ сохраненію мира внутренняго какъ-бы такъ говоря: миръ состоитъ въ согласіи двухъ сторонъ; посему, если вразумляемые нарушаютъ миръ, вы, вразумляющіе, сохраните его въ душѣ своей (гл. 24).

Что касается до ведущихъ жизнь супружескую и безбрачныхъ, то первымъ, по наставленію св. Григорія, надлежитъ напоминать слѣдующія слова ап. Павла: *да имущіи жены, якоже не имущіи будутъ*: (1 Кор. 7, 29). Заботясь другъ о другѣ, супруги должны памятовать о томъ, что ихъ заботливость другъ о другѣ не должна ставить имъ препоны въ благоугожденіи Господу; должны участвовать въ дѣлахъ мірскихъ такъ чтобы эти дѣла не заглушали въ нихъ стремленія къ дѣятельности по пути указанному Закономъ Божиимъ. Воспомявъ слова апостола, имѣющій жену какъ-бы не имѣетъ ея, когда изъ привязанности къ ней не уклоняется отъ Закона Божія, и заботится о матеріальныхъ нуждахъ семьи, исполненный мысли о томъ, что дни земной жизни дни пришельствія, и чающе вѣчнаго утѣшенія (Римл. 8, 23).

Безбрачнымъ-же слѣдуетъ поставлять на видъ, что они должны тѣмъ съ бдѣльшею готовностію и точностію исполнять заповѣди небесныя, чѣмъ менѣе у нихъ побужденій помыш-

лять о земножъ, и вдаваться въ мірскія заботы, такъ какъ они не связаны съ семейными обязанностями; что если они уклоняются отъ ярма супружескаго, никому не воспрещаемаго, то тѣмъ болѣе не должны обременять себя житейскими поличеніями, пристрастіе къ коимъ воспрещается. И притомъ, если они находятся въ борьбѣ между искушеніями плоти и трудностію спасенія; то пусть спасаются въ супружествѣ, какъ благонадежной пристани (1 Кор. 7, 9):

Состояніе безбрачія опасно въ томъ отношеніи, что безбрачные могутъ впасть въ тяжкій грѣхъ невольныхъ узъ (1 Коринѣ. 7, 9); объ опасности каковаго грѣха свидѣтельствуесть св. ап. Павелъ, говоря (1 Коринѣ. 6, 9): *или не вѣстете яко неправедницы Царствія Божія не наследуютъ* (гл. 29).

Св. Григорій даетъ пастырямъ надлежащія наставленія и о томъ, какъ свои пастырскія обязанности они должны исполнять въ отношеніи тѣхъ пасомыхъ, кои каются въ своихъ грѣхахъ, но не перестаютъ грѣшить.

Таковымъ людямъ слѣдуетъ напоминать, что кающійся въ грѣхахъ, но не перестающій грѣшить, подвергается суровой винѣ наказанія. У пророка Исаи говорится: *измойтесь и чисти будете* (1, 16). Тѣ, кои оживаютъ грѣховныя скверны слезами покаянія, но снова предаются порочной жизни послѣ омовенія въ покаяніи; должны размыслить о томъ, что значить оплакивать грѣхи, какъ не смиряться предъ Богомъ и изъявлять желаніе слѣдовать волѣ Божіей? О томъ, какъ грѣшать тѣ, кои не заботятся объ исправленіи своей жизни послѣ омовенія въ покаяніи, свидѣтельствуесть св. ап. Іаковъ: *уже восхощетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ* (Іак. 4, 4). И ап. Павелъ, представивши коринѣянамъ ихъ жизнь въ язычествѣ и ихъ преступленія, отдалявшія ихъ отъ жизни Божіей, послѣ сего говоритъ: *сими убо нѣцыи бѣсте; но омыстеся, но освятитеся, но оправдистеся именемъ Господа нашего Іисуса Христа* (1 Кор. 6, 11), и сямъ указываетъ, что грѣшники оправдываются правдою Божіею и освящаются, когда измѣняютъ образъ грѣховной жизни своей и направляютъ ее по стези правды, принося плоды достойные покаянія—сокрушеніе во грѣхахъ и смиренное покореніе волѣ

Божіей. Посему псалмопѣвецъ говоритъ (Псал. 74 5): *рѣхъ незаконнующимъ: не незаконните; и согрѣшающимъ: не возносите рога* (гл. 32).

Въ заключительной части своего сочиненія (гл. 65) св. Григорій разъясняетъ пастырямъ необходимость строгаго вниманія къ самому себѣ, такъ какъ, будучи поставлены на высотѣ служенія и нося тяготы пастырскаго правленія, пастыри въ иное время, по слабости человѣческой, могутъ подпасть недугу самомнѣнія относительно своихъ добродѣтелей и такимъ образомъ впасть въ нѣкоего рода нравственную беспечность ¹⁾. А когда душа допускаетъ самомнѣніе относительно красоты и доброты своей, и останавливается на мысли о своихъ добродѣтеляхъ, она симъ теряетъ уже свои заслуги предъ Небеснымъ Учителемъ смиренія. Ибо забывая отношеніе свое къ Верховному Правителю, душа ищетъ собственной похвалы, вмѣсто того чтобы воздавать хвалу Подателю всѣхъ благъ. Въ виду человѣческой слабости къ самовосхваленію, св. Григорій предлагаетъ слѣдующій совѣтъ: „когда обольщаетъ насъ мысль о богатствѣ нашихъ добродѣтелей, тогда око ума нашего должно обращаться къ обзрѣнію нашихъ грѣховныхъ поступковъ и смиренно преклонять себя долу, имѣя въ виду не то, что мы хорошаго сдѣлали, но то, что пренебрегли сдѣлать или сдѣлали худаго, дабы такимъ образомъ сердце, сокрушенное памятованіемъ немощи, сильнѣе укрѣплялось въ жизни добродѣтельной“.

О. Садовъ.

¹⁾ Сравн. Амвр. объ обязан. пресв. 1, 8: „доброе и драгоцѣнное стяжаніе есть непорочность и благія помышленія; огради убо сіе стяжаніе, да не плѣняютъ его тѣлесныя страсти. Храни внутренняго твоего человѣка“.

МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ ИДЕАЛЬНАГО ПОЗНАВІЯ.

(Продолженіе *).

б) При полной несостоятельности того понятія о содержаніи идеи о Богѣ, какое даетъ Фейербахъ, естественно ожидать, что также не несостоятельно будетъ и его объясненіе причины возникновенія ея въ человѣчествѣ. Такою причиною, по его мнѣнію, служитъ недовольство человѣка собою и окружающею его дѣйствительностью и мечтою о томъ, чѣмъ-бы долженъ быть желаемый имъ порядокъ вещей и какимъ-бы желалъ быть онъ самъ. Въ религіи онъ даетъ мечтательное удовлетвореніе тѣмъ своимъ потребностямъ и желаніямъ, которыхъ не удовлетворяетъ дѣйствительность; въ вымышленномъ мірѣ религіозныхъ призраковъ онъ находитъ то, чего желаетъ, но чего не даетъ ему окружающій его міръ. Правда, что религія, удовлетворяя всѣмъ высшимъ потребностямъ нашего духа, удовлетворяетъ и стремленіямъ нашего сердца къ полному счастью и блаженству. Но какія это стремленія? Тѣ-ли „низшія, эгоистическія, чувственныя, противонравственныя“, о которыхъ говоритъ Фейербахъ, какъ о мотивахъ религіи? Нѣтъ; такого рода желанія и стремленія произвели-бы и религію себѣ соотвѣтствующую, религію чувственнаго наслажденія, которая и сверхчувственный міръ рисуя чувственными чертами оправдывала-бы чув-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 8.

ственные и эгоистическія влеченія. Но не такова религія на самомъ дѣлѣ. Даже въ самыхъ низшихъ своихъ видахъ, она всегда болѣе или менѣе требуетъ отреченія отъ чувственности, господства надъ страстями, пожертвованія своимъ эгоистическимъ я съ его стремленіями въ пользу обязанностей и требованій, налагаемыхъ отъ имени Существа высочайшаго. Религія всегда является какъ нѣчто стѣсняющее, ограничивающее чувственныя желанія и стремленія узамъ высшаго закона. Чѣмъ выше религія, тѣмъ яснѣе и выразительнѣе высказывается характеристическое отношеніе ея къ нашему личному, эгоистическому я, которое состоитъ въ требованіи самоотверженія, пожертвованія самыми дорогими личными желаніями, наслажденіями, выгодами, во имя высшихъ, религіозныхъ интересовъ. Человѣкъ приноситъ божеству въ жертву самыя цѣнныя и лучшія свои вещи, ограничиваетъ удовлетвореніе своихъ естественныхъ потребностей, подвергаетъ себя лишеніямъ чувствительнымъ для организма, жертвуетъ иногда жизнію близкихъ себѣ и своєю собственною, чтобы угодить Богу. Удовлетвореніе-ли это эгоистическихъ и чувственныхъ потребностей? Не говоримъ о высочайшей и совершеннѣйшей религіи—христіанской, которая требуетъ не внѣшнихъ только и вещественныхъ жертвъ, но полного самоотреченія, которая повелѣваетъ отвергнуться себя, возненавидѣть и погубить свое грѣховное эгоистическое я, чтобы найти истинную жизнь и блаженство въ Богѣ, путемъ креста и страданій. Не видимъ-ли здѣсь совершенной противоположности чувственно-эгоистическимъ стремленіямъ, думающимъ найти свое удовлетвореніе въ мечтательномъ мірѣ религіозныхъ призраковъ?

Правда, на низшихъ ступеняхъ религіознаго сознанія сверхчувственный міръ представляется иногда въ такихъ чертахъ, которыя, повидимому, даютъ поводъ думать, что въ изображеніи его, человѣкомъ руководило желаніе создать за недостаткомъ дѣйствительнаго такой міръ, въ которомъ могли-бы найти полное удовлетвореніе его чувственныя влеченія. Таковы представленія о загробной жизни дикихъ племенъ; такова роль Магомета. Но нельзя забывать и того, что вмѣ-

ствѣ съ чувственно-блаженною жизнію для добродѣтельныхъ, фантазія народовъ создала и изображенія наказаній для порочныхъ, что у грековъ напр. кромѣ Елисейскихъ полей существуетъ и мрачный тартаръ, что у магометанъ кромѣ рая существуетъ и адъ со всѣми ужасами мученій и что поэтому, при представленіи загробнаго міра, человѣкъ столько-же, если не больше, могъ испытывать страха и безпокойства за свою участь, сколько и наслажденія при представленіи пріятнаго для своей чувственности порядка вещей. Вообще-же, религія, на всѣхъ ступеняхъ своего развитія, неразрывно соединяя съ понятіемъ о Богѣ мысль о нравственномъ Законодателѣ и Судіѣ, а съ представленіемъ загробной жизни,—не только награды, но и наказаній, по самому существу своему не могла и не можетъ служить удовлетвореніемъ чувственныхъ и эгоистическихъ желаній и надеждъ. Въ этомъ случаѣ человѣкъ создавалъ-бы и выдумывалъ то, что прямо противорѣчило-бы его желаніямъ.

Отсюда видно, что религія дѣйствительно удовлетворяетъ потребностямъ человѣка, но не тѣмъ низшимъ и эгоистическимъ, о которыхъ говоритъ Фейербахъ. Это не потребности „больнаго, самолюбиваго сердца“, но высшія потребности души, ищущей счастья и блаженства не въ конечныхъ вещахъ и не въ удовлетвореніи земныхъ и чувственныхъ желаній, но въ Богѣ, и въ удовлетвореніи высшихъ стремленій духа къ истинѣ и добру. Но эти потребности, какъ и удовлетвореніе ихъ, находятся въ рѣшительномъ противорѣчій съ склонностями низшей, чувственной природы, изъ которыхъ Фейербахъ производитъ религію. Если-же религія удовлетворяетъ этимъ высшимъ потребностямъ, то отсюда нивакъ не слѣдуетъ, чтобы и сама она была ихъ продуктомъ, мечтательнымъ удовлетвореніемъ ихъ. Было-бы очень странно заключать, что если какой предметъ удовлетворяетъ нашей потребности, то онъ есть и продуктъ этой потребности; въ такомъ случаѣ мы и хлѣбъ имѣли-бы право считать продуктомъ голода, и воду продуктомъ жажды. Напротивъ, удовлетвореніе какимъ-либо предметомъ нашей какой-либо существенной потребности служитъ яснымъ дока-

зательствомъ реальности и истины этого предмета; потребность не можетъ быть удовлетворена сама собою или мечтательнымъ представленіемъ удовлетворенія; голодный не можетъ удовлетвориться однимъ представленіемъ хлѣба, жаждущій—одною мечтою о водѣ. Поэтому, если религія удовлетворяетъ потребности сердца, то уже потому самому она не есть что-либо мечтательное, но истинная и дѣйствительная сила, и источникъ ея не въ человѣкѣ и его безсильныхъ желаніяхъ, но внѣ его,—въ томъ Существовѣ, которое составляетъ высочайшій, хотя не всегда ясно сознаваемый предметъ и цѣль всѣхъ лучшихъ и высшихъ стремленій человѣка.

Такимъ образомъ самое содержаніе религіи всѣхъ народовъ ясно показываетъ, что ея вѣрованія и чаянія далеко не выражаютъ собою того желательнаго для чувственнаго эгоизма порядка вещей міра, мечта о которомъ будто-бы создала религію. Напротивъ, имѣя въ виду то, что ея предписанія идутъ въ разрѣзъ съ чувственными наклонностями, что за неисполненіе этихъ предписаній она угрожаетъ тяжкими наказаніями въ настоящемъ и будущемъ, вѣрнѣе можно-бы сказать, что въ религіи человѣкъ вѣритъ въ то, чего вовсе не желаетъ.

Нужно-ли говорить о томъ, что гипотеза Фейербаха въ высшей степени страдаетъ тѣмъ-же недостаткомъ, который присущъ и всѣмъ теоріямъ, видящимъ источникъ идеи о Богѣ въ дѣятельности фантазіи, именно—неспособностью объяснить, какимъ образомъ чисто фантастическое представленіе, отъ чего-бы оно ни происходило, обращается въ непоколебимую увѣренность въ дѣйствительномъ существованіи представляемаго предмета? Отъ чего въ религіи человѣкъ, какъ выражается Фейербахъ, не только олицетворяетъ себя, но и противопологаетъ себѣ свое-же собственное существо и становится къ нему въ различныя отношенія, какъ къ реальному предмету? Это превращеніе фиктивного представленія въ религіозное вѣрованіе Фейербахъ не объясняетъ не однимъ словомъ; оно кажется ему фактомъ само собою понятнымъ. Человѣкъ желаетъ лучшаго порядка вещей, создаетъ міръ сверхчувственный,—и вѣритъ въ него; онъ

недоволенъ собой, желаетъ быть совершеннымъ, создаетъ идеаль, — и подъ именемъ Бога или боговъ вѣрять въ дѣйствительное существованіе своего вымысла. Но такой способъ умозаключенія отъ желаемого къ дѣйствительному, какъ мы замѣтили, свойственъ лишь сумасшедшему.

Въ заключеніе нашего разбора гипотезъ, ищущихъ источника идеи о Богѣ въ дѣятельности той способности, которую мы называемъ фантазією, замѣтимъ, что философы, раздѣляющіе эти гипотезы, забываютъ объ одномъ очень важномъ обстоятельстве. вмѣсто того, чтобъ выводить идею о Богѣ изъ дѣятельности фантазіи, какъ чего-то даннаго и извѣстнаго, имъ предварительно слѣдовало-бы обратить болѣе вниманія на самую эту способность, на коренной мотивъ и цѣль ея дѣятельности. При этомъ для нихъ неожиданно оказалось-бы, что не только фантазія не производитъ идеи о Богѣ, но напротивъ, самая дѣятельность ея, кажущаяся столь свободною и произвольною, въ глубочайшемъ своемъ основаніи опредѣляется идеєю о Богѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какой глубочайшій смыслъ дѣятельности фантазіи? Если подъ творчествомъ фантазіи будемъ разумѣть не совершенно бессмысленную и случайную комбинацію представленій, какая напр. имѣетъ мѣсто въ сновидѣніяхъ и какая возможна и у животныхъ, но объединенный нѣкоторою внутреннею связью и идеєю ходъ представленій, то легко замѣтить, что сокровеннымъ и истиннымъ мотивомъ возникновенія въ насъ міра образовъ фантазіи служитъ неудовлетворенность наличною, эмпирическою дѣйствительностію, темное желаніе и стремленіе за этою дѣйствительностію искать и предполагать иной, высшій и лучшій, неограничиваемый эмпирическими законами міръ. Человѣкъ создаетъ себѣ такой міръ подъ вліяніемъ нѣ котораго внутренняго убѣжденія, что наличною дѣйствительностію не исчерпывается все бытіе, что за видимымъ міромъ лежатъ другой міръ, сверхчувственный и болѣе совершенный чѣмъ настоящій. Но что можетъ быть источникомъ такого убѣжденія, какъ не идея бытія

сверхчувственного и всесовершеннаго, которая составляет не изъ опыта (въ которомъ человѣкъ не видитъ ничего подобнаго) происходящую принадлежность его духа? Съ особенною ясностію сказывается присутствіе этой идеи въ высшихъ произведеніяхъ фантазіи—идеалахъ. Эта исключительно человѣческая способность къ идеализаціи, въ которой нѣкоторые думали видѣть источникъ идеи о Богѣ, сама въ свою очередь можетъ быть объяснена только этою идеею. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы въ насъ не было хотя темнаго представленія объ абсолютномъ совершенствѣ, не было стремленія къ достиженію этого совершенства, то что заставило-бы человѣка никогда не довольствоваться настоящимъ, постоянно стремиться къ лучшему и въ силу этого стремленія создавать себѣ образы этого лучшаго,—идеалы? Идеаль предполагаетъ существованіе нѣкотораго понятія о совершенствѣ, а неудовлетворенность ни чѣмъ даннымъ, даже идеаломъ, лишь только онъ осуществился, показываетъ, что это понятіе въ существѣ своемъ есть идея абсолютнаго совершенства. Идея же абсолютнаго совершенства есть элементъ, существенно входящій въ понятіе о Богѣ. Отсюда видно, что идея Божества, какъ живой совокупности всѣхъ совершенствъ въ неограниченной степени и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ послѣдней цѣли нашихъ стремленій, и есть то, конечно не ясно и не отчетливо въ обыденной жизни сознаваемое, начало, которое побуждаетъ насъ къ идеальнымъ стремленіямъ, внѣшній обликъ которымъ даетъ фантазія. Такимъ образомъ самое стремленіе и способность къ созданію идеаловъ мы вправѣ называть не причиною, а слѣдствіемъ идеи о Богѣ, понимаемой во всей полнотѣ и широтѣ ея содержанія.

Что касается до участія фантазіи въ раскрытіи содержанія какъ нашихъ идей вообще, такъ идеи о Богѣ въ особенности, то это есть естественное слѣдствіе самой природы нашего познанія. Наше познаніе условливается дѣятельностію двухъ познавательныхъ силъ: силы представленія, высшее развитіе которой составляетъ фантазія, и силы мышленія, органомъ которой служитъ разумъ; каждый познаваемый предметъ долженъ быть дакъ нашему сознанію или въ фор-

мѣ представленія или въ формѣ понятія; преобладаніе той или другой формы зависитъ, кромѣ другихъ гносеологическихъ условій, главнымъ образомъ отъ степени интеллектуальнаго развитія человѣка. Подъ этими двумя формами должна являться намъ и идея Божества, какъ скоро она составляетъ предметъ не темнаго только чувства или стремленія, но знанія. Естественное развитіе человѣка требуетъ, чтобы на извѣстной его степени онъ познавалъ Божество и состоящіе съ нимъ въ связи объекты религіознаго знанія не иначе, какъ въ формѣ представленій, точно также какъ при дальнѣйшемъ саморазвитіи,—въ формѣ рациональныхъ понятій. Но ни та, ни другая форма нашего познанія и притомъ, форма представленія какъ низшая, конечно еще менѣе, чѣмъ форма понятія, могутъ быть вполне адекватными своему содержанію. Онѣ выражаютъ только различныя степени и способы постиженія Существа неограниченнаго и безусловнаго существомъ ограниченнымъ, подобно съ свойствами и особенностями его ограниченно-познавательной силы. Что по отношенію къ идеѣ Бога форма представленія есть не болѣе, какъ субъективная форма нашего познанія Существа абсолютнаго, это говоритъ намъ не только анализъ нашего познанія, но болѣе или менѣе ясно чувствуетъ и непосредственное религіозное сознаніе. Это чувство ясно выражается въ постоянной измѣнчивости, текучести, такъ сказать, создаваемыхъ человѣкомъ образныхъ представленій о Божествѣ. Исторія религіи говоритъ намъ, что отвергая или забывая одни представленія, обазавшіеся неудовлетворительными, человѣкъ постоянно искалъ новыхъ, казавшихся ему болѣе правильными, опредѣленій Божества. Такое исканіе, независимо отъ выражаемой всѣми сколько нибудь развитыми религіями мысли о непостижимости Божества, ясно показываетъ, что образныя представленія не тождественны съ выражаемою ими идеею и что они составляютъ лишь различныя способы, какъ уяснить себѣ содержаніе этой идеи,—способы видоизмѣняющіеся по мѣрѣ развитія познавательной силы человѣка.

II.

Поставивъ вопросъ: откуда происходитъ въ нашемъ духѣ идея о Богѣ,—мы за отвѣтомъ на него обратились прежде всего къ познанію эмпирическому и къ той гносеологической формѣ, въ которой оно выражается—формѣ чувственного представленія. Какъ путемъ анализа самаго содержания этой идеи, такъ и путемъ критики различнаго рода гипотезъ, пытавшихся объяснить происхожденіе ея эмпирически, мы пришли къ убѣжденію, что она не можетъ быть ни продуктомъ чувственныхъ возрѣній и субъективныхъ ощущеній ими вызываемыхъ (напр. страха, возбуждаемаго въ душѣ грозными явленіями природы), ни дальнѣйшимъ преобразованиемъ этихъ возрѣній при помощи воображенія. И такъ, мы отъ способности представленія должны перейти теперь къ стоящей ступеню выше ея познавательной силѣ нашего духа, называемой разсудкомъ и посмотрѣть, не можетъ-ли быть разсматриваемая нами идея о Богѣ произведеніемъ этой способности? Иначе,—такъ какъ общій продуктъ дѣятельности разсудка есть *понятіе*, также какъ способности чувственного познанія—*представленіе*, то не будучи представленіемъ, не можетъ-ли быть она раціональнымъ понятіемъ, образованнымъ также, какъ образуются и всѣ другія понятія?

Въ нашемъ метафизическомъ анализѣ раціональнаго познанія и его произведенія—понятія, мы отличили два вида понятій: общія или абстрактныя и категорическія. На основаніи этого отличія вопросъ, выставленный нами, распадается на два частныя: 1) не можетъ-ли быть идея о Богѣ общимъ понятіемъ нашего разсудка? 2) Не можетъ-ли быть она одною изъ его категорій? Въ ученіи философовъ о происхожденіи идеи о Богѣ мы найдемъ положительные отвѣты на тотъ и другой вопросъ.

1. Тѣ гипотезы происхожденія идеи о Богѣ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, принадлежали философамъ, которые первоначальный источникъ всѣхъ нашихъ познаній о дѣйствительно существѣ видѣли въ одномъ чувственномъ опытѣ. Но такъ какъ этотъ опытъ не даетъ намъ никакого

ощущенія или представленія о сверхчувственномъ существѣ, которое мы называемъ Божествомъ, то очевидно, по мнѣнію этихъ философовъ, идея о Богѣ можетъ быть только ложнымъ, вымышленнымъ представленіемъ, созданнымъ при помощи той способности вымысла, которую мы называемъ фантазією. Но вытекаетъ-ли логически это заключеніе изъ указаннаго вами эмпирическаго принципа познанія, служащаго гносеологическою подкладкою упомянутыхъ гипотезъ? Дѣйствительно-ли не можетъ существовать ничего реального помимо бытія удостовѣряемаго показаніями нашихъ внѣшнихъ чувствъ? Эмпирики болѣе осторожны, хотя быть можетъ менѣе послѣдовательные, даютъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. Источникомъ нашихъ познаній о дѣйствительно существующемъ служитъ не одинъ непосредственный чувственный опытъ, какъ утверждаетъ это грубый, матеріалистическій эмпиризмъ, отрицающій на этомъ основаніи истину идеи о Богѣ. Хотя началомъ всѣхъ нашихъ познаній дѣйствительно служитъ опытъ, но въ нашемъ разумѣ дана намъ способность отъ данныхъ опыта и на основаніи ихъ, путемъ умозаключенія, восходить къ тому, что лежитъ за предѣлами опыта. При помощи этой способности мы можемъ со всею увѣренностію заключать о дѣйствительномъ бытіи чего-либо, хотя-бы оно и не могло быть предметомъ непосредственнаго усмотрѣнія. Такъ напр. находя на пустынномъ островѣ развалины зданія, мы можемъ заключить, что здѣсь нѣкогда жили люди, хотя-бы и не видали этихъ людей. Подобнымъ образомъ можетъ возникнуть въ насъ и увѣренность въ бытіи Божества. Наблюдая качества, свойства эмпирическихъ предметовъ, предлагая себѣ вопросъ о послѣдней причинѣ ихъ происхожденія, мы при помощи умозаключенія доходимъ до понятія о высочайшемъ началѣ бытія,—Богѣ.

Такимъ образомъ, первоначально на эмпирической почвѣ возникла мысль о рациональномъ происхожденіи идеи о Богѣ, путемъ рефлексіи или умозаключенія надъ данными опыта. Защитниками ея являются Локкъ и другіе болѣе умѣренные эмпирики и деисты прошлаго столѣтія (Тиндаль, Шефтсбюри, Болингброкъ и др.), недовольные ученіемъ Декарта о врож-

денныхъ идеяхъ и твердо стоявшіе на той точкѣ зрѣнія, что въ нашей душѣ не можетъ быть никакихъ понятій, кромѣ происшедшихъ или изъ опыта или изъ рефлексіи надъ данными опыта ¹⁾. Въ послѣдствіи къ тому-же воззрѣнію примкнули принадлежавшіе къ разнымъ школамъ раціоналисты, защитники, такъ называемой, естественной религіи и враги всякаго неположительнаго откровенія. То, что въ религіи есть истиннаго, происходитъ изъ разума; что выходитъ за предѣлы знанія доступнаго уму, что обозначается именемъ откровенныхъ истинъ, есть въ сущности человѣческое заблужденіе, соединенное съ самообольщеніемъ касательно своего происхожденія. Никакого внѣшняго источника религіознаго познанія нѣтъ и быть не можетъ; единственный источникъ истиннаго, а не мнимаго богопознанія есть разумъ, который и составляетъ основу, такъ называемой, естественной религіи въ противоположность основаннымъ на авторитетѣ откровенія неположительнымъ религіямъ, которыя хотя и могутъ заключать въ себѣ зерно истины, но заключенной въ глубокую скорлупу вымысловъ, сознательно или безотчетно маскируемыхъ божественнымъ авторитетомъ.

Въ высшей степени можетъ показаться страннымъ, что то воззрѣніе на происхожденіе религіозной идеи, которое служитъ опорой деизма, отрицающаго возможность откровенія

¹⁾ По ученію Локка „хотя Богъ не далъ намъ никакихъ врожденныхъ представлений и не напечатлѣлъ въ душѣ никакихъ первоначальныхъ буквъ или письменъ, изъ которыхъ мы могли-бы вычитать о Его существованіи, но тѣмъ не менѣе Онъ одарилъ нашу душу способностями, которыя могутъ дать намъ свидѣтельство о Его бытіи, мы имѣемъ ощущенія, воспріятія и разумъ, поэтому не лишены способности, пока живы, доказать Его бытіе“... Затѣмъ Локкъ указываетъ самый путь, какимъ разумъ доходитъ до понятія о Богѣ. Этотъ путь сходенъ съ тѣмъ, какимъ идетъ космологическое доказательство бытія Божія. Если человѣкъ *есть*, то должно быть нѣчто, что произвело его (равно какъ и весь міръ) и это нѣчто должно быть вѣчнымъ, ибо иначе оно опять должно-бы быть произведено чѣмъ нибудь другимъ. Такое вѣчное существо должно быть всемогущимъ — Богомъ. Впрочемъ, замѣчаетъ Локкъ, такое доказательство есть не единственное; ибо при различіи темпераментовъ людей и при различныхъ направленіяхъ ихъ мышленія дѣйствуетъ у одного болѣе то, у другаго другое основаніе для подтвержденія одной и той-же истины и для убѣжденія въ ней. Locke's, Versuch über den menschl. Verstand. Übers. v. Kirchmann. 1873. В. 2. р. 238—242.

и истину положительной религіи на немъ основанной, мы встрѣчаемъ у философовъ совершенно противоположнаго направленія, всего менѣе сочувствующихъ естественной религіи и основанія для философіи ищущихъ именно въ положительной, христіанской религіи. Мы имѣемъ въ виду многихъ мыслителей строго религіознаго характера, ученіе которыхъ о происхожденіи идей вообще, идеи о Богѣ въ частности, совершенно совпадаетъ съ ученіемъ деистовъ и раціоналистовъ и въ исходной точкѣ и въ своемъ результатѣ. Исходною точкою у нихъ, такъ какъ и у послѣднихъ, служитъ критика и отрицаніе Декартовской теоріи врожденныхъ идей. Но если у насъ нѣтъ врожденныхъ идей, съ другой стороны, если для человѣка падшаго и поврежденнаго грѣхомъ не возможно воздѣйствіе со стороны самого Бога, которое могло-бы произвести идею о Богѣ, то, очевидно, источникъ естественнаго богопознанія можетъ быть только одинъ, — нашъ собственный разумъ, путемъ умозаключеній восходящій отъ конечнаго къ безконечному. Но будучи согласны въ объясненіи источника религіозной идеи раціоналисты и философы, о которыхъ мы говорили, далеко расходятся въ оцѣнкѣ этого источника и въ возрѣніи на положительную религію; тогда какъ по мнѣнію первыхъ этотъ источникъ есть единственный и вполнѣ достаточный для истиннаго, естественнаго богопознанія, по мнѣнію послѣднихъ, онъ, вслѣдствіе поврежденія нашей природы, крайне недостаточенъ и не надеженъ, — вслѣдствіе чего и является необходимость откровенія сверхъестественнаго, христіанскаго. Но во всякомъ случаѣ, въ объясненіи происхожденія естественной религіозной идеи, равно какъ и всѣхъ прочихъ идей, они совершенно согласны съ возрѣніями эмпириковъ и раціоналистовъ ¹⁾.

¹⁾ Представленное нами возрѣніе на происхожденіе идей, съ идеею Божества включительно, принадлежатъ почти всѣмъ римско-католическимъ философамъ строго религіознаго направленія, состоящимъ подъ вліяніемъ идей схоластической философіи, преимущественно Тома Аквината. Такъ напр. Гутберлетъ, подвергнувъ сильной критикѣ ученіе Декарта и другихъ философовъ о врожденности идей, говоритъ: „Аристотеле-схоластическая теорія абстракціи

По представленному нами воззрѣнію идея о Богѣ есть не что иное, какъ *понятіе* нашего разсудка, понятіе, до котораго онъ доходитъ также какъ и до другихъ понятій,—путемъ абстракціи и умозаключенія отъ эмпирическихъ данныхъ, путемъ рациональнаго размышленія надъ природою и ея явленіями, надъ человѣкомъ и его свойствами.

Всѣ извѣстные способы, какими нашъ разумъ можетъ доходить до понятія о Богѣ, философія излагаетъ въ, такъ называемыхъ, доказательствахъ бытія Божія. Въ нихъ мы видимъ всѣ возможные и испытанные разсудкомъ приемы, посредствомъ которыхъ онъ можетъ доходить до убѣжденія въ истинѣ бытія Божія. Итакъ путь доказательствъ бытія Божія есть дѣйствительный путь приобрѣтенія человѣкомъ религіозной идеи.

Но тотъ умственный процессъ, посредствомъ котораго нашъ разсудокъ въ области отвлеченнаго мышленія доходитъ до извѣстныхъ понятій о Богѣ, можетъ-ли быть дѣйствительнымъ процессомъ, какимъ первоначально образовалась и въ нашей душѣ и въ человѣческомъ родѣ идея о Богѣ?

И исторія и опытъ даютъ намъ отрицательный отвѣтъ на

(Abstractionstheorie), объясняетъ происхожденіе нашихъ идей способностію души изъ чувственныхъ воспріятій извлекать сверхчувственное,—неизмѣнную и всеобщую сущность вещей, отвлекать умопостигаемое (Intelligibile) отъ чувственнаго. Такъ какъ эта теорія одна вполне соотвѣтствуетъ натурѣ человѣка и фактамъ, то мы принимаемъ ее во всѣхъ существенныхъ пунктахъ... (За симъ слѣдуетъ раскрытіе этой теоріи. С. Gutberlet Psychologie. 1881. p. 150 et sq.) „Познаніе умопостигаемаго (Intelligibile)“, говоритъ Стеклъ, „имѣетъ свой исходный пунктъ и начало въ чувственномъ опытѣ, и притомъ такъ, что этотъ опытъ не только служитъ поводомъ къ такому рода познанію но напротивъ оно изъ него вполне почерпается“... „Сотворенныя вещи, въ какой мѣрѣ онѣ суть дѣйствія божественной причинности, представляются намъ основаніемъ и исходнымъ пунктомъ познанія о Богѣ, и притомъ, эти вещи суть *единственное* основаніе, при помощи котораго мы достигаемъ познанія о Богѣ, такъ что мы лишь постольку можемъ познавать Бога нашимъ разумомъ, насколько даютъ основаніе къ тому сотворенной вещи. Итакъ естественное богопознаніе во всемъ своемъ объемѣ посредствуется сотворенными вещами... Именно, чрезъ то только мы достигаемъ до познанія о Богѣ, что отъ сотворенныхъ вещей, какъ дѣйствій, заключаемъ къ Богу, какъ первой и высочайшей причинѣ. Никакой другой путь къ познанію Бога, съ точки зрѣнія чисто естественнаго познанія, не мыслимъ“. А. Stöckl. Lehrbuch der Philosophie. 1868. Erkenntnisslehre; p. 383. 388.

этотъ вопросъ. Исторія показываетъ, что идея о Богѣ гораздо старше всѣхъ возможныхъ доказательствъ ея истинны, даже въ самомъ простомъ и неразвитомъ ихъ видѣ. Такъ называемыя доказательства бытія Божія являются очень поздно (въ слѣдствіе возникшихъ сомнѣній въ этой истинѣ); всѣ они развиваются мало по-малу, вообще составляютъ достойныя школы, извѣстны только людямъ знакомымъ съ философіею. Дѣйствительное религиозное сознаніе не знаетъ о нихъ; признаніе бытія Божія въ немъ основывается не на доводахъ разума, но на непосредственномъ чувствѣ и вѣрѣ, подтверждаемой авторитетомъ положительныхъ религій. Что было въ жизни рода человѣческаго, то повторяется въ жизни каждаго отдѣльнаго лица; религиозная вѣра каждаго возникаетъ не изъ умозаключеній разсудка и не изъ философскихъ размышленій о сущности бытія и первой его причины; она раньше ихъ и внѣ области знанія научнаго не нуждается въ нихъ. Дѣятельность разсудка, и то въ болѣе развитыхъ личностяхъ, приходитъ послѣ, для разъясненія, повѣрки и утвержденія существующихъ уже въ насъ религиозныхъ убѣжденій.

Къ тому-же заключенію приводитъ насъ, кромѣ указаній исторіи и психологическаго наблюденія, и анализъ самыхъ, извѣстныхъ намъ, доказательствъ бытія Божія. Критическое разсмотрѣніе этихъ доказательствъ, начало которому положено Кантомъ, показываетъ, что они не могутъ быть названы доказательствами въ точномъ и строгомъ смыслѣ слова, то есть выводомъ неизвѣстной какой-либо для насъ истинны изъ другихъ извѣстныхъ, при помощи умозаключенія. Въ нихъ истина бытія Божія, повидимому выводимая въ заключеніи, содержится уже отчасти въ посылкахъ; процессъ доказательства только разъясняетъ и утверждаетъ ее. Доказательства бытія Божія вообще были-бы невозможны, если-бы имъ не предшествовало въ нашемъ умѣ нѣкотораго *предположенія* этого бытія, нѣкотораго хотя темнаго и неразвитаго понятія о немъ.

Для разъясненія нами сказаннаго намъ нѣтъ нужды входить въ разсмотрѣніе каждаго изъ извѣстныхъ намъ дока-

зательствъ бытія Божія съ цѣлью показать, что ни одно изъ нихъ не могло быть дѣйствительнымъ путемъ возникновенія въ нашей душѣ идеи о Богѣ. Достаточно остановиться на космологическомъ и тѣсно связаннымъ съ нимъ телеологическомъ, на которыя обыкновенно и указываютъ эмпирики и рационалисты, какъ на пути образованія въ нашемъ умѣ понятія о Богѣ ¹⁾.

Въ космологическомъ доказательствѣ, какъ извѣстно, нашъ разумъ отъ замѣчаемой повсюду ограниченности, условности, несовершенства всѣхъ вещей и явленій міра восходитъ къ необходимому предположенію безусловной и всесовершенной Причины бытія. Противъ логической законности и правильности такого восхожденія отъ конечнаго къ безконечному, отъ міра къ Богу, какъ первой причинѣ, мы, конечно, ничего сказать не можемъ. Но вопросъ въ томъ, могло-ли-бы состояться самое это восхожденіе, этотъ переходъ отъ конечнаго къ безконечному, если-бы въ нашемъ умѣ не было никакого предшествующаго понятія о безконечномъ, а было-бы дано *только* одно конечное, какъ фактъ внѣшняго и внутренняго опыта? На этотъ вопросъ мы должны отвѣчать отрицательно. Разсудокъ, по признанію самихъ эмпириковъ, не допускающихъ никакихъ врожденныхъ понятій, есть способность чисто формальная, не имѣющая собственнаго объективнаго содержанія; онъ только по своимъ законамъ перерабатываетъ данное ему отъ внѣ изъ ощущеній содержаніе, *nihil est in intellectu, quod non ante fuerit in sensu*. Но это содержаніе, эта „матерія“ разума есть нѣчто всегда огра-

¹⁾ Дѣйствительно, только эти доказательства и можно имѣть въ виду при разъясненіи вопроса о происхожденіи идеи о Богѣ. Онтологическое, психологическое и историческое (а *consensu gentium*) прямо исходятъ изъ *предположеній* этой идеи, какъ факта даннаго въ личномъ и общечеловѣческомъ опытѣ, и только стараются доказать истину ея,—первое путемъ метафизическимъ, второе психологическимъ, третье указаніемъ на ея всеобщность. При томъ-же, слишкомъ отвлеченная и искусственная форма двухъ первыхъ сама собою не допускаетъ мысли, чтобы путемъ ихъ человекъ могъ доходить до понятія о Богѣ. Тоже должно сказать и о такъ называемомъ нравственномъ, которое предполагаетъ анализъ фактовъ нравственнаго сознанія, который доступенъ лишь значительно развитому мышленію.

ниченное, условное, конечное,—и это одинаково имѣть значеніе какъ по отношенію къ каждому единичному чувственному воззрѣнію такъ и къ цѣлой ихъ совокупности. Поэтому, какъ-бы разумокъ ни соединялъ и не комбинировалъ эту матерію, онъ никогда не выступитъ изъ области условнаго и ограниченнаго, никогда не достигнетъ безконечнаго; отъ конечнаго къ безконечному нѣтъ перехода.

Конечно, на это могутъ сказать, что для составленія понятія о безусловномъ нѣтъ нужды выступать за предѣлы условнаго; понятіе о безусловномъ можетъ возникнуть какъ простое отрицаніе, какъ понятіе небытія условнаго, ограниченнаго, конечнаго. Не станемъ говорить о томъ, что по самому содержанію своему понятіе безусловнаго вовсе не есть отрицательное понятіе, но имѣетъ чисто положительный характеръ и по отношенію къ понятію условнаго есть необходимое коррелятивное понятіе, столь-же положительное, какъ и это послѣднее ¹⁾. Замѣтимъ лишь то, что если-бы нашъ разумъ, при помощи наблюденія и рефлексіи надъ бытіемъ условнымъ, приходилъ только къ отрицательному понятію отсутствія или небытія этого условнаго, то идея о Богѣ никоимъ образомъ не могла ни возникнуть, ни имѣть мѣста въ нашемъ духѣ. Такое отрицательное понятіе было-бы вмѣстѣ и совершеннымъ отрицаніемъ всякаго понятія о Богѣ, какъ о реальномъ безусловномъ объектѣ; потому что совершенно немислимо допустить, чтобы какимъ-либо процессомъ мышленія это отрицательное понятіе небытія внезапно превратилось въ положительное,—въ идею существа абсолютно сущаго, съ совершеннымъ забвеніемъ его настоящаго смысла; для такого превращенія нѣтъ никакого повода, никакой, ни логической, ни психологической возможности.

Но эмпирики, производящіе идею о Богѣ путемъ умозаключенія отъ конечнаго къ безконечному, забываютъ сверхъ сего и о томъ, что эта идея несравненно шире и содержа-

¹⁾ О томъ, что понятіе безусловнаго не есть отрицательное,—см. „Психологическое док. бытія Божія“, въ „Прав. Обзорніи“ за 1887 годъ. Февраль. Стр. 254, 276, 277.

тельнѣе, чѣмъ простое понятіе о безконечномъ; она есть идея существа безконечно *совершеннаго*. Но откуда-бы, путемъ эмпирическаго наблюденія и обобщенія, могло образоваться въ насъ представленіе о такомъ существѣ? Обобщая частныя, замѣчаемыя нами въ мірѣ совершенства, мы могли бы составить только абстрактное понятіе о совершенствѣ вообще, но не о реальномъ бытіи ихъ въ одномъ дѣйствительномъ существѣ. Кромѣ того, необходимо при этомъ обратить вниманіе и на то еще, что совершенства, соединяемыя нами въ понятіи Существа всесовершеннаго, не суть частныя и ограниченныя, но безконечныя совершенства. Между тѣмъ, какъ всѣ безъ исключенія предметы міра представляются намъ ограниченными и конечными, такъ и совершенства ихъ имѣютъ такой-же характеръ; слѣдовательно, путемъ абстракціи этихъ совершенствъ отъ предметовъ, мы опять пришли-бы только къ понятію ограниченаго совершенства вообще, но никакъ не къ идеѣ совершенства безусловнаго. Очевидно, если здѣсь къ понятію совершенства присоединяется признакъ абсолютнаго или безконечнаго, то этотъ новый признакъ для своего объясненія предполагаетъ другой какой-либо источникъ, а не простую рефлексію разсудка надъ данными опыта.

Но намъ могутъ сказать: положимъ элементовъ для образованія понятія объ абсолютно совершенномъ Существомъ нѣтъ въ эмпирической дѣйствительности и оно не можетъ составить путемъ абстракціи отъ данныхъ опыта; но къ такому понятію можетъ привести насъ простой, логическій законъ достаточнаго основанія. Такъ, разсматривая предметы и явленія природы, замѣчая въ нихъ совершенства, красоту и законосообразность, и не очень развитый человѣкъ, повинаясь логическому требованію—искать причины явленіямъ, могъ прійти къ предположенію первой причины міра; а подъ вліяніемъ того-же логическаго побужденія—искать достаточной причины, могъ прійти къ мысли, что эта причина не есть частная и ограниченная, но абсолютная и всесовершенная. Это и есть путь, такъ называемаго, телеологическаго доказательства бытія Божія.

Но какъ ни простымъ и естественнымъ кажется такой способъ умозаключенія для логически развитаго мышленія, самъ по себѣ онъ не можетъ объяснить намъ первоначальнаго возникновенія религіозной идеи, съ ея существенными качествами — всеобщностью и необходимостью. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь человѣкъ для окружающихъ его предметовъ и явленій ищетъ первой, высочайшей причины. Но что могло-бы заставить человѣка, видящаго около себя только конечныя явленія и ихъ ближайшія частныя причины, исвать мимо ихъ и выше ихъ причины сверхчувственной и абсолютной, если-бы въ немъ не было хотя темнаго представленія о такой причинѣ? Разумъ человѣка, не нарушая логическаго требованія искать достаточной причины, удобно могъ-бы остановиться на причинахъ ближайшихъ, вторичныхъ, какъ и теперь не только въ обыкновенной жизни, но и въ сферѣ чисто эмпирическаго познанія о природѣ, онъ останавливается на нихъ и ими удовлетворяется. Далѣе, если-бы онъ и не удовлетворился ближайшими причинами явленій, что могло-бы заставить его искать послѣдней, абсолютной причины, а не довольствоваться рядомъ причинъ одна другую условливающихъ и идущихъ въ безконечность? Кантъ доказывалъ, что такой способъ возрѣнія не только не противорѣчитъ законамъ разсудка, но даже болѣе содѣйствуетъ расширенію нашего познанія въ области эмпирической, чѣмъ возрѣніе противоположное. Но положимъ, разумъ изъ двухъ равно возможныхъ предположеній, — признать безконечную цѣпь причинъ или одну абсолютно послѣднюю причину, почему либо остановился на послѣднемъ предположеніи. Могли-ли одни законы разума, дѣйствующаго исключительно въ своей сферѣ, заставить человѣка признать, что эта причина должна быть живая, личная, всесовершенная, словомъ — Богъ? Мы видѣли, что и очень развитый разсудокъ часто привнаетъ первою причиною бытія неразумную, мертвую матерію. Тѣмъ болѣе такое именно представленіе о первой причинѣ должно-бы, по видимому, имѣть мѣсто въ ту отдаленную эпоху, въ которую мы застаемъ религіозныя вѣрованія, когда человѣку,

по его умственной неразвитости, всего естественнѣе казалось-бы представлять первое начало бытія, какъ нѣчто безжизненное и вещественное. По крайней мѣрѣ, если-бы одинъ разумъ былъ источникомъ понятія о первой причинѣ бытія, то мы вправѣ были-бы ожидать такого-же разногласія въ понятіяхъ объ этой причинѣ, какое замѣчаемъ напр. среди философовъ. Одна часть человѣческаго рода признавала-бы Божество, другая—нѣтъ; у одной части была-бы религія, у другой нѣтъ. Но на дѣлѣ оказывается иное: религія, основанная на идеѣ Божества, есть явленіе всеобщее, а отрицаніе бытія Божія или представленія первой причины иначе, чѣмъ Божествомъ, есть явленіе частное, позднѣйшее, замѣчаемое лишь въ кругу людей, которые хотятъ именно отрѣшиться отъ всѣхъ непосредственныхъ убѣжденій и стать на почвѣ одного чистаго разсудка.

Все это показываетъ, что идея о Богѣ не можетъ быть плодомъ одной умозаклюющей дѣятельности разсудка. Къ тому-же заключенію приводитъ насъ и самый характеръ и значеніе религиозныхъ идей. Если-бы онѣ были продуктомъ разсудочной только дѣятельности, то онѣ были-бы не болѣе, какъ *понятіями* разума объ извѣстныхъ сверхчувственныхъ предметахъ. Но, какъ показываетъ исторія мышленія, понятія разсудка о предметахъ, лежащихъ внѣ сферы эмпирическаго знанія, не представляютъ ни особой устойчивости, ни силы всеобщей убѣдительности. Мы видимъ, что самыя основныя философскія понятія не признавались безусловно во всѣхъ философскихъ школахъ, во всѣ времена; что взгляды мыслителей на самыя существенныя вопросы знанія, какъ скоро они выходили изъ области опыта, были радикально противоположны. Далѣе, таже исторія показываетъ намъ, что множество истинъ, выработанныхъ усиленнымъ умственнымъ трудомъ лицъ, имѣвшихъ полный авторитетъ въ области знанія, долго не могли получить всеобщаго признанія. Эти истины не только распространялись съ большими препятствіями, послѣ долгой борьбы и противорѣчій, но и въ умахъ самихъ виновниковъ этихъ истинъ не всегда являлись съ характеромъ непоколебимыхъ убѣжденій; мы знаемъ, что не рѣдко

и сильныя умы сомнѣвались въ достовѣрности своихъ познаній. Если-бы, теперь, религіозныя идеи, подобно прочимъ понятіямъ разсудка, были плодомъ дѣятельности только нашего мышленія, то онѣ необходимо раздѣляли-бы участь всѣхъ прочихъ раціональныхъ понятій. Религіозныя убѣжденія, не имѣя обширнаго вліянія и круга распространенія, были-бы достояніемъ какой-либо философской школы и, даже въ кругу философовъ этой школы, для жизни онѣ не больше имѣли-бы значенія, чѣмъ то, какое имѣютъ обыкновенныя теоретическія истины. Но совершенно иной характеръ носятъ религіозныя убѣжденія. Истина бытія Божія, равно какъ и другія, тѣсно связанныя съ нею религіозныя истины, представляются намъ господствующими надъ умами и сердцами людей съ такою силою убѣдительности, какой никакъ не могли-бы имѣть, если-бы были продуктомъ дѣятельности разсудка. Если-бы идея о Богѣ была дѣломъ разума, то она и оставалась-бы на ряду съ другими понятіями его, какъ извѣстное представленіе о первомъ началѣ вещей, удовлетворяющее болѣе или менѣе требованіямъ знанія, но никакъ не могла-бы имѣть того могущественнаго, опредѣляющаго всю нашу нравственную дѣятельность значенія, какое имѣетъ она на самомъ дѣлѣ; она осталась-бы научною истиною, но не религіозною идеею. Болѣе или менѣе удовлетворяя разумъ въ его запросахъ о первомъ началѣ вещей, она не могла-бы быть источникомъ тѣхъ многообразныхъ явленій психической жизни, въ которыхъ выражается религія. Эти явленія своею всеобщностію, жизненностію и силою показываютъ, что идея о Богѣ опирается на началѣ болѣе устойчивомъ и живомъ, чѣмъ то, какое могутъ дать выводы разсудка.

На ту же самую самостоятельность и независимость отъ разсудка идеи о Богѣ указываетъ намъ и дальнѣйшій процессъ ея развитія въ человѣческомъ родѣ. Если-бы религіозная идея была плодомъ рефлексіи разсудка надъ данными опыта, то, очевидно, въ самомъ началѣ своего появленія она могла-бы быть только очень слабою и неустойчивою идеею, такъ какъ раціональныя доказательства, приводящія къ ней, по крайне младенческому состоянію ума, были-бы конечно

очень слабыми и недостаточными. Съ большимъ и большимъ развитіемъ силы мышленія, она высказывалась-бы съ большею и большею ясностію, живостію и силою, пока наконецъ не достигла-бы апогея своего развитія въ ученіи философовъ, какъ представителей высшей силы человѣческаго разума. Но исторія представляетъ намъ обратное явленіе. Съ наибольшею силою и живостію выступаетъ религіозная идея еще въ то время, когда о философскомъ мышленіи не было и рѣчи; напротивъ, съ большимъ и большимъ развитіемъ рациональнаго мышленія замѣчается часто упадокъ религіознаго знанія и охлажденіе религіознаго чувства.

Вообще, если-бы религіозная идея была исключительно дѣломъ одного разума, то мы вправѣ были-бы ожидать полного параллелизма между умственнымъ и религіознымъ развитіемъ человѣка. Мѣра знанія, какъ говоритъ Шлейермахеръ, должна-бы быть мѣрою благочестія или религіозности. Мы должны-бы ожидать, что человѣкъ, умственно развитый или по своимъ дарованіямъ способный къ такому развитію, будетъ способнѣе всякаго другаго сдѣлаться религіознымъ. Мужчина, напримѣръ, долженъ-бы быть всегда религіознѣе женщины, взрослые — дѣтей, образованные — необразованныхъ; наше время вообще религіознѣе, чѣмъ предыдущія менѣе цивилизованныя эпохи. Но нѣтъ нужды говорить, что опытъ часто показываетъ противное. Далѣе, мы должны-бы предполагать, что человѣкъ философски образованный и въ дѣлѣ богопознанія будетъ стоять несравненно выше, чѣмъ не философъ. Но этому опять противорѣчитъ опытъ. Человѣкъ простой, незнакомый часто даже съ именемъ философіи, въ религіозномъ отношеніи, не только въ жизни, но и въ познаніи Бога, стоитъ выше чѣмъ философъ. Исторія также показываетъ намъ, что не мудрецы и философы были основателями новыхъ религій или вліятельными провозвѣстниками живыхъ религіозныхъ идей; что религіи видоизмѣнялись, хотя испытывая по временамъ вліяніе современныхъ философскихъ идей, но не по ихъ поводу; что самое вліяніе философскихъ ученій было болѣе отрицательнымъ, уничтожавшимъ несостоятельное въ прежнихъ вѣрованіяхъ, но не по-

ложительнымъ мотивомъ, возбуждавшимъ и обновлявшимъ религиозную жизнь. Оставляя въ сторонѣ религіи языческія, достаточно остановиться на одной христіанской. Она произошла не изъ философскихъ школъ Греціи и Рима; ея распространителями были не теоретическіе мудрецы, но люди простые и невнижные, не имѣвшіе даже и того научнаго знанія, которое составляло средній уровень образованности въ ихъ время; высочайшая мудрость была открыта не премудрымъ и разумнымъ, а младенцамъ (Матѣ. 11, 25).

Все это показываетъ намъ на независимый отъ разсудка источникъ возникновенія религиозной идеи. Да и можетъ-ли быть источникомъ религіи, столь всеобщаго факта въ исторіи человѣчества, та сила нашего духа, которая способна давать противоположные результаты относительно истинъ религіи, столько-же утверждающіе ихъ, сколько и отрицающіе, — тоже разсудочное знаніе, которое, какъ свидѣтельствуется опытомъ; приводило какъ къ вѣрѣ, такъ и къ невѣрію?

В. Нудравцевъ.

(Продолженіе будетъ).

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

XXXVIII.

Эмпирико-сенсуалистическій и идеалистическій взгляды на познание.—Важность этихъ взглядовъ.—Теорія Тэна о происхожденіи познания.—Основные элементы познания—ощущенія.—Количественная разность ощущеній, какъ условіе качественного ихъ различія.—Органы ощущеній и представленій.—Вопросъ о связи духовнаго міра съ физическимъ.—Тождество ощущеній съ молекулярнымъ движеніемъ въ нервной системѣ.—Чѣмъ объяснить невозможность свести ощущение и молекулярное движеніе нервовъ одно на другое?—Критическое обзорѣніе теорій Тэна объ элементахъ познания.—Элементы, входящіе въ составъ опытнаго познания: *ощущенія, созерцаніе и мышленіе*.—Объ активной и пассивной сторонѣ въ познаніи.—О пространствѣ и времени, какъ условіяхъ созерцанія.—Мускульное чувство, какъ признакъ противоположности внутренняго сознанія внѣшнему наблюденію.—Анализъ какъ высшее проявленіе активной стороны въ познаніи.—Самоопредѣляемость, какъ свойство умственной дѣятельности.—Идеи какъ нормы умственной дѣятельности.—Выводъ изъ предыдущаго о познаніи.—Понятіе Тэна о познаніи.—Различныя виды познания по Тэну.—О познаніи тѣла; представленіе пространства; локалізація ощущеній.—Познаніе духа.—Противоположность субъекта и объекта; наше я и понятіе о немъ.—Общія понятія или идеи, какъ выраженіе познания общихъ свойствъ вещей.—О математическихъ понятіяхъ; идеи о полезномъ, добромъ и прекрасномъ.—
Общій взглядъ на философію Тэна.

Какъ-бы позитивизмъ ни опредѣлялъ предметъ и задачу философіи, — признаеть-ли онъ предметомъ философіи научныя знанія, а задачей—приведеніе ихъ въ систематическую связь, или-же не самыя знанія признаеть предметомъ, а познаніе т. е. процессъ, какимъ знанія пріобрѣтаются, задачей-же филосо-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 7.

фіи—изслѣдованіе этого процесса, опредѣленіе его условій и границъ, въ томъ и другомъ случаѣ неизмѣнною и необходимою чертою позитивизма остается то, что на познаніе онъ допускаетъ одинъ только взглядъ,—именно *эмпирический*, или точнѣе *сенсуалистическій*. Главное стремленіе позитивизма—создать научную философію. Двоякимъ путемъ позитивизмъ хочетъ достигнуть этой цѣли. Съ одной стороны, выходя изъ понятія философіи и обращая вниманіе на то, что отличительною чертою философіи всегда было стремленіе къ единому всеобъемлющему міровоззрѣнію, позитивизмъ дѣлаетъ отсюда заключеніе, что задача философіи—объединеніе знаній, ибо только чрезъ соединеніе знаній можетъ быть образовано такое общее міросозерцаніе, которое имѣло-бы научное значеніе и которое, слѣдовательно, было-бы научною философіей. Но знанія разумѣются при этомъ добытыя науками опытными, и это даетъ тотъ выводъ о познаніи, что оно есть таковой совершающійся въ насъ, именно въ сознаніи нашемъ, процессъ, котораго началомъ и основаніемъ служитъ чувственное наблюденіе и который, слѣдовательно, должно изъяснять изъ данныхъ чувственнаго наблюденія. Съ другой стороны, выходя изъ понятія не философіи, а науки, и обращая вниманіе на то, что всякая отдѣльная наука имѣетъ свой особый предметъ, позитивизмъ полагаетъ, что и философія, дабы быть научною, должна имѣть свой особый предметъ изслѣдованія, и признаетъ такимъ спеціальнымъ предметомъ философіи, какъ науки,—познаніе. Полагая-же, что познаніе, дабы сдѣлаться предметомъ особымъ, спеціальнымъ, безъ чего и наука, изслѣдующая познаніе, не будетъ спеціальною, должно быть точно разграничено отъ всего, что можетъ примѣшиваться и дѣйствительно примѣшивается къ процессу познанія, позитивизмъ требуетъ исключенія изъ процесса познанія по возможности всѣхъ субъективныхъ элементовъ и ограниченія его элементами объективными. Познаніе имѣетъ цѣлью представить вещи познаваемыя въ томъ видѣ, каковы онѣ въ дѣйствительности; между тѣмъ какимъ образомъ мы представляемъ вещи,—это не всегда зависитъ только отъ того, каковы вещи на самомъ дѣлѣ, но также и отъ субъективныхъ нашихъ идей, каковы идеи религіоз-

ныя, нравственныя, эстетическія; слѣдовательно для того, чтобы наше познаніе было вполнѣ соразмѣрнымъ съ природою вещей и свободнымъ отъ всякой субъективной примѣси, для этого оно должно основываться на наблюденіи, на опытномъ изученіи вещей, которое производится посредствомъ чувственного воспріятія. Отсюда слѣдуетъ, что познаніе только тогда и есть дѣйствительное познаніе и цѣль его достигается, т. е. получаетъ необходимую разграниченность, когда всецѣло опредѣляется данными опыта, или чувственного наблюденія, поэтому и процессъ познанія, понимаемый въ строгомъ смыслѣ, т. е. надлежащимъ образомъ разграниченный, взятый въ немъ самомъ съ исключеніемъ всякой посторонней примѣси, долженъ вполнѣ изъясняться изъ элементовъ заключающихся въ чувственномъ наблюденіи, получаемыхъ чрезъ чувственное воспріятіе. Такимъ образомъ съ разныхъ сторонъ позитивизмъ приходитъ къ эмпирическому или сенсуалистическому взгляду на познаніе. Въ этомъ столь существенномъ отношеніи позитивизмъ не есть новая философія, а лишь продолженіе философіи старой, и даже очень давней, эмпирико-сенсуалистической школы. Отличительная черта этой школы заключается въ томъ, что во взглядѣ на познаніе она беретъ во вниманіе лишь пассивную его сторону, придавая ей преимущественное и даже исключительное значеніе въ противоположность идеализму, который въ такой-же мѣрѣ выдвигаетъ активную сторону въ познаніи. Съ точки зрѣнія идеализма познаніе есть совокупность *дѣйствій* духа, происходящихъ изъ собственнаго его существа и потому свободныхъ. Такъ Фихте уже въ чувственномъ воспріятіи, именно въ ощущеніи, усматриваетъ зачатокъ активности и даже прямо рассматриваетъ ощущеніе, какъ первичный актъ нашего я; соотвѣтственно этому существомъ нашего я онъ признаетъ свободу, которую возводитъ поэтому на степень абсолютнаго принципа философіи. Напротивъ, сенсуализмъ рассматриваетъ отдѣльные элементы и степеніи въ процессѣ познанія не какъ свободныя дѣйствія, исходящія изъ природы духа (индетерминизмъ), но какъ состоянія (детерминизмъ), въ которыя нашъ духъ приводится всегда толчкомъ (впечатлѣнія), исходящимъ отъ вещей находящихся внѣ его.

Поэтому, съ точки зрѣнія сенсуализма, процессъ познанія есть не что иное, какъ постепенное накопленіе состояній связанныхъ между собою такъ, что всякое послѣдующее состояніе отображаетъ или воспроизводитъ въ себѣ цѣлый рядъ предъидущихъ состояній, а въ совокупности знаменующихъ собою внѣшній міръ, которымъ они, чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, произведены.

Важное значеніе означенныхъ противоположныхъ взглядовъ на познаніе, независимо отъ ближайшей ихъ цѣли—разъяснить познаніе „заключается въ тѣсной связи ихъ съ великими духовно-нравственными интересами. Дѣло въ томъ, что невозможность изъяснить познаніе изъ внѣшнихъ чувствъ, если предположить, что она доказана, очевидно была-бы сильнѣйшимъ подкрѣпленіемъ убѣжденія въ томъ, что человѣкъ имѣетъ душу *существенно* отличную отъ животной, одаренную высшими силами, независимыми отъ чувственно-тѣлесной природы человѣка. Напротивъ, если-бы удалось изъ однихъ внѣшнихъ чувствъ, т. е. изъ ощущеній, изъяснить весь сложный механизмъ познанія, то это было-бы принято за доказательство того, что природа человѣка *существенно* не различается отъ природы животнаго,—а это именно утверждаютъ тѣ, которые человѣка производятъ отъ животнаго,—и что животныя также одарены только въ меньшей степени тѣми-же свойствами, которыя мы признаемъ принадлежностію безсмертной, богоподобной души. Вотъ почему заслуживаетъ особаго вниманія опытъ *изъясненія* познанія съ точки зрѣнія сенсуализма въ сочиненіи извѣстнаго французскаго писателя и философа Тэна, одного изъ важнѣйшихъ представителей позитивизма. Самое названіе этого сочиненія *объ умѣ* ¹⁾ указываетъ на его цѣль—доказать, что вся широкая область сознанія, обозначаемая именемъ ума, не есть проявленіе какихъ-либо особыхъ высшихъ силъ, а образуется единство изъ элементовъ, которыми снабжаетъ насъ чувственное воспріятіе—способность, которая есть также и у животныхъ.

Въ существенныхъ чертахъ теорія Тэна, изложенная въ наз-

¹⁾ De l'intelligence, 1870. Рус. перев. *Объ умѣ и познаніи*, подъ редакцію Н. Н. Страхова, 1872.

ванномъ сочиненіи, можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ: „прежде всего мы получаемъ посредствомъ внѣшнихъ чувственныхъ органовъ различныя впечатлѣнія, которыя становятся ощущеніями. Названія, которыми обозначаются различныя ощущенія, напр., запахъ, цвѣтъ, вкусъ, тепло, холодъ и под., имѣютъ двойственный смыслъ, ибо означаютъ, говоритъ Тэнъ, то болѣе или менѣе худо извѣстное *свойство* окружающихъ тѣлъ, жидкихъ или летучихъ частицъ, воздушныхъ или свѣтовыхъ колебаній, то хорошо извѣстный видъ *ощущеній*, возбуждаемыхъ въ насъ этими тѣлами, частицами и колебаніями. Но не трудно указать различіе, ибо свойство принадлежитъ объекту, а не намъ, между тѣмъ какъ ощущеніе принадлежитъ намъ, а не объекту: лимонный сокъ имѣетъ кислый вкусъ, это значитъ, что лимонный сокъ обладаетъ неизвѣстнымъ свойствомъ, способнымъ возбуждать въ насъ хорошо извѣстное ощущеніе, ощущеніе кислаго вкуса“. Но послѣдующее объясненіе Тэна приводитъ однако къ тому заключенію, что указываемое имъ здѣсь различіе не существуетъ на самомъ дѣлѣ, есть не реальное, а только представляемое нами. Вотъ что мы читаемъ далѣе. „Когда мы испытываемъ ощущеніе, мы даемъ ему мѣсто; мы относимъ эту боль, это впечатлѣніе тепла, ощущеніе соприкосновенія къ рукѣ, къ ногѣ, къ тому или иному мѣсту тѣла, но это уже дальнѣйшее дѣйствіе (*operation*) порожденное опытомъ. Оно состоитъ въ томъ, что группа образовъ (т. е. воспроизведенныхъ ощущеній) присоединилась къ ощущенію, дабы присвоить ему это положеніе: эта группа даетъ ему положеніе, котораго оно не имѣетъ и обыкновенно помѣщаетъ его на концѣ нерва, дѣйствіемъ котораго оно вызвано; иногда даже это послѣдующее дѣйствіе относитъ его къ мѣсту болѣе далекому; звуки и цвѣта, которыя суть не что иное какъ ощущенія, намъ кажутся теперь расположенными не въ нашихъ органахъ, во вдали, въ воздухѣ и на поверхности внѣшнихъ предметовъ“ ¹⁾. Итакъ оказывается, что свойства внѣшнихъ предметовъ, подразумеваемые нами, когда говоримъ объ ощущеніяхъ, чрезъ что и самыя названія ощущеній получаютъ

¹⁾ Ч. 1 кн. 3 гл. 1 § 1.

двойственный смыслъ—суть эти самыя ощущенія, но только относимыя нами къ внѣшнимъ предметамъ; означенная двусмысленность въ названіяхъ ощущеній происходитъ такимъ образомъ отъ того, что ощущенія двоякимъ образомъ сознаются нами: прежде всего какъ внутреннія наши состоянія и затѣмъ какъ дѣйствія, производимыя въ насъ внѣшними предметами: „ощущеніе, само по себѣ взятое, есть первое внутреннее событіе непосредственно познаваемое“. Какъ первичные элементы, изъ которыхъ образуются всѣ наши познанія, ощущенія не допускаютъ дальнѣйшаго разложенія ихъ на болѣе простѣйшіе элементы. „Мы можемъ показать какъ мы изъ нихъ (avec elles) слагаемъ образы, представленія, общія идеи, какимъ образомъ составляемъ, при помощи ихъ, понятія величины, положенія, формы, числа, но изъ чего сами они образуются, этого мы не знаемъ“¹⁾. Качественная простота, элементарность ощущеній очевидна изъ того, что ощущеніе одного чувства не можетъ быть сведено на ощущеніе другаго чувства, но каждое составляетъ особую область; всѣ ощущенія имѣютъ общаго только то, что каждое можетъ увеличиваться и уменьшаться въ зависимости, конечно, отъ большаго или меньшаго количества частей, входящихъ въ составъ ощущенія. „Элементарныя ощущенія, изъ которыхъ состоятъ наши обычныя ощущенія, сами состоятъ изъ ощущеній меньшихъ по силѣ и продолженію и т. д. Такимъ образомъ въ насъ какъ-бы совершается подземная работа, безконечная, которой только произведенія

¹⁾ Ibid. § 2. Впрочемъ далѣе Тэнъ уже иное говоритъ. Сначала онъ правильно замѣчаетъ, что хотя мы и приобретаемъ дальнѣйшія познанія объ ощущеніяхъ, которыхъ непосредственное наблюденіе не даетъ, при помощи физиологій и анатоміи, сообщающихъ намъ свѣдѣнія объ аппаратахъ, органахъ и движеніяхъ, отъ которыхъ зависятъ ощущенія, но какъ-бы ни были велики успѣхи этихъ наукъ, они ничего не прибавятъ къ нашей идеѣ объ ощущеніяхъ; они выяснятъ намъ ихъ условія, но не ихъ самихъ. Однако далѣе (§ 3) онъ уже говоритъ, что ощущенія сами состоятъ изъ элементовъ и находитъ, что новѣйшія открытія физиковъ и физиологовъ относительно колебаній и нервовъ даютъ возможность опредѣлять элементы ощущеній. Изъ послѣдующаго видно, что такими элементами ощущеній Тэнъ признаетъ однородныя части ощущенія, только количественно различающіяся между собою; такъ музыкальный звукъ состоитъ изъ многихъ простѣйшихъ звуковъ.

намъ извѣстны и то лишь въ массѣ. Что касается элементовъ и элементовъ этихъ элементовъ, то сознание до нихъ не достигаетъ; разумъ только заключаетъ объ нихъ; въ отноше- нии къ ощущеніямъ они тоже, что молекулы вторичные и ато- мы первичные въ отношеіи къ тѣламъ; мы имѣемъ объ нихъ только отвлеченное понятіе; не образъ представляетъ ихъ намъ, а признакъ (notation) ¹⁾.

Важность этого заключенія о количественной сложности ощущеній состоитъ въ томъ, что чѣмъ болѣе мы приближаем- ся къ трудно различимымъ составнымъ частямъ ощущеній, тѣмъ менѣе становится замѣтнымъ качественное различіе ощущеній, такъ что, повидимому, качественное различіе ощу- щеній зависитъ отъ количественной сложности ихъ состав- ныхъ частей, т. е. каждое отличное отъ другихъ каче- ственное ощущеніе есть сумма мелкихъ ощущеній, но уже не различающихся качественно. „Чѣмъ ближе осязательное ощущеніе къ элементарному, тѣмъ больше, повидимому, исче- заетъ разность между ощущеніемъ температуры и ощущеніемъ механическаго возбудителя; напр. мы едва различаемъ уколъ тонкой иглки и прикосновеніе искры огня“. „Другая анало- гія: извѣстно, что доведенныя до извѣстной степени ощущенія холода и тепла, а равно и ощущенія давленія переходятъ въ чистую боль“. Когда различныя впечатлѣнія (напр. давленія и тепла) ограничены слишкомъ малою поверхностію ощущаю- щаго органа, то получаютъ ощущенія трудно различимыя. „Напротивъ, когда нервные элементы многочисленны, то есть когда тому-же впечатлѣнію подвергается значительное про- странство кожи, то смѣшенія ощущеній тогда не бываетъ“. „Очевидно здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, обыкновенное ощущеніе есть сложное цѣлое; и здѣсь, какъ и въ иныхъ случаяхъ, два такихъ цѣлыхъ ощущенія могутъ казаться не- сводимыми одно на другое, хотя-бы элементы ихъ были оди- наковы; для того достаточно, чтобы мелкія слагаемыя ощуще- нія различались числомъ, величиною, порядкомъ или продол- женіемъ; тогда цѣлыя этихъ мелкихъ частицъ образуютъ скоп-

¹⁾ Томъ 1, кн. 3, гл. 1, § 4.

ленія (blocs), недѣлимые для сознанія и кажутся простыми данными, различными по сущности и противоположными по качеству“¹⁾. Отсюда такой общій выводъ получается относительно ощущеній. „Мы видимъ, говоритъ Тэнъ, что безчисленныя ощущенія, которыя мы относимъ къ одному и тому же чувству, для каждаго чувства могутъ быть сведены къ ощущенію элементарному, котораго разныя сложности составляютъ различныя ощущенія этого чувства. Мы замѣчаемъ, что элементарныя ощущенія пяти чувствъ сами могутъ быть цѣлыми, состоящими изъ тѣхъ-же элементовъ безъ всякаго иного различія, кромѣ различія по числу, порядку и величинѣ этихъ элементовъ, и слѣдовательно, подобно различнымъ ощущеніямъ слуха или зрѣнія, могутъ быть сведены къ одному типу. Въ такомъ случаѣ было-бы только одно элементарное ощущеніе, способное къ различнымъ ритмамъ, какъ одна только есть нервная ткань, способная къ разнымъ типамъ“. „Въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ нерва, отъ одного конца до другаго передается лишь молекулярное перемѣщеніе болѣе или менѣе быстрое, большей или меньшей величины, болѣе или менѣе сложное. Въ основаніи всѣхъ наукъ, трактующихъ о тѣлахъ, ничего не найдемъ кромѣ механики. Такимъ образомъ различныя дѣйствія нервовъ, послѣдствіемъ которыхъ являются различныя ощущенія, могутъ быть поняты только какъ системы движеній; различаясь количественно, всѣ эти дѣйствія тождественны по качеству. Итакъ, въ силу извѣстнаго соответствія между ощущеніемъ и дѣйствіемъ нервнымъ,—ощущенія, различаясь количественно, тождественны по качеству. Въ основѣ всѣхъ тѣлесныхъ событій открывається безконечно малое событіе, недоступное чувствамъ,—движеніе, котораго степени и сложности образуютъ все остальное—явленія физическія, химическія и физиологическія. Въ основаніи всѣхъ событій духовныхъ мы предугадываемъ событіе безконечно малое, незамѣтное для сознанія, котораго степени и сложности составляютъ остальное,—ощущенія, образы и идеи“. Въ чемъ состоитъ это второе событіе и можетъ-ли быть сведено одно изъ

¹⁾ Т. I, кн. 3, гл. 2, § 4.

этихъ событій на другое? ¹⁾ „За предѣлами психологическаго міра, говоритъ Тэнъ, доступнаго сознанию, въ безконечность простирается міръ психологическій, котораго сознание не достигаетъ. Мы оставимъ здѣсь сознание, которое уже не можетъ насъ научить ничему болѣе, и пойдемъ на другой материкъ (ощущеніе—предѣлъ духовнаго міра, который отъ міра физическаго раздѣленъ цѣлою бездною, какъ-бы бездоннымъ моремъ, говоритъ Тэнъ), дабы видѣть—не покажутъ-ли анатомія и фізіологія на своей почвѣ твердой породы, соединяющейся съ нашею породою въ темной глубинѣ моря, которое, повидимому, есть вѣчная грань между этими двумя мірами“ ²⁾.

Къ какимъ-же заключеніямъ приводятъ анатомія и фізіологія? Физическія данныя, прямыя или косвенныя, отъ которыхъ зависятъ духовныя событія и которыя составляютъ связную цѣпь, таковы: а) физическое событіе, дѣйствующее на нервъ, напр. воздушное или эфирное колебаніе, химическое дѣйствіе летучихъ или жидкихъ тѣлъ (для ощущеній вкуса и обонянія) б) дѣйствіе, или молекулярное движеніе нерва, которое возбуждаетъ в) другое молекулярное движеніе въ нервныхъ центрахъ т. е. въ головномъ и спинномъ мозгу. Этотъ порядокъ условій ощущенія показываетъ, что непосредственное условіе ощущенія находится въ нервныхъ центрахъ, и это-же условіе одно лишь безусловно необходимо для происхожденія ощущеній, ибо „многія ощущенія рождаются въ насъ безъ участія нервовъ, вслѣдствіе одного лишь раздраженія нервныхъ центровъ. Таковы галлюцинаціи. Опыты показываютъ, сверхъ того, какія части мозга слѣдуетъ признать необходимыми органами различныхъ видовъ ощущеній, а также другихъ дальнѣйшихъ событій духовной жизни, каковы представленія или образы ощущеній, обладающіе способностію повторенія въ томъ-же видѣ, общія идеи, желанія и стремленія. Такъ для осязательныхъ и слуховыхъ ощущеній необходимымъ и достаточнымъ условіемъ слѣдуетъ признать дѣйствіе той части головнаго мозга, которая извѣстна подъ названіемъ ва-

¹⁾ Ibid. § 5.

²⁾ Ibid. кн. 4, гл. 1, § 1.

роліева моста, а дѣйствіе четырехолмныхъ возвышеній есть необходимое и достаточное условіе зрительныхъ и только зрительныхъ ощущеній; для остальныхъ-же родовъ ощущеній особымъ центромъ можно признать сами мозговья лопасти. Психологія раздѣляетъ чистыя ощущенія отъ представленій или образовъ т. е. воспроизведенныхъ ощущеній (*les images ou sensations reviviscentes*), а фізіологія показываетъ, что четырехолмныя возвышенія, варолиевъ мостъ, и быть можетъ, еще какая-нибудь ганглія суть тѣ части, дѣйствіемъ которыхъ возбуждаются чистыя ощущенія, между тѣмъ какъ мозговья лопасти и главнымъ образомъ сѣрое корковое вещество служитъ органомъ образовъ или представленій. Лопасты мозговья состоятъ изъ бѣлаго вещества и сѣрой коры, и всѣ наведенія приводятъ въ тому заключенію, что образы слѣдуетъ приписать дѣйствію сѣрой коры. Въ самомъ дѣлѣ извилины этой именно коры увеличиваютъ ея протяженіе, а сравнительная анатомія показываетъ, что въ ряду животныхъ умъ увеличивается вмѣстѣ съ умноженіемъ извилинъ. Съ другой стороны, фізіологія доказываетъ, что въ остальной нервной системѣ бѣлое вещество составляетъ лишь проводникъ. По всѣмъ аналогіямъ бѣлое вещество головного мозга играетъ ту-же роль... Общее сужденіе Тэна о значеніи мозга таково: это органъ *повторитель и множитель* (*répétiteur et multiplicator*), въ которомъ различныя отдѣлы сѣрой коры *исполняютъ однѣ и тѣ-же-отправленія*. Сужденіе это выводится изъ того, что „при отсутствіи одного изъ мозговыхъ полушарій, человѣкъ можетъ еще пользоваться всѣми своими умственными способностями и даже всѣми своими внѣшними чувствами. И не только одно полушаріе замѣняетъ другое, но любая область мозга, если она достаточно обширна, замѣняетъ другую; это доказывается тѣмъ, что можетъ отсутствовать любая область мозга, и однако ни одна изъ умственныхъ способностей не исчезаетъ“. „Можно отнять значительную часть мозговыхъ лопастей, какъ спереди такъ и сзади, какъ сверху такъ и снизу, и все-таки ихъ отправленія сохранятся при этомъ. Малой части этихъ лопастей достаточно для исполненія ихъ отправленій. По мѣрѣ того какъ совершается это отнятіе, всѣ от-

правления ослабѣваютъ и угасаютъ постепенно, а за извѣстными предѣлами совершенно исчезаютъ“.

Какъ скоро потеряно одно представленіе (perception), то и всѣ утрачены; какъ скоро одна способность исчезаетъ, исчезаютъ всѣ. И наоборотъ, какъ только одно представленіе возобновляется, то и всѣ восстанавливаются, и когда одна способность возвращается, возвращаются всѣ. Отсюда видно, что мозгъ есть родъ полипника (polypier), элементы котораго имѣютъ тѣже отправления. Сколько нужно клѣточекъ и волоконъ (которыми клѣточки соединяются для взаимнаго ихъ сообщенія между собою) для образованія одного изъ такихъ элементовъ, этого мы не можемъ сказать съ точностію; но каждый изъ этихъ элементовъ достаточенъ для того, чтобы своимъ дѣйствіемъ возбуждать всѣ нормальные образы, всѣ ихъ ассоціаціи, слѣдовательно всѣ отправления духа.

Этимъ устройствомъ мозга, по которому онъ есть повторитель и множитель, изъясняется то особое свойство образовъ или представлений, отличающее ихъ отъ ощущеній, что они могутъ сохраняться и возражаться,—т. е. возможно ихъ многократное повтореніе. „Такъ какъ мозгъ состоитъ изъ элементовъ подобныхъ, взаимно возбудимыхъ, то дѣйствіе одной части мозга передается другимъ и можетъ такимъ образомъ возражаться неопредѣленное число разъ... Дѣйствіе, разъ возбужденное, продолжается, несмотря на отсутствіе всякаго внѣшняго возбужденія, сглаживаясь, возражаясь и чрезъ цѣлый рядъ исчезаній и возвращеній, неопредѣленное число разъ переживая самого себя. Таково-же и представленіе и оно также продолжается, сглаживается, вновь является точно такимъ-же образомъ. Такъ какъ мозговой элементъ не можетъ разомъ находиться въ двухъ различныхъ состояніяхъ, а слѣдовательно и производить разомъ различныя дѣйствія также не можетъ, то понятно, что, при встрѣчѣ различныхъ дѣйствій, одно должно одержать верхъ надъ другимъ; соотвѣтственно тому и образы борются между собою за преобладаніе“. „Въ данный моментъ извѣстное дѣйствіе распространяется и даетъ господство извѣстному образу, чтобы потомъ уступить мѣсто другому дѣйствію, которое, когда распространяется въ свою

очередь выводить на сцену другой образъ". И такъ, какъ никакой образъ не исключаетъ при томъ другихъ, то посему множество представленій остаются въ состояніи скрытомъ, зачаточномъ. Отсюда наше постоянное состоявіе таково: „Господствующій образъ въ полномъ блескѣ, а вокругъ него созвѣдіе блѣднѣющихъ образовъ, все больше и больше незамѣтныхъ... Образы незамѣтные для сознанія гораздо многочисленнѣе тѣхъ, которые замѣтны; изъ міра, составляющаго наше существо, мы замѣчаемъ лишь вершины, родъ освѣщенныхъ возвышеній на материкѣ, въ нѣдра котораго не проникаетъ свѣтъ. И какъ есть, сверхъ сознаваемыхъ образовъ, образы несознаваемые, то послѣдніе также должны обнаруживаться въ соотвѣтственныхъ дѣйствіяхъ, каковы рефлексы,—возбудителемъ которыхъ служитъ спинной мозгъ (посредствомъ двигательныхъ нервовъ)". „Вообще, если возьмемъ въ какомъ нибудь животномъ сегментъ спинного мозга, съ идущими къ нему чувствительными нервами и выходящими отъ него двигательными; и если возбудимъ чувствительные нервы, то сегментъ, пришедши самъ въ дѣйствіе, приведетъ въ дѣйствіе и двигательные нервы, и мы получимъ мускульныя сокращенія“. Такимъ образомъ есть ощущенія бессознательныя, сознательныя и воспроизводительныя образы ощущеній. Эти различія должно понимать какъ степени усложненій того-же дѣйствія. Ощущенія бессознательныя суть элементарныя, сознательныя суть сложности элементарныхъ, а образы суть многократныя повторенія сознательныхъ ощущеній¹⁾. По всему этому Тэнъ полагаетъ, что вопросъ о связи духовнаго міра съ физическимъ сводится къ вопросу о связи молекулярнаго движенія съ ощущеніемъ. Конечно ничего общаго нѣтъ между ощущеніемъ и движеніемъ,—до такой степени, что даже и представить себѣ мы не можемъ какимъ-бы образомъ движеніе превратилось въ ощущеніе. Никакіе успѣхи наукъ не помогутъ намъ уяснить себѣ эту загадку.

Однако, что мы не можемъ свести одно на другое—этихъ двухъ событій, не зависитъ-ли это единственно отъ способа

¹⁾ 1, 4. 1. §§ 4—7.

нашего представленія ихъ, а не отъ ихъ качества? Ихъ несогласимость (*incompatibilitate*), быть можетъ, только кажущаяся, а не реальная; она происходитъ отъ насъ, а не отъ нихъ. Достаточно, чтобы тотъ-же фактъ былъ намъ извѣстенъ двумя различными путями, дабы вмѣсто его представлялось два различныхъ факта. Такъ одно и то-же явленіе посредствомъ осязанія производитъ въ насъ ощущеніе дрожанія, а посредствомъ слуха ощущеніе звука. „Представленіе, которое мы образуемъ, всегда имѣетъ на себѣ глубокой отпечатокъ процесса, вслѣдствіе котораго оно образуется“. Между тѣмъ дѣйствительно идея ощущенія и идея молекулярнаго движенія возникаютъ въ насъ не только различными, но противоположными путями. Одна входитъ изнутри, непосредственно, другая-же приходитъ извнѣ, чрезъ многихъ посредниковъ; пути эти всегда остаются расходящимися; они не имѣютъ одного исходнаго пункта, а потому событіе извѣстное этими двумя путями всегда покажется двойнымъ.

Но изъ двухъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ представляется намъ событіе служащее связью двухъ міровъ: физическаго и духовнаго, одна прямая,—это точка зрѣнія нашего сознанія, которое непосредственно сообщаетъ вамъ объ ощущеніи, другая-же точка зрѣнія внѣшняго воспріятія — непрямая, ковенная, такъ какъ она ничего не говоритъ о самомъ предметѣ, а лишь о дѣйствіяхъ предмета на наши чувства. Поэтому, посредствомъ сознанія я постигаю самый фактъ, между тѣмъ какъ чрезъ чувства намъ доступенъ только знакъ, но знакъ чего? Очевидно того самого факта, который непосредственно усваивается сознаніемъ. Вѣдь молекулярнымъ движеніемъ нервныхъ центровъ обозначается именно то, что сознаніемъ познается какъ ощущеніе, или какъ образъ ощущенія, какъ внутреннее духовное событіе; оно на чувства дѣйствуетъ только извнѣ, потому и представляется имъ какъ внѣшнее событіе. Двойственность его теперь понятна: знакъ и событіе, обозначаемое имъ,—двѣ вещи, которыя не могутъ ни смѣшаться, ни раздѣлиться. Отсюда мы имѣемъ цѣлый рядъ знаковъ необходимо связанныхъ съ тѣмъ, что ими обозначается; такъ ощущеніе—обозначаемое, а представленіе или образъ—знакъ; пред-

ставленіе—обозначаемое, а общія идеи—знаки представленій; идеи—обозначаемое, а слова—ихъ знаки; слова—обозначаемое, а письмо—знаки словъ. Въ этой цѣпи только духовное событіе есть то, что дѣйствительно существуетъ. Напротивъ, міръ физическій представляетъ собою систему знаковъ и для построения этой системы, а также чтобы понять оную въ ней самой, мы не имѣемъ ничего болѣе кромѣ матеріаловъ міра духовнаго, каковы безсознательныя и сознательныя ощущенія. Есть признаки (рефлективные движенія), указывающіе на присутствіе безсознательныхъ ощущеній не только въ низшихъ животныхъ, но и въ растеніяхъ; въ меньшей степени они должны быть и въ тѣлахъ неорганическихъ, такъ какъ и неорганической міръ устроенъ изъ тѣхъ-же веществъ и подчиненъ тѣмъ-же силамъ. Поэтому повсюду въ природѣ должна быть та же двойственность, должны быть внѣшняя сторона и внутренняя ¹⁾.

¹⁾ Гл. 2, §§ 3—5. „Природа, говоритъ Тэнъ, имѣетъ двѣ стороны, и составляющія ее событія, послѣдовательныя и одновременныя, могутъ быть поняты и познаются двумя способами,—черезъ внутреннюю сторону и въ нихъ самихъ, чрезъ внѣшнюю сторону и по дѣйствию, производимому ими на наши чувства. Обѣ стороны параллельны. При разсмотрѣніи природы съ одной стороны элементами ея являются событія, которыя познаваемы для насъ только въ состояніи величайшей сложности, и которыя въ этомъ состояніи мы называемъ ощущеніями. При разсмотрѣніи ея съ другой стороны, элементами оказываются событія, которыя мы можемъ понять только въ состояніи крайней простоты и которыя въ этомъ состояніи мы называемъ молекулярными движеніями. Съ первой точки зрѣнія природа есть лѣстница событій духовныхъ (погаух), послѣдовательныхъ и одновременныхъ, которыхъ сложность уменьшается по мѣрѣ того, какъ отъ вершины, о которой имѣемъ сознание, нисходимъ до основанія, котораго не знаемъ. Со второй точки зрѣнія она есть лѣстница событій физическихъ, послѣдовательныхъ и одновременныхъ, которыхъ сложность возрастаетъ по мѣрѣ перехода отъ основанія, которое мы ясно понимаемъ, къ вершинѣ, о которой не имѣемъ точной идеи... Между одною стороною и другою, отъ основанія до вершины, соответствіе совершенное. Отъ одной фразы до другой, слово въ слово событіе физическое, какъ мы его представляемъ, есть переводъ событія духовнаго. Предположите книгу, написанную на языкѣ подлинномъ, и снабженную подстрочнымъ переводомъ. Книга эта—природа, языкъ подлинный—событіе духовное; подстрочный переводъ—событіе физическое, а порядокъ главъ есть порядокъ существъ. Въ началѣ книги переводъ напечатанъ буквами удобочитаемыми и вполне ясными. Но по мѣрѣ того какъ мы подвигаемся въ чтеніи далѣе, буквы уже менѣе ясны, и то въ одной главѣ, то въ другой попадаютъ нѣкоторыя новыя буквы, въ которыхъ уже трудно распознать прежнія. Въ концѣ-же, особенно въ послѣдней главѣ, печать становится неразборчивою, однакожь по

Повторимъ для большей ясности главные моменты изложеннаго разсужденія Тэна. Даны прежде всего ощущенія; ощущенія различаются по качеству; ничего похожаго напр. нѣтъ между ощущеніемъ цвѣта и ощущеніемъ звука. Въ предѣлахъ же одного чувства ощущенія различаются не качественно, а количественно, напр., звуки бываютъ то сильнѣе, то слабѣе и въ этомъ ихъ различіе. Поэтому Тэнъ полагаетъ, что и ощущенія различныхъ чувствъ должны имѣть въ основаніи своемъ различіе также количественное, а не качественное, такъ что послѣднее есть не первоначальное, а послѣдующее, зависимое, именно: каждое ощущеніе есть сложность, состоящая изъ множества мелкихъ неразличимыхъ для сознанія ощущеній, и эти то мелкія ощущенія не различаются качественно, а только количественно: въ одномъ ощущеніи ихъ больше, въ другомъ меньше, а отсюда и происходитъ, что одно сложное, состоя-

нѣкоторыхъ признакамъ можно видѣть, что это тотъ-же языкъ и та-же книга. Въ текстѣ подлинномъ. наоборотъ: онъ удобочитаемъ въ послѣдней главѣ, въ предпослѣдней чернило блѣднѣе; въ предъидущихъ видно только, что напечатано что-то, но уже ничего прочесть нельзя, а еще впереди всякій слѣдъ чернилъ исчезаетъ.

Такова книга, которую философы стараются разобрать. Передъ заключительными каракулями перваго текста и огромными пропусками второго они останавливаются въ недоумѣніи и каждый изъ нихъ рѣшаетъ не на основаніи установленныхъ фактовъ, а по внушенію привычекъ своего ума и потребностей сердца. Собственно ученые—физики, физиологи, которые начали книгу съ начала, говорятъ, что въ ней одинъ только языкъ, языкъ подстрочнаго перевода, и что другой въ сущности есть тотъ-же самый,—предположеніе выходящее изъ ряду вонъ, такъ какъ два языка совершенно различны. Моралисты, психологи, люди религіозные, начавъ книгу съ конца, а между тѣмъ, будучи вынуждены признать, что большая часть книги написана на другомъ языкѣ (отличномъ отъ того, на какомъ они сами читаютъ) и видятъ непонятную тайну въ этомъ совмѣщеніи двухъ языковъ и говорятъ обыкновенно, что здѣсь двѣ книги, помѣщенные одна отдѣльно отъ другой. Мы не такъ поступили, и нашъ анализъ привелъ къ новому рѣшенію. Мы сначала долго изучали языкъ подлинный и показали, что страницы послѣдней главы, повидимому, написанныя иными буквами, на самомъ дѣлѣ написаны тѣми-же буквами. Воспользовавшись этимъ открытіемъ, мы разобрали тогда многія полустершіяся строки предпослѣдней главы, потому по неяснымъ слѣдамъ на страницахъ предъидущихъ, мы сдѣлали догадку, что текстъ могъ продолжаться и болѣе высоко, даже на страницахъ, гдѣ отъ него не осталось и слѣда. Тогда оказалось, что подстрочный текстъ есть переводъ, а другой—подлинникъ... Такимъ образомъ единство книги доказано и два языка полнены или разъяснены одинъ посредствомъ другаго". 1, кн. 4, гл. 2, § 5.

щее изъ нихъ, ощущеніе не похоже на другое, т. е. качественно различаются. Тэнъ доказываетъ это утвержденіе объ однородности и безкачественности составныхъ частей всѣхъ различныхъ ощущеній тѣмъ, что, какъ извѣстно, всякое ощущеніе одинаково обуславливается молекулярнымъ движеніемъ нервовъ, движеніемъ, которое можетъ различаться только количественно, большею или меньшею скоростію. Правда ощущеніе не то же, что молекулярное движеніе. Но отъ чего происходитъ, что ощущеніе и молекулярное движеніе въ нервной системѣ не могутъ быть сведены одно на другое, т. е. представлены такъ, чтобы всякое различіе между ними исчезло? Не отъ того, что въ дѣйствительности то и другое различны, напротивъ оба составляютъ одинъ фактъ, но этотъ фактъ различно познается, а отъ того и представляется въ различномъ видѣ,—познается иначе внѣшнимъ образомъ, т. е. чрезъ наблюденіе, и иначе внутреннимъ, чрезъ внутреннее непосредственное сознаніе нашего я. Однако вопросъ этимъ ни мало не разрѣшается; двойство все же остается; оно правда полагается въ познаніи, именно производится отъ различныхъ способовъ познаній, но существованіе этихъ различныхъ способовъ познанія должно-же имѣть основаніе въ познаваемомъ, и дѣйствительно Тэнъ приходитъ далѣе къ заключенію, что двойство должно быть повсюду въ природѣ, слѣдовательно не въ одномъ познаніи, но и въ познаваемомъ заключается.

Спрашивается теперь, какимъ образомъ Тэнъ узналъ, что ощущеніе и молекулярное движеніе—одинъ и тотъ-же фактъ? Когда онъ видитъ молекулярное движеніе, то не видитъ ощущенія, и когда сознаетъ въ себѣ ощущеніе, то не сознаетъ молекулярнаго движенія. Одно воспринимается чрезъ внѣшнее наблюденіе, другое чрезъ внутреннее сознаніе, или чрезъ самонаблюденіе. Откуда извѣстно, что внѣшнее наблюденіе и внутреннее сознаніе свидѣтельствуютъ не о двухъ различныхъ фактахъ, а объ одномъ фактѣ? Ни внутреннее сознаніе само ничего не знаетъ о томъ, что одновременно съ сознаваемымъ ощущеніемъ происходитъ въ нервной системѣ; ни внѣшнее наблюденіе, наблюдая молекулярное движеніе, не наблюдаетъ одновременно происходящаго въ сознаніи. Если строго дер-

жаться теоріи Тэна, то слѣдуетъ сказать, что мы имѣемъ здѣсь два совершенно несоизмѣримые ощущенія: одно зрительное ощущеніе, называемое молекулярнымъ движеніемъ (если предположить, что мы видимъ это движеніе), и относимое нами къ нѣкоторому внѣшнему предмету, а другое ощущеніе внутренне сознаваемое, какъ субъективное состояніе, а если и первое, т. е. зрительное ощущеніе движенія, также слѣдуетъ разсматривать какъ внутреннее состояніе, какъ ощущеніе происходящее въ насъ, но только относимое нами ко внѣшнему предмету, то различіе внѣшняго и внутренняго будетъ означать единственно то, что одно и то же ощущеніе мы относимъ одинъ разъ къ себѣ, къ своему я, и сознаемъ поэтому какъ внутреннее состояніе, а въ другой разъ относимъ къ внѣшнему предмету, — что называется *локализацией*, — будетъ ли таковымъ внѣшнимъ предметомъ что-либо находящееся въ насъ на известномъ разстояніи, или же это какой либо органъ нашего тѣла, оковечность нерва, наконецъ самый мозгъ, — все это не что иное, какъ различныя представленія или образы, по теоріи Тэна, съ которыми мы связываемъ ощущеніе, признавая одинъ изъ нихъ дальнѣйшимъ, другой ближайшимъ условіемъ, иной причиною и т. д. — Когда мы такимъ образомъ, слѣдуя Тэну, то различаемъ ощущеніе и молекулярное движеніе, то признаемъ ихъ тождественными, полагаемъ, что то и другое одинъ и тотъ же фактъ, — то всѣ эти дѣйствія, — различеніе, отождествленіе, отнесеніе — очевидно не суть ощущенія, а нѣчто иное, совершенно отличное отъ ощущеній. Ощущеніе, какъ сказано, есть состояніе, а это — не состоянія, а дѣйствія; это дѣйствія той силы, которая называется *разсудкомъ* или *мышленіемъ*, а одно изъ этихъ дѣйствій, — именно отнесеніе ощущенія то къ внутреннему міру, то къ внѣшнему, кромѣ мышленія, дѣйствующаго въ этомъ случаѣ по закону причинности, обнаруживаетъ еще иную отличную отъ мышленія способность, — созерцательную, которую можно назвать просто *созерцаніемъ*; ощущеніе мы ясно различаемъ отъ созерцанія; не менѣе ясно какъ и отъ дѣйствій мышленія. Такимъ образомъ въ составъ опытнаго, или иначе, чувственнаго познанія, сверхъ ощущеній, входятъ еще созерцаніе и мышленіе; почему это

познаніе, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, можетъ принимать различныя направленія; оно можетъ быть *эмпирическимъ* въ собственномъ смыслѣ, отличительный характеръ котораго есть преобладаніе чувственнаго воспріятія, или ощущеній; оно можетъ быть также *созерцательно математическимъ*, которое отличается господствомъ созерцательнаго элемента; наконецъ можетъ быть по преимуществу *философскимъ*, если преобладаетъ мышленіе. Такимъ образомъ нельзя признать, вмѣстѣ съ Тэномъ, первичными элементами всякаго познанія ощущенія, и только ощущенія. Сверхъ ощущеній необходимо также признать элементами, входящими въ составъ познанія, созерцаніе и мышленіе. Только первый элементъ—ощущенія—всепло давъ природою, между тѣмъ какъ два другихъ тэновы, что требуютъ развитія данныхъ отъ природы задатковъ посредствомъ обученія и упражненій, посему одинъ изъ названныхъ элементовъ имѣетъ характеръ пассивный, а другіе отличаются активнымъ характеромъ по преимуществу.

Что дѣйствительно сверхъ ощущеній необходимо признать столь-же первоначальными элементами познанія еще созерцаніе и мышленіе, это видно изъ того, что даже придти къ сознанію ощущенія мы не можемъ иначе какъ только при содѣйствіи означенныхъ способностей, такъ что безъ созерцанія и мышленія ощущеніе не имѣло-бы никакой опредѣленности. Вотъ почему уже въ томъ, что сказано Тэномъ объ ощущеніяхъ, какъ первичныхъ элементахъ познанія, можно видѣть участіе другихъ указавныхъ выше способностей. Такъ прежде всего локализация ощущеній можетъ-ли быть изъяснена изъ самыхъ ощущеній?

Какимъ образомъ возможно, чтобы одни ощущенія относились къ чему-либо другія ощущенія? Для этого должна быть связь между ощущеніями. Но самая эта связь ощущается-ли? Очевидно, что можно лишь представлять связь ощущеній, но не ощущать. Поэтому сомнительнымъ представляется тотъ взглядъ Тэна на представленія, что они суть образы ощущеній и ничего болѣе. Когда напр. я вижу цвѣтокъ, то имѣю заразъ нѣсколько различныхъ ощущеній, каковы ощущенія цвѣта, запаха, ощущенія вида или формы и величины, ощущенія мягкости и т. д.; всѣ эти ощущенія соединяются въ

одномъ общемъ представленіи цвѣтка. Но вѣдь каждое изъ означенныхъ ощущеній получается порознь, чрезъ особое вѣдѣніе чувство; почему-же однако всѣ названныя ощущенія мы представляемъ нераздѣльно, а соединенными вмѣстѣ? Можно объяснить это прежде всего тѣмъ, что всѣ названныя ощущенія получаются въ одно время и отъ предмета находящагося въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ,—иначе сказать связаны единствомъ времени и мѣста ихъ происхожденія. Итакъ требуется знать, что такое время и мѣсто, т. е. пространство. Мы еще не знаемъ, что такое пространство и время; несомнѣнно однако, что ни пространство, ни время мы прямо не ощущаемъ, т. е. такъ, какъ ощущаемъ цвѣтъ, запахъ, тепло, холодъ и т. д. Пространство и время имѣютъ всегда только связь съ ощущеніями, но сами не суть ощущенія. Предположимъ, что пространство и время не что иное, какъ распорядокъ, расположеніе ощущеній. Ощущенія воспринимаются нами и потому они пассивны, отсюда слова: воспріятіе и ощущенія обыкновенно употребляются какъ однозначущія. Но воспринимаемъ-ли мы не только ощущенія, а также временный и пространственный ихъ распорядокъ? Положимъ можно сказать, что ощущенія всегда получаются нами не безсвязными, но въ известной связи, въ известномъ расположеніи, и только уже потомъ анализъ чувственного созерцанія разлагаетъ цѣлостную группу ощущеній на отдѣльныя ощущенія. Дѣйствительно человѣкъ, непривыкшій къ рефлексіи, не отличаетъ ощущеній отъ самого предмета ощущаемаго; онъ не говоритъ, что ощущаетъ бѣлый цвѣтъ, а говоритъ, что видитъ бѣлый предметъ, что-то бѣлое: не показываетъ-ли это, что мы заразъ воспринимаемъ цѣлую группу ощущеній и называя изъ этой группы одно какое-либо ощущеніе, всѣ остальные представляемъ какъ предметъ, къ которому названное ощущеніе относимъ. Но если-бы въ самомъ дѣлѣ ощущенія воспринимались заразъ вмѣстѣ съ ихъ распорядкомъ, т. е. съ опредѣленіями мѣста и времени, тогда чувственное наблюденіе происходило-бы у насъ иначе, чѣмъ какъ происходитъ: оно происходило-бы безъ всякаго активнаго участія съ нашей стороны, какъ оно происходитъ у животныхъ, которые не учат-

ся употребленію своихъ внѣшнихъ чувствъ, но сразу пользуются ими надлежащимъ образомъ; человекъ-же, какъ извѣстно, всему научается; онъ учится также и наблюдать, т. е. различать и распредѣлять должнымъ образомъ свои ощущенія; относить ихъ къ предметамъ, т. е. размѣщать ихъ въ пространствахъ (локализовать); замѣчать ихъ временную продолжительность и послѣдовательность. Это не могло ускользнуть отъ вниманія самыхъ крайнихъ и одностороннихъ эмпириковъ и сенсуалистовъ; видя въ познаніи лишь механизмъ ощущеній и ихъ воспроизведеній различной степени и сложности такъ назыв. представленій, они не могли однако не усмотрѣть того, что самыя элементарныя формы познанія, какъ напр. первичныя представленія и простѣйшія ихъ сочетанія имѣютъ не исключительно пассивный характеръ, свойственный ощущеніямъ, а также активный, ибо требуютъ для своего образованія нѣкоторой съ нашей стороны самодѣятельности, усилій, хотя-бы на первыхъ порахъ мы и не сознавали ясно этой стороны въ нашемъ познаніи. И вотъ англійскіе психологи и философы эмпирики указываютъ въ ряду ощущеній особый видъ ощущеній,—это такъ называемое мускульное чувство. Оно тѣмъ отличается отъ другихъ чувствъ, что не имѣетъ для себя спеціальнаго органа; оно всего ближе къ осязанію; но и отъ него отличается тѣмъ, что не есть внѣшнее, а внутреннее. Осязаніе, какъ и всѣ другія внѣшнія чувства, состоитъ въ воспріятіи внѣшнихъ впечатлѣній, впечатлѣній идущихъ отъ предметовъ отличныхъ отъ самого чувствующаго субъекта. Напротивъ мускульное чувство выражаетъ усиліе, напряженіе, исходящее отъ чувствующаго субъекта, слѣдовательно, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ внѣшнихъ чувствъ, оно есть самочувствіе. Всякое усиліе, напряженіе исходитъ изъ какой-либо органической потребности, которая, когда бываетъ сознательною, переходитъ въ *желаніе*; съ другой-же стороны проявляется оно въ какомъ-либо *движеніи*, потому-то и называется мускульнымъ чувствомъ, что имъ сопровождаются сокращеніе и растяженіе мускуловъ, этихъ органовъ движенія. Движеніе, въ которомъ проявляется мускульное чувство, исходя изъ какой-либо органической потребности, направлено къ удовлетво-

ренію этой потребности; отсюда разнообразныя движенія сопровождаются чувствомъ удовольствія или неудовольствія, смотря по тому—достигается или не достигается цѣль, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще самочувствіе бываетъ пріятно или непріятно; но и независимо отъ цѣли, преслѣдуемой движеніемъ, самый процессъ движенія бываетъ пріятнымъ или непріятнымъ (послѣднее—когда превышаетъ мѣру органической потребности), ибо не только служитъ средствомъ къ удовлетворенію потребностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и само составляетъ потребность.

Какъ осязаніе есть *внѣшнее* общее основаніе всѣхъ другихъ внѣшнихъ чувствъ, которыя можно назвать поэтому различными видами осязанія, только болѣе или менѣе утопченнаго,—ибо для всѣхъ чувствъ необходимо соприкосновеніе съ тѣмъ, что ощущается, а соприкосновеніе именно и производится чрезъ осязаніе,—такъ мускульное чувство или самочувствіе есть такое-же общее основаніе всѣхъ другихъ чувствъ только не внѣшнее, а *внутреннее* ¹⁾. Указываемая Тэнномъ противоположность способовъ познанія, отражающаяся въ цѣломъ послѣдовательномъ ряду элементовъ познанія въ томъ, что эти элементы представляются двучленными—знакъ и обозначаемое—очевидно есть не что иное, какъ ясно сознаваемое нами различіе между внутреннимъ самочувствіемъ, или иначе мускульнымъ чувствомъ, и внѣшними чувствами, главнымъ образомъ—осязаніемъ съ присоединеніемъ къ нему другихъ внѣшнихъ чувствъ. Поэтому когда Тэнъ выводитъ заключеніе, что молекулярное движеніе въ центральномъ органѣ чувствительности и самое ощущеніе

¹⁾ „Чрезъ посредство своего тѣла, говоритъ Тэнъ, мы замѣчаемъ (percevois) другія тѣла и дѣйствуемъ на нихъ. Исходитъ-ли дѣйствіе отъ нихъ или отъ насъ, наше тѣло всегда между ними и нами. Какъ для познанія ихъ необходимо, чтобы былъ возбужденъ одинъ изъ его органовъ, такъ и для сообщенія имъ движенія нужно сокращеніе одного изъ его мускуловъ. Оно—нашъ первый движитель и наше первое движимое (*moteur et mobile*); въ отношеніи къ другимъ тѣламъ оно всегда находится по сю сторону, въ отношеніи къ нему оно всегда по ту сторону; оно наша непосредственная сфера (*enceinte*), такъ что если сравнить его съ другими, то оно есть *внутреннее*, а они—*внѣшнее*; вотъ почему тѣ ощущенія, которыя мы относимъ къ различнымъ органамъ нашего тѣла, намъ представляются внутренними и приурочиваются къ нашему я. Ч. II, кн. 3, гл. 1-я § 4-й.

одинъ и тотъ-же фактъ, то это значить, что удостовѣряемое посредствомъ осязанія и другихъ внѣшнихъ чувствъ, когда предметомъ наблюденія служатъ органы чувствительности, тождественно съ тѣмъ, что мы испытываемъ посредствомъ мускульнаго чувства, или чрезъ самочувствіе. Въ самомъ дѣлѣ, по причинѣ тѣсной связи мускульнаго чувства съ чувствами внѣшними, должно быть очевидно между ними постоянное взаимодействие, ибо, какъ сказано выше, необходимъ активный элементъ въ чувственномъ воспріятіи. Но этотъ элементъ далеко не ограничивается однимъ лишь самочувствіемъ, или такъ назыв. мускульнымъ чувствомъ. Внѣшнія ощущенія различныхъ чувствъ вначалѣ воспринимаются слитно и не только между собою, но и съ другими уже указанными выше элементами, входящими въ составъ чувственного наблюденія, каковы пространственныя и временныя опредѣленія, а также самочувствіе или мускульное чувство. Но анализъ разъединяетъ различные элементы чувственного наблюденія, дабы снова привести ихъ къ единству, и такимъ образомъ сдѣлать это единство понятнымъ и яснымъ. А что такое анализъ? Несомнѣнно, что онъ не есть ни ощущеніе, ни образъ. Ощущеніе мы воспринимаемъ и испытываемъ. Образъ припоминаемъ и представляемъ; когда-же анализируемъ, то производимъ дѣйствіе различающее. Итакъ анализъ есть новое проявленіе активнаго элемента. Не есть-ли поэтому онъ продолженіе и дальнѣйшее развитіе мускульнаго чувства? Дѣйствительно, мускульное чувство даетъ самочувствіе; равнымъ образомъ анализъ познанія даетъ намъ *самосознаніе*. Мускульное чувство никогда не бываетъ вполне яснымъ, отчетливымъ, напротивъ, большею частію смутно и неопредѣленно и вовсе даже не сознается нами, когда проявляется въ дѣйствіяхъ *рефлективныхъ*. Но вѣдь и аналитическая дѣятельность ума называется *рефлексіею*. Конечно, вся сознательная сфера тѣсно примыкаетъ къ бессознательной жизни, движимой по преимуществу органическими, инстинктивными побужденіями. Однако, различіе между самочувствіемъ, насколько оно проявляется въ рефлективныхъ движеніяхъ, и аналитическою дѣятельностію ума, не въ томъ только заключается, что первыя бессознательны, а послѣдняя сознательна, ибо и реф-

лективные движенія нерѣдко сопровождаются сознаниемъ, но главнымъ образомъ въ томъ, что рефлексивныя движенія не-свободны, между тѣмъ какъ дѣятельность ума есть свободная дѣятельность. Правда, дѣйствія свободныя вначалѣ, когда обращаются въ привычку, то получаютъ характеръ рефлексивный; бываютъ даже такія состоянія, когда идея какого нибудь поступка, внушенная намъ постороннимъ лицомъ, или какимъ либо обстоятельствомъ, потомъ невольно исполняется нами. Но не слѣдуетъ-ли поэтому полагать, что также и наоборотъ, дѣйствія, бывшія вначалѣ рефлексивными и безсознательными, потомъ становятся сознательными и свободными, и слѣдовательно животная природа въ человѣкѣ, чрезъ постепенное преобразование рефлексивныхъ дѣйствій въ свободныя, становится человѣческою?

Преображеніе рефлексивныхъ и безсознательныхъ дѣйствій въ дѣйствія свободныя и сознательныя можетъ произойти только тогда, если мы овладѣли рефлексивными дѣйствіями и можемъ направлять ихъ по произволу, а для этого очевидно необходима способность къ самоопредѣленію. Такимъ образомъ первоначально, въ природѣ нашего духа, должна быть дана способность къ самоопредѣленію, безъ чего животная природа не можетъ стать человѣческою, иначе сказать, никакой и самый совершенный механизмъ въ устройствѣ человѣческаго организма не можетъ объяснить, хотя-бы сколько нибудь, возникновенія въ человѣкѣ духовной жизни. Почему необходимо предположеніе первоначальнаго и ни откуда невыводаемаго, ничѣмъ постороннимъ для него неизъяснимаго бытія духа.

Свобода, какъ условіе духовной дѣятельности, и есть именно то, что дѣлаетъ невозможнымъ отождествленіе духовныхъ явленій съ механическими процессами въ мозгу и вообще въ нервной системѣ. Если-бы ощущеніе и можно было отождествлять съ молекулярнымъ процессомъ, то способность къ самоопредѣленію никакимъ образомъ не можетъ быть изъяснена изъ однихъ механическихъ условій. Умъ развивается и совершенствуется, а вмѣстѣ съ нимъ и другія духовныя силы, только чрезъ свободную дѣятельность, свобода возможна для человѣка только относительная, а не безусловная; она воз-

можно только относительно природы какъ внѣшней, такъ и внутренней. Но необходима опора для того, чтобы, утверждаясь на ней, могло начаться и продолжаться развитіе свободной дѣятельности духа. Умъ постоянно ищетъ такой опоры, но въ природѣ нигдѣ онъ не находитъ для себя твердой неизблемой точки, такъ какъ въ природѣ все измѣняется, все условно, относительно; между тѣмъ какъ въ отношеніи къ природѣ человѣкъ можетъ быть свободнымъ, только опираясь на безусловное, безотносительное, или иначе абсолютное. Выше не разъ мы видѣли какъ существенно необходима для насъ идея безусловнаго; идея эта и выражаетъ именно исکانіе нашимъ разумомъ безусловной твердой непоколебимой для себя опоры. Для познанія эта неизблемая опора заключается въ обладаніи вѣчными, необходимыми истинами, и соединенною съ ними идеею истинны; для воли и практической дѣятельности эта опора заключается въ сознаніи вѣчнаго спасенія, какъ высшей цѣли предназначенной человѣку, для чувства она заключается въ идеи всесовершенной, блаженной жизни. Спрашивается, какія ощущенія и образы могли-бы обогатить нашъ духъ такими дарами? Напротивъ, когда анализъ, отправляясь отъ ощущеній, именно ощущенія принимаетъ за твердую для себя почву, тогда онъ приводитъ къ заключенію, что означенныя идеи обманъ, иллюзія.

Теперь, когда указаны всѣ элементы входящіе въ составъ опытнаго познанія, для насъ возможно полнѣе его изъясненіе при томъ условіи, если мы возьмемъ во вниманіе всѣ означенныя элементы.

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ).

О ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМЪ МЕТОДѢ

въ

ПСИХОЛОГИИ.

(Продолженіе *).

VI.

Психологія безъ душевныхъ явленій.

37. Физиологическая психологія изучаетъ только движенія.—38. Отказывается отъ объясненія душевныхъ явленій.—39. Вундтова критика претензіи свести всѣ психическія явленія къ движенію.—40. Душевные явленія не лежатъ въ цѣли матеріальныхъ причинъ и потому физиологическая психологія объясненіемъ душевныхъ явленій не занимается.—41. Резюме и переходъ.

37. Что всѣ матеріальные процессы въ настоящее время сводятъ къ движенію—это, конечно, справедливо. Не менѣе справедливо, что мозгъ есть организованная матерія и что, слѣдовательно, процессы нервные рѣшительно всѣ должны быть движеніемъ и ничѣмъ инымъ. Отсюда слѣдуетъ, что средній членъ между раздраженіемъ нерва и движеніемъ мускуловъ, происходящимъ вслѣдствіе этого раздраженія, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ тоже только движеніемъ, такъ что передача впечатлѣній къ нервамъ, нервнымъ центрамъ, возбужденіе нервныхъ центровъ, передача отъ одного центра къ другому, возбужденіе двигательныхъ нервовъ, сокращеніе мускуловъ—все это извѣстнаго вида движенія. Но

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 9.

отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы это были ощущенія, представленія, мысли, воля, словомъ, чтобы это были психическія явленія. Если-бы мы на-время потеряли способность субъективнаго самонаблюденія, сохранивъ внѣшнее наблюденіе, то видя и наблюдая всѣ эти мозговья движенія, мы рѣшительно не имѣли-бы никакого понятія о томъ, что такое чувство, мысль, вообще, что такое психическія явленія. Какъ теперь, наблюдая движеніе химическихъ веществъ въ процессѣ соединенія и разложенія въ ретортѣ, мы не думаемъ, что эти движенія составляютъ ощущенія или мысли этихъ матеріальныхъ массъ, такъ и тогда мы видѣли-бы весьма сложные молекулярные процессы въ самыхъ сложныхъ формахъ движенія, но не могли-бы представить себѣ совершенно ни одного психическаго явленія, подобно тому, какъ слѣпой отъ рожденія не можетъ представить себѣ ни одного цвѣта. Поэтому фізіологи, утверждая, что отправленія мозга и всѣ психическія явленія суть движенія, говорятъ вовсе не о психическихъ явленіяхъ, а о фізіологическихъ. То, что они выдаютъ за психологію, есть просто фізіологія мозга, которая психическихъ явленій даже *совсѣмъ* и не касается, а прямо опускаетъ ихъ изъ вида или намѣренно устраняетъ. Фізіологъ говоритъ: „мысль въ мозгѣ“, а разумѣетъ: „движеніе въ мозгѣ“, подобно тому какъ слѣпой можетъ говорить: свѣтъ, но подразумѣвать будетъ всегда не свѣтъ, всегда что-нибудь безсвѣтное. Фізіологическая психологія есть просто фізіологія и совершенно напрасно рядится въ негодобавящую ей одежду.

38. Дѣйствительно, фізіологи сами чувствуютъ, что движеніе *совсѣмъ* не то, что психическое явленіе. Правда, они иногда говорятъ о „превращеніи“ движенія или раздраженія въ ощущеніе, но это одно пустое слово, ибо такому превращенію не соответствуетъ никакого наблюдаемаго факта. „Какимъ образомъ эти біологическіе процессы трансформируются въ субъективныя проявленія—до сихъ поръ мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для разъясненія и пониманія и принимаемъ только какъ фактъ“, говоритъ проф. П. И. Ковалевскій ¹⁾. Но

¹⁾ Основы механизма душевной дѣятельности, стр. 83.

совершенно очевидно, что это не фактъ, а предположеніе, и предположеніе, допускающее другое предположеніе, именно такое, что этой трансформациі вовсе нѣтъ. Доказать, что она существуетъ, не только теперь нельзя, но и совершенно невозможно, потому что сама такая трансформациа невозможна. Субъективныя проявленія возможны только въ субъективномъ сознаниі, и если субъективное еще можетъ стать объективнымъ, то объективное превратится въ субъективное не можетъ никогда. Субъективное, какъ увидимъ ниже, *prius* объективнаго, а не наоборотъ. Что воспріятіе, представленіе, сознание вообще не могутъ быть выведены изъ движенія—это опять признаютъ сами фізіологи. „Сказанное о метафизикахъ“, говоритъ Льюисъ, „примѣняется также и къ матеріалистамъ. Они такіе-же метафизики, когда пускаются въ разныя „нервныя жидкости“, „раздражительности“ и „вибраціи“. Будь какъ хочешь изобрѣтателемъ, а впечатлѣвіемъ, переданнымъ по нерву посредствомъ механическихъ вибрацій или таинственнѣйшихъ „жидкостей“, не объяснишь сущность *воспріятія*, которое именно и останется главнымъ фактомъ и вѣчной тайной“¹⁾. „Сущность психическихъ явленій, насколько они выражаются *сознательностью*“, говоритъ проф. Сѣченовъ, „останется во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ непроницаемою тайной (подобно, впрочемъ, сущности всѣхъ явленій на свѣтѣ)“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ-же говоритъ: „способъ происхожденія самаго *ощущенія* остается во всѣхъ случаяхъ неразрѣшимую загадкой и дѣло фізіологіи ограничивается рѣшеніемъ вопросовъ, какую роль играетъ въ видоизмѣненіяхъ основнаго характера даннаго ощущенія устройство периферическаго конца соответствующаго нерва, равно какъ устройство другихъ побочныхъ аппаратовъ, входящихъ въ составъ даннаго органа чувствъ“³⁾. „Всѣ эти колебательныя и волнообразныя движенія“, говоритъ Грингеръ, „все относящееся къ электричеству и механикѣ,—все-таки еще не душевное явленіе, не *представленіе*. Какимъ об-

¹⁾ Льюисъ и Милль, Огюсть Контъ и положительная философія, перев. похъ редакціей Неклюдова и Тиблена. С.-П.-Б. 1867, стр. 236.

²⁾ Психол. этюды, стр. 164. Срав. стр. 140.

³⁾ Фізіологія органовъ чувствъ. Зрѣніе. С. П.-Б. 1867, стр. 13.

разомъ первыя могутъ стать вторыми,—эта загадка останется неразрѣшимой до конца вѣковъ, и мнѣ кажется, что если-бы сію минуту сошелъ ангелъ съ неба и объяснилъ намъ все это, то умъ нашъ былъ-бы совершенно неспособенъ понять этого“¹⁾ Германнъ говоритъ, что нѣкоторые матеріальные процессы „связаны необъяснимымъ образомъ“ съ представленіемъ²⁾, что „совершенно непонятно для насъ представленіе, тотъ психическій процессъ, который связанъ непостижимымъ образомъ съ матеріальными измѣненіями мозга“³⁾. „Какъ одна отдѣлительная клѣточка, говоритъ знаменитый фізіологъ Дю-Буа-Реймонъ, скрываетъ въ себѣ всю загадку отдѣленія, такъ и самая возвышенная дѣятельность души въ главной сути не болѣе непонятна изъ матеріальныхъ условій, чѣмъ *сознаніе*, на первой его ступени въ *чувственномъ ощущеніи*. При первомъ движеніи удовольствія или боли, которыя при началѣ животной жизни на землѣ почувствовало простѣйшее существо, поставлена эта непроходимая пропасть и міръ сталъ теперь вдвойнѣ непонятенъ“. „Было-бы большимъ торжествомъ, если-бы мы могли сказать, что при извѣстномъ духовномъ процессѣ происходитъ въ извѣстныхъ узловыхъ клѣткахъ и нервныхъ трубочкахъ извѣстное движеніе извѣстныхъ атомовъ“. „Прямое познаніе матеріальныхъ условій духовныхъ процессовъ открыло-бы намъ болѣе, чѣмъ всѣ пріобрѣтенія научнаго изслѣдованія до сего времени; но сами духовные процессы были-бы намъ совершенно также непонятны, какъ и нынѣ, ибо „астрономическое“⁴⁾ знаніе мозга, самое высшее, котораго намъ можно достигъ, не раскрываетъ намъ въ немъ ничего, кромѣ движущейся ма-

1) Душевные болѣзни, перев. проф. Овсянникова С.-П.-В. стр. 7.

2) Основы фізіологіи человѣка, подъ редакц. Сѣченова, Одесса, 1873. стр. 8.

3) Ibid. стр. 428.

4) „Астрономическое“, т. е. столь совершенное, что наконецъ становится возможнымъ составить математическую формулу всѣхъ разнообразныхъ дѣятельностей и движеній каждой частички мозга въ отдѣльности и всѣхъ въ совокупности. Такая формула дала-бы возможность предвидѣть и предсказывать любое явленіе въ мозгѣ, какъ въ астрономіи предсказываются, напр., затмѣнія солнца или луны. Выраженіе: астрономическое знаніе въ смыслѣ математически-совершеннаго употребляется Дю-Буа-Реймономъ потому, что выше въ своей рѣчи онъ говоритъ объ этомъ.

теріи“. „Никоимъ образомъ не видно, какъ изъ совокупнаго дѣйствія атомовъ можетъ возникнуть *сознаніе*. Если-бы я захотѣлъ придать самимъ атомамъ сознаніе, то все-таки и сознаніе вообще не было-бы объяснено, и ничего не выигралось-бы для пониманія единичнаго сознанія въ недѣлимомъ“¹⁾. „Передачу нервами впечатлѣнія до мозга“, говоритъ докторъ физики Хвольсонъ, „мы можемъ надѣяться понять со временемъ, свести эту передачу къ какому либо движенію внутри нервовъ, но полученіе нами ощущенія мы не поймемъ. Тутъ есть вѣчные предѣлы, за которыми находится тотъ невѣдомый міръ, о которомъ сказалъ Дю-Буа-Реймонъ: „*ignorabimus*“—мы никогда не будемъ знать!“²⁾.

39. Любопытно здѣсь выслушать замѣчанія Вундта на матеріалистическое ученіе, ибо что можно сказать противъ матеріализма въ психологической области, то же можно сказать и противъ фізіологическаго метода, когда онъ прилагается къ объясненію душевныхъ явленій. „Монистическій матеріализмъ, говоритъ Вундтъ, опирается, съ одной стороны, на относительную устойчивость нашихъ представленій объ объектахъ внѣшняго міра сравнительно съ неопредѣленнымъ и колеблющимся характеромъ внутренняго опыта, съ другой стороны, на стоящій внѣ всякаго сомнѣнія фактъ постоянной связанности психической жизни съ тѣлесною. Философы этого направленія смотрятъ на душу или какъ на *свойство* организованной матеріи, или какъ на *функцию* ея, подобную другимъ фізіологическимъ функціямъ, какъ напр., отдѣленіе, мышечное движеніе, произведеніе теплоты и проч.; душа сводится здѣсь къ *движенію* мельчайшихъ частицъ матеріи“³⁾.—„Ни исходная точка этого воззрѣнія, ни слѣдствія, выведенныя изъ нея“, по

1) Рѣчь о предѣлахъ естествознанія, сказанная на конгрессѣ естествоиспытателей и врачей въ Лейпцигѣ въ 1872 году, перев. Милославскаго, Москва, стр. 22—28. см. также: *Ланге*, Истор. матер. II, стр. 130—131. сравни: семь міровыхъ загадокъ, Дю-Буа-Реймона въ 9 № *Deutsche Rundschau*, 1881 г.

2) Популярныя лекціи объ основныхъ гипотезахъ физики. С. П. Б. 1887. стр. 24. Тоже въ сущности говоритъ *Тиндаль* въ рѣчи, сказанной въ Норвичѣ въ 1868 г. „О границахъ матеріализма“. *Scope and Limit of scientific Materialism. Fragments of science for unscientific people.* Lond. 1871, p. 121

3) См. выше выписки изъ Молешотта и Фогта.

словамъ Вундта, „не выдерживаютъ критики. Большое постоянство нашихъ представлений, относящихся къ объектамъ внѣшняго міра, само есть результатъ психологическихъ процессовъ. Изъ этого постоянства еще нельзя заключать, что внѣшніе объекты представляютъ большую достовѣрность въ сравненіи съ внутреннимъ опытомъ, тѣмъ болѣе, что и наши представленія о внѣшнихъ объектахъ суть ни что иное, какъ часть нашего внутреннего опыта ¹⁾. Что касается до измѣнчивости внутреннихъ явленій, то она указываетъ только на сложность условій, но вовсе не можетъ служить аргументомъ противъ реальности явленій. Наконецъ, фактъ, что психическія явленія всегда бываютъ связаны съ тѣлесными процессами, могъ-бы быть понимаемымъ въ матеріалистическомъ смыслѣ только при условіи, если-бы психическія явленія были слѣдствіемъ тѣлесныхъ процессовъ, т. е. если-бы между тѣми и другими существовало такое-же *причинное* отношеніе, какъ между двумя явленіями природы, изъ которыхъ одно есть слѣдствіе другого. Но этого нѣтъ, *иначе психологическія явленія имѣли-бы тѣлесный* характеръ. Матеріализмъ утверждаетъ, что психическіе процессы въ сущности суть ни что иное, какъ процессы движенія и указываетъ на то, что принято-же считать фізіологическіе процессы молекулярнымъ движеніемъ въ нервномъ веществѣ. Но фізіологическіе процессы въ нервномъ веществѣ *не суть* психическія явленія. Поэтому ради послѣдовательности придется или совершенно *отрицать* психическую сторону явленій, или признать какое нибудь основное психическое явленіе, напр., ощущеніе, первичнымъ *свойствомъ* всей матеріи, или по крайней мѣрѣ, свойствомъ матеріи организованной; тогда остальные психическія явленія будутъ результатомъ сложенія этихъ элементарныхъ явленій. Но ставъ на послѣднюю точку зрѣнія, матеріализмъ *отказывается* отъ своего основнаго метафизическаго положенія. Если ощущеніе есть постоянное свойство матеріи, то оно имѣетъ такую-же общность, какъ и всѣ другія свойства матеріи. Въ такомъ случаѣ придется предположить рядомъ съ субстратомъ мате-

¹⁾ Къ этому мѣсту почтеннѣйшаго ученаго мы возвратимся впоследствии.

ріальныхъ движеній существованіе особой психической субстанции, т. е. придется впасть или въ *дуалистическій* материализмъ, или въ *дуалистическій* спиритуализмъ. Чтобы избѣжать этого, мы должны будемъ принять, что духовность и тѣлесность (говоря словами Спинозы, — мышленіе и протяженіе) суть атрибуты *одной и той-же* матеріи; но и этотъ взглядъ имѣетъ только монистическую внѣшность, въ дѣйствительности же онъ близокъ къ спиритуалистическому дуализму, изъ котораго онъ исторически развился. Правда, душа и тѣло здѣсь не имѣютъ значенія самостоятельныхъ субстанцій. Но если они суть *modi* или совершенно различныя (не могущіе дѣйствовать одинъ на другой, взаимно себя исключаютіе) атрибуты единой субстанции, которая сама въ себѣ непознаваема, то эмпирическія слѣдствія этого общаго воззрѣнія вполне совпадаютъ съ выводами ходячаго, на половину материалистическаго, на половину спиритуалистическаго дуализма“ ¹⁾.

40. Итакъ фізіологическій методъ изъясненія душевныхъ явленій въ видѣ различныхъ нервныхъ движеній приводитъ къ отрицанію самыхъ психическихъ явленій, или-же къ признанію души свойствомъ матеріи, которое однако *фізіологическому изученію не подлежитъ*. Словомъ, фізіологическая психологія хотя и выдаетъ себя за психологію, но она или отрицаетъ психическія явленія, или-же совѣмъ ихъ не касается. Психическія явленія, по взгляду самихъ фізіологовъ, не составляютъ *ни какой части* въ ряду изучаемыхъ ими явленій. „Животное или человѣческое тѣло, говоритъ Эвальдъ Герингъ, не измѣнится въ глазахъ фізика отъ того, что животное способно чувствовать удовольствіе и боль, что съ матеріальными отправлениями тѣсно связаны радости и страданія духа, живое воображеніе и созваніе. Для него тѣло это останеся все той-же массой матеріи, которая подлежитъ тѣмъ-же несокрушимымъ законамъ, которымъ подлежитъ и вещество камня, и субстанція растенія, массой, внѣшнія и внутреннія отправления которой такъ тѣсно связаны между собой и окружающимъ, какъ движеніе машины съ оборотами ея колесъ. Ни впечатлѣніе,

¹⁾ Вундтъ, Основы фізіологической психологіи, стр. 998—1000.

ни представленіе, ни даже сознательная воля *не могутъ составлять звѣна этой цепи* матеріальныхъ обстоятельствъ, образующихъ физическую жизнь организма. Если я отвѣчаю на заданный вопросъ, то матеріальный процессъ, совершающійся въ это время между нервными волокнами органа слуха и мозгомъ, долженъ оставаться *только* матеріальнымъ, чтобы достигнуть двигательныхъ нервовъ голосоваго аппарата. Процессъ этотъ не можетъ, достигши извѣстной части мозга, внезапно обращаться въ *нѣчто* невещественное, чтобы по прошествіи извѣстнаго времени въ другой части снова принять форму вещественнаго проявленія. Это было-бы похоже на то какъ если-бы караванъ, отдохнувши и освѣжившись на оазисѣ, предлагаемомъ фатаморганою, снова выступилъ (изъ фатаморганы) въ дѣйствительную пустыню, или на то, если-бы кому-нибудь пришла мысль чрезъ отражающуюся въ зеркалѣ дверь выдти изъ своей комнаты и очутиться на свободѣ¹⁾. „Изъ многочисленныхъ изслѣдованій Фогтовскаго знаменитаго сравненія съ уривною ясно обнаружилось“ говоритъ Ланге, „что нельзя принимать „мысль“ за отдѣльный продуктъ на ряду съ вещественными процессами, но что именно субъективное состояніе ощущающаго недѣлимаго въ *тоже-время* для внѣшняго наблюденія есть объективное, есть нѣкоторое молекулярное движеніе. Это объективное состояніе по закону сохранения силы должно быть внесено въ непрерывный причинный рядъ. Пусть-же намъ представлятъ этотъ рядъ вполне! Это непременно возможно сдѣлать, *не обращая вниманія* на субъективное состояніе, такъ какъ это состояніе не есть *отдѣльный членъ въ цепи* органическихъ процессовъ, но какъ-бы только разсматриваніе какого либо изъ этихъ процессовъ съ нѣкоторой другой стороны. Правда мы здѣсь наталкиваемся на границу матеріализма, но только вслѣдствіе того, что проводимъ его съ самой строгой послѣдовательностію. Мы дѣйствительно держимся того взгляда, что въ ощущеніяхъ внѣ и возлѣ упомя-

¹⁾ Память какъ общая функція органической матеріи. Рѣчь въ королевской академіи наукъ 30 мая 1870 г. напечатана въ книгѣ: Пять чувствъ человека, соч. Прейора. Москва, 1873, стр. 97—98.

нутыхъ нервныхъ процессовъ едва-ли вообще слѣдуетъ искать чего-нибудь другаго; только сами эти процессы имѣютъ еще совершенно другой способъ проявленія, а именно тотъ, который недѣлимое называетъ ощущеніемъ. Весьма возможно, что мы наконецъ придемъ къ тому, что точнѣе опредѣлимъ часть физическихъ процессовъ, которая по времени совпадаетъ съ возникновеніемъ ощущенія недѣлимаго. Это было-бы крайне интересно, и ничего нельзя было-бы возразить противъ того, если-бы эта опредѣленная часть круговорота нервныхъ процессовъ была тогда названа просто „ощущеніемъ“. Задачу-же: еще точнѣе опредѣлить отношеніе субъективнаго процесса ощущенія къ объективно наблюдаемому нервному процессу, напротивъ, нужно считать невозможною¹⁾. Очевидно Ланге говоритъ тоже самое, что и Герингъ, т. е. что психическія явленія не составляютъ части тѣхъ нервныхъ процессовъ, которые доступны объективному физиологическому наблюденію, и что эти явленія должны быть устранены изъ сферы физиологическихъ изслѣдованій, потому что за нервными процессами въ сущности не слѣдуетъ искать ничего другаго, кромѣ тѣхъ-же нервныхъ процессовъ. Но такимъ образомъ мы, вмѣсто объясненія душевныхъ явленій въ физиологической психологіи, получаемъ простое ихъ устраненіе изъ сферы изслѣдованія. Мы получаемъ психологію безъ душевныхъ явленій.

41. И такъ физиологическая психологія: 1) изучаетъ только одни нервныя движенія, 2) прямо отказывается объяснить ощущение, возрѣніе, представленіе, созвательность, вообще, субъективныя душевныя явленія и признаетъ ихъ вѣчною тайной, 3) не можетъ свести ихъ къ нервнымъ движеніямъ и попытка считать ихъ результатомъ вещественныхъ процессовъ не выдерживаетъ критики, наконецъ, 4) вмѣсто изученія этихъ явленій, она прямо устраняетъ ихъ изъ круга своихъ изслѣдованій, потому что они не суть нервныя процессы. Получается претенціозная наука, изъясняющая душевныя явленія, безъ нихъ самихъ. Получается вѣчто въ родѣ физики, но только безъ физическихъ явленій, а съ одною, напимѣръ, математи-

¹⁾ Истор. матеріализма, II, стр. 327—328.

кою. Вотъ образцовый методъ: когда нужно объяснить какое-нибудь явленіе, тогда нужно устранить его изъ причиннаго ряда и задачу объявить невозможною! Очевидно мы здѣсь имѣемъ дѣло съ „маленькимъ“ противо-логическимъ кувырканіемъ фізіологовъ, съ которымъ конечно не могутъ сравниться никакія „логическія кувырканія“ метафізиковъ. Отъ этого „маленькаго кувырканія“ мы сейчасъ „перейдемъ къ „большимъ граціознымъ“ сальто-морталямъ“, а теперь пока признаемъ, что можетъ существовать фізика безъ фізическихъ явленій, психологія безъ психическихъ явленій,—словомъ, что самая чистая фізіологія есть психологія и что математика есть фізика. Теперь конечно понятно, что такое значитъ „признать спокойно психологію безъ души“. Это значитъ приложить слово „психологія“ къ фізіологіи. „Неужели-же его нужно отвергнуть потому, что *объектъ* науки измѣнился? Это было-бы непрактическимъ педанствомъ“, говоритъ Ланге. Что-жъ? Не будемъ педантами, будемъ кувушбу называть ястребомъ, математику фізикой, фізіологію психологіей. Но мы, по крайней мѣрѣ, сохранимъ за собою право понимать, что это значитъ по отношенію къ гимнастическимъ упражненіямъ механическаго мышленія. Обращаемся теперь къ изложенію ряда самыхъ убійственныхъ для фізіологическаго метода сальто-морталей. Здѣсь мы будемъ присутствовать при трагическомъ зрѣлищѣ саморастерзанія фізіологической психологіи, или правильнѣе, просто современной фізіологіи, къ которому она вынуждена своими собственными выводами. Открывается это поучительное зрѣлище „фізіологіей органовъ чувствъ“.

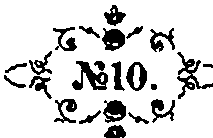

М. Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Мая №10. 1888 года.

Содержаніе: Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго объ обязанности причтовъ хранить всѣ принадлежащія церквамъ процентныя бумаги, снабженныя купонными листами какъ именныя, такъ и на предъявителя, въ Государственномъ Банкѣ или въ Отдѣленіяхъ и Конторахъ его.—Списокъ лицъ Харьковской епархіи, кои, за службу по епархіальному вѣдомству, Воемилости вѣйше удостоены наградъ, Высочайше жалуемыхъ.—Выписка изъ указа Правительствующаго Сената.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Отъ Хорошевскаго духовнаго приюта.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержца Всероссійскаго объ обязанности причтовъ хранить всѣ принадлежащія церквамъ процентныя бумаги, снабженныя купонными листами какъ именныя, такъ и на предъявителя, въ Государственномъ Банкѣ или въ Отдѣленіяхъ и Конторахъ его.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 19 февраля 1888 г. за № 2477, о похищеніи изъ одной сельской церкви именныхъ Государственнаго Банка билетовъ. Справка: циркулярнымъ указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 9 сентября 1873 г., предписано было епархіальнымъ Преосвященнымъ строжайше подтвердить церковнымъ причтамъ и старостамъ, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не оставляли при церквахъ болѣе ста руб., чтобы на внесенныя въ кредитныя учрежденія церковныя суммы были приобрѣтаемы непремѣнно именные билеты на имя церквей, и чтобы могущіе оказаться у церквей билеты внутреннихъ съ выигрышами займовъ, неотложно, были передаваемы, подъ росписки на имя церквей, для храненія въ Государственный Банкъ или въ мѣстныя Конторы и Отдѣленія онаго. При семъ предварить церковныя причты и старость церковныхъ, что въ случаѣ неисполненія сего указа виновные будутъ подвергнуты законной отвѣтственности. Приказали:

принимая во вниманіе, что случаи похищенія принадлежащихъ церквамъ процентныхъ бумагъ повторяются нерѣдко, при чемъ при выдачѣ взаимъ ихъ новыхъ билетовъ, похищенные купонные листы не возвращаются, чрезъ что церкви несутъ потерю процентовъ за все время теченія похищенныхъ купоновъ, Святѣйшій Синодъ, въ видахъ охраненія церковныхъ интересовъ, опредѣляетъ: предписать циркулярными указами епархіальнымъ начальствамъ, въ дополненіе къ указу Святѣйшаго Синода 9 сентября 1873 г., чтобы всѣ вообще принадлежащія церквамъ процентныя бумаги, снабженныя купонными листами какъ именныя, такъ и на предъявителя, отсылаемы были для храненія въ Государственный Банкъ или его Отдѣленія и Конторы. Марта 31 дня 1888 года. Подлинный указъ подписали: Оберъ-Секретарь А. Полонскій. Секретарь Ушаковъ.

Списокъ лицъ Харьковской епархіи, ном, за службу по епархіальному вѣдомству
Всемиловѣйше удостоены наградъ, Высочайше жалуемыхъ.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу кавалерійской Думы Ордена св. Анны, въ 3 день февраля сего года, Всемиловѣйше соизволилъ пожаловать бывшему преподавателю Харьковской духовной семинаріи, нынѣ секретарю Харьковской духовной консисторіи, коллежскому совѣтнику, Ивану *Вещурову* орденъ св. Анны 3-й ст. за усердную и безпорочную службу въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ сряду въ одной и той-же должности не ниже VIII класса.

— За двѣнадцатилѣтнее сряду прохожденіе должности члена Харьковскаго епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія города Харькова, Троицкой церкви, священникъ Стефанъ *Петровскій*, и за сооруженіе церквей и склоненіе къ тому другихъ заштатный священникъ Михаилъ *Трипольскій*—Высочайше награждены орденомъ св. Анны 3-й степени по статуту сего ордена.

— Награждены орденомъ св. Анны 3-й степени: инспекторъ классовъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища, священникъ Никандръ *Омичевичъ*; города Харькова, Вознесенской церкви, священникъ Георгій *Чеботаревъ*; настоятель соборной Успенской церкви, города Богодухова, протоіерей Василій *Доброславскій*.

Выписка изъ указа Правительствующаго Сената.

По указу Его Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената отъ 19 апрѣля 1888 года, № 46-й, произведены за выслугу лѣтъ:

А. По *Харьковской Духовной Консистеріи*: Въ коллежскіе ассесоры—и. д. секретаря при Харьковскомъ епархіальномъ архіереѣ, титулярный совѣтникъ Григорій *Макухинъ*; въ коллежскіе секретари—канцелярскій чиновникъ, губернской секретарь Яковъ *Орловъ*; въ губернскіе секретари—коллежскіе регистраторы: и. д. столоначальниковъ: Иванъ *Любинскій*, Александръ *Акимовъ* и канцелярскій чиновникъ Алексѣй *Льбовъ*; въ коллежскіе регистраторы—и. д. архивариуса Владиміръ *Щеголевъ*; канцелярскіе служители: Дмитрій *Маминевскій* и Павлинъ *Козловскій*.

Б. По *Харьковской семинаріи*: Въ коллежскіе совѣтники—надворные совѣтники: преподаватель Василій *Извольскій* и помощникъ инспектора Георгій *Фолте*. Утверждены въ чинъ коллежскаго ассесора—преподаватель семинаріи Сергѣй *Бумаковъ* и помощникъ инспектора Василій *Пономаревъ*.

В. По *Сумскому духовному училищу*. Въ коллежскіе ассесоры—титулярные совѣтники, учителя: Петръ *Кохановскій* и Владиміръ *Сукачевъ*.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ составъ суммъ Комитета въ Мартъ мѣсяцъ 1888 года поступило: Получено кружечнаго сбора отъ церквей 1 округа Лебединскаго уѣзда 14 р. 30 к., отъ свящ. Николая Любидскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 2 р., собрано свящ. Павломъ Браиловскимъ отъ разныхъ лицъ 50 к., собрано свящ. Михайломъ Сергіевскимъ отъ разныхъ лицъ 82 к., отъ свящ. Петра Вахнина 3 р., свящ. Симеона Людикормина 3 р., чрезъ него-же 50 к., отъ свящ. Антонія Щепинскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р. 50 к., свящ. Петра Подлущкаго 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р., свящ. Павла Мухина 3 р., собрано свящ. Поликарпомъ Слюсаревымъ отъ разныхъ лицъ 1 р., собрано свящ. Іоанномъ Проскурниковымъ отъ разныхъ лицъ 3 р. 20 к., отъ свящ. Михаила Подольскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 2 р. 50 к., собрано свящ. Іоанномъ Ма-

лежиновскимъ отъ разныхъ лицъ 50 к., собрано свящ. Константиномъ Острогорскимъ отъ разныхъ лицъ 40 к., отъ свящ. Константина Острогорскаго 3 р., собрано протоіереемъ Викторомъ Андріевскимъ отъ разныхъ лицъ 4 р., отъ свящ. Николая Ходскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 43 к., собрано отъ разн. лицъ: свящ. Стефаномъ Прокоповичемъ отъ разн. лицъ 60 к., Алексѣемъ Милостановымъ 1 р. 20 к., Петромъ Чиженскимъ 72 к., Петромъ Лавденковымъ 35 к., отъ свящ. Кирилла Щелкунова 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р. 25 к., собрано отъ разныхъ лицъ: свящ. Василиемъ Моляревскимъ 2 р. 79 к., Николаемъ Грековымъ 1 р. 20 к., Николаемъ Ѳедоровымъ 1 р. 15 к., отъ Іоанно-Богословской Семинарской церкви 4 р., собрано свящ. Іоанномъ Санжаревскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р., поступило кружечнаго сбора отъ церквей 1 округа, Ахтырскаго уѣзда 49 р. 41 к., отъ коллежскаго ассесора Сергѣя Николаевича Соколовскаго вѣчный членскій взносъ 60 р., отъ эконома Харьковскаго архіерейскаго дома іеромонаха Іосифа 3 р., настоятеля Волчанскаго Троицкаго собора, протоіерея Арсенія Павлова 10 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 20 р. 30 к., отъ потомственнаго почетнаго гражданина Михаила Алексѣевича Лаврова 60 р., Алексѣя Гавриловича Рязанцова 3 р., Александры Павловны Терешкишъ 3 р., собрано свящ. Василиемъ Ерофаловымъ отъ разныхъ лицъ 5 р. 82 к., поступило собранныхъ Харьковскимъ архіерейскимъ домоправленіемъ въ недѣлю православія 4 р. 54 к., поступило собранныхъ Старо-Харьковскимъ Преображенскимъ Куряжскимъ монастыремъ въ недѣлю Православія 15 р. 50 к., отъ Николая Никитича Радченко 3 р. Петра Никифоровича Кигимова 3 р., архитектора Владиміра Христіановича Нѣмкина 3 р., Николая Львовича Львова 3 р., Натальи Михайловны Садовниковой 3 р., Николая Павловича Садовникова 3 р., генералъ-маіора Владиміра Николаевича Износкова 3 р., Василия Никитича Гладкова 3 р., Николая Алексѣевича Жевержеева 3 р., профессора Харьковскаго университета Павла Африкановича Ясинскаго 3 р., Маріи Викторовны Ясинской 3 р., Михаила Ѳедоровича Олексенко 3 р., Анны Ивановны Захарьевой 3 р., Федора Францовича Лезель 5 р., профессора Харьковскаго университета Михаила Мартыновича Алексѣенко 3 р., Василия Ивановича Бекарюкова 3 р., Цавлы Григорьевны Гурьевой 3 р., Николая Николаевича Полянина 3 р., Василия Александровича Рубинскаго 3 р., Григорія Васильевича Вочарова 15 р., іеродиакона Епифанія 3 р., діакона Александра Подольскаго 3 р., ректора семи-

нарії протоіерея Іоанна Кратирова 3 р., собрано церковнымъ старостою Харьковскаго Каѳедрального Успенскаго собора Константиномъ Петровичемъ Уткинымъ въ недѣлю Православія 125 р., собрано въ Хорошевскомъ женскомъ монастырѣ въ недѣлю Православія 6 руб. 75 коп., получено кружечнаго сбора отъ церквей 1 округа Богодуховскаго уѣзда 24 р. 97 к., отъ свящ. Василя Власова 3 р., собрано свящ. Павломъ Леонтовичемъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 66 к., отъ свящ. Петра Молчановскаго 1 р., чрезъ него-же 80 к., отъ свящ. Александра Артюховскаго 3 р., чрезъ него-же 1 р. 66¹/₂ коп., собрано отъ разныхъ лицъ: свящ. Іоанномъ Дмитріевымъ 1 р., Африканомъ Червонецкимъ 1 р. 5 к., Михаиломъ Лонгиновымъ 21 к., отъ свящ. Василя Торанскаго 3 руб., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р., свящ. Георгія Подольскаго 1 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р. 85 к., свящ. Іоанна Степурскаго 3 р., діакона Дмитрія Пономарева 20 к., собрано отъ разн. лицъ: свящ. Георгіемъ Дикаревымъ 3 р., Василемъ Пономаревымъ 1 р. 15 к., Андреемъ Стеллецкимъ 1 р. 85¹/₂ к., Дмитріемъ Рудинскимъ 75 к., Григоріемъ Назаревскимъ 3 р., отъ свящ. Александра Артюховскаго 3 р., Алексѣя Кожушка 3 руб., Афанасія Гапоненко 3 р., Якова Гридасова 3 р., собрано свящ. Александромъ Артюховскимъ отъ разныхъ лицъ 2 р., собрано свящ. Алексѣемъ Станиславскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р., отъ священниковъ: Стефана Байкова 3 р., Андрея Сапухина 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 2 р. 60 к., собрано отъ разныхъ лицъ свящ. Василемъ Сукачевымъ 3 р., Аггеемъ Любинскимъ 6 р. 4 к.: отъ свящ. Виталія Ястремскаго 3 р., протоіерея Алексѣя Артюховскаго 3 р., чрезъ него-же 50 к., отъ свящ. Константина Рыболова 3 р., свящ. Александра Ястремскаго 3 р., собрано отъ разныхъ лицъ священниками: Константиномъ Рудневымъ 20 коп., Теодоромъ Ивановымъ 1 р., Дмитріемъ Регишевскимъ 60 коп., Трофимомъ Антоновымъ 1 р. 55 к., Митрофаномъ Котляровымъ 1 р. 10 к., Романомъ Николаевскимъ 1 р., Іосифомъ Волобуевымъ 40 к., Филаретомъ Антоновымъ 3 р. 73 к., Іоанномъ Андреевымъ 1 р. 50 к., Симеономъ Флоринскимъ 1 р., Павломъ Казанскимъ 2 р., Максимомъ Пономаревымъ 1 р. 52 к., Іоанномъ Котляровымъ 40 к., получено кружечнаго сбора отъ церквей 3 округа Харьковскаго уѣзда 10 р. 75 к., отъ свящ. Дмитрія Регишевскаго 3 р., отъ протоіерея Марка Рокитянскаго 3 р., собрано протоіереемъ Василемъ Доброславскимъ отъ разныхъ лицъ 2 руб., получено отъ Старобѣльскаго Скорбященскаго женскаго монасты-

ря собранныхъ въ недѣлю Православія 10 р., получено отъ Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря собранныхъ въ недѣлю Православія 15 р. 35 к., получено отъ свящ. Харьковской Троицкой церкви (единовѣрческой) собранныхъ въ недѣлю Православія 6 р. 36 к., итого въ Мартъ мѣсяцѣ 1888 года поступило 698 руб. 98 к., а всего съ поступившими съ 1 Января 1888 г. 2813 р. 63 к.

Всѣхъ ревнителей православія, сочувствующихъ св. дѣлу распространенія онаго между язычниками въ Имперіи, Комитетъ покорнѣйше проситъ присылать свои пожертвованія непосредственно въ Комитетъ при Харьковскомъ архіерейскомъ домѣ, или вручать своимъ приходскимъ священникамъ.

Въ члены общества могутъ поступать лица всякаго званія, состоянія и пола; отъ члена требуется ежегодный взносъ не менѣе *трехъ* рублей, или-же единовременно не менѣе *шестидесяти* руб.

Отъ Хорошевскаго Духовнаго Пріюта.

Госпожа игуменья Хорошевскаго Вознесенскаго Дѣвичьяго монастыря симъ извѣщаетъ родителей и родственниковъ воспитанницъ пріюта, что занятія послѣ каникулъ начнутся съ 20 числа августа.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ Іоанно-Предтечевской церкви с. Штеповки, Лебед. у., *Григорій Сапухинъ* утверждень законучителемъ Штеповскаго ремесленнаго училища.

— Безмѣстный священникъ *Александръ Анисимовъ* опредѣленъ на праздное священническое мѣсто при Іоанно-Богословской церкви села Тѣлѣги Зміевскаго уѣзда.

— Уволенъ отъ должности законучителя Мѣловатскаго народнаго училища, Купянскаго у., священникъ *Іаковъ Филевскій*, согласно прошенію, а на его мѣсто опредѣленъ діаконъ *Григорій Колесниковъ*.

— Возстановленъ второй причтъ при Сошествіевской церкви сл. Ново-Екатеринославля, Купянскаго уѣзда.

— Вторымъ священникомъ къ Сошествіевской церкви сл. Ново-Екатеринославля опредѣленъ окончившій курсъ семинаріи *Владиміръ Линицкій*.

— Псаломщики: Богодухсв. у. с. Поличковки Екатерининской церкви *Василій Збукаревъ* и Лебединскаго уѣзда хут. Павленково Георгіевской церкви *Сильвестръ Антоновъ* перемѣщены—одинъ на мѣсто другаго.

— Сынъ псаломщика *Василій Понировскій* опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика при церкви села Гниловки, Богодуховскаго уѣзда.

— Діаконы: Троицкой церкви сл. Крючковъ, Изюмскаго у., *Иннокентій Терновской* и Крестовоздвиженской церкви сл. Черкасской-Лозовой, Харьковскаго у., *Василій Бацмановъ* перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Старобѣльскаго у. сл. Бѣловодска Троицкой церкви діаконъ *Павель Атеевъ*, 12-го мая, уволенъ согласно прошенію, за штатъ, а на его мѣсто опредѣленъ того-же числа Харьковской Николаевской церкви псаломщикъ *Тихонъ Федоровскій*.

— Псаломщикъ Федоро-Стратилатовской церкви села Тучнаго, Лебединскаго у., *Гавріилъ Маляровъ* 18 апрѣля н. г. волею Божіею умеръ.

— Безмѣстный псаломщикъ *Иванъ Литвинцевъ* опредѣленъ вторымъ псаломщикомъ къ Сошествіевской церкви сл. Ново-Екатеринославля, Купянскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ въ церквахъ: крестьянинъ *Иванъ Пушкарь* къ Рождество-Богородичной с. Пушкареваго Ахтырскаго у.; крестьянинъ *Антоній Винникъ* при Архангело-Михайловской сл. Ольшаной, Лебединскаго уѣзда; отставной унтеръ-офицеръ *Николай Ткаченко* при Покровской с. Гринцева, Лебединскаго у.; Изюмскаго у. Ахтырско Богородичной слоб. Михайловки крестьянинъ *Яковъ Положенко* и Успенской сл. Барвенковой крестьянинъ *Исидоръ Киценко* на второе трехлѣтіе; къ Троицкой села Алексѣвки, Зміевского у., крестьянинъ *Илія Малаховъ*; къ Вознесенской с. Скрыпаевъ, того-же у., крестьянинъ *Иванъ Кравцовъ*; крестьянинъ *Захарій Коваленко* на второе трехлѣтіе къ Петро-Павловской сл. Петро-Павловки крестьянинъ *Оома Черный* къ Дмитріевской сл. Моначиновки, Купянскаго уѣзда.

Георгіевской с. Воробьевки, Сумскаго у., крестьянинъ *Антоній Бражникъ* уволенъ отъ должности церковнаго старосты.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Годичный актъ въ начальной образцовой школѣ при Харьковской духовной семинаріи.—Книжное дѣло въ нашихъ монастыряхъ и труды приходскаго духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія.—Ремесленные занятія въ образцовой школѣ.—Заслуживающій вниманія и подражанія фактъ.—Объ эмеритальной кассѣ духовенства.—Одна изъ причинъ успѣха сектантской пропаганды.—Миссіонерская дѣятельность.—Общее церковное пѣніе.—Церковный хоръ при нашей посольской церкви въ Стокгольмѣ.—Присоединеніе къ православію въ Кіевѣ чеховъ.—Паломники въ Кіевѣ изъ новообращенныхъ въ православіе жителей Подлѣсья и Люблинской губерніи.—Новый образъ св. равноапостольнаго князя Владиміра.—Медицинскіе совѣты.

22-го числа сего мая послѣ годичныхъ испытаній, произведенныхъ 17 и 19 мая педагогическимъ училищнымъ Совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ о. ректора Харьковской духовной семинаріи и членовъ Совѣта: преподавателя дидактики въ Харьковской духовной семинаріи Н. Н. Страхова, законоучителя школы священника Д. Скрынникова и учителя діакона Г. Олейникова въ начальной образцовой школѣ при Харьковской духовной семинаріи учебный годъ былъ законченъ актомъ.

По окончаніи литургіи въ Семинарской церкви въ половинѣ 12 час. всѣ мальчики, учащіеся въ школѣ при Харьковской духовной семинаріи, собрались въ зданіе школы вмѣстѣ съ своими родителями и родственниками и другими посторонними лицами. Удостоили также своимъ посѣщеніемъ акта и многіе г.г. преподаватели семинаріи, чѣмъ несомнѣнно придали всему дѣлу болѣе серьезный характеръ и немалую торжественность. Затѣмъ ровно въ 12 часовъ прибылъ въ школу отецъ ректоръ семинаріи. Актъ начался служеніемъ благодарственнаго молебна Господу Богу за успѣшное и благополучное годичное ученіе дѣтей школы. Молебенъ служилъ законоучитель этой школы священникъ Д. Скрынниковъ. Замѣчательно особенно то, что весь молебенъ былъ пѣтъ учениками школы подъ руководствомъ учителя о. діакона Г. Олейникова. Пѣніе отличалось строгостію и производило пріятное впечатлѣніе и возбуждало чувство радости въ родителяхъ и родственникахъ. Одинъ изъ мальчиковъ школы отчетливо, съ полною точностію и выразительно прочиталъ Апостоль. Въ концѣ молебна было провозглашено многолѣтіе Государю и Супругѣ Его, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, затѣмъ Святѣйшему Правительствующему Синоду и Высокопреосвященнѣйшему Амвросію, потомъ основателю сей школы боярину Іоанну (Ивану Герасимовичу Харитоненко) и всѣмъ учащимъ и учащимся, на что мальчики стройно пѣли всѣмъ многая лѣта.

По окончаніи молебна, преподаватель дидактики, имѣющій ближайшее наблюденіе за учебными занятіями въ школѣ; Н. Н. Страховъ приступилъ къ чтенію списковъ учащихъ мальчиковъ. Подвергались испытанію 52 ученика. Изъ нихъ 45 переведено во 2-е отдѣленіе и оказавшіе изъ нихъ наилучшіе успѣхи, числомъ 23, были награждены книгами. Изъ оставшихся 7 учениковъ—5 оставлены въ томъ-же отдѣленіи на повторительный курсъ, а 2 уволены, потому что они не только не оказали успѣховъ, но обнаруживали постоянное невниманіе, какъ къ школьнымъ занятіямъ, такъ и требованіямъ школьной дисциплины, чѣмъ часто нарушали правильный ходъ занятій въ школѣ. 2 ученика, не явившіеся къ годичнымъ испытаніямъ, признаны выбывшими изъ школы. По прочтеніи списковъ и по раздачѣ наградъ лучшимъ мальчикамъ, получившимъ въ общемъ выводѣ, какъ годичномъ, такъ и экзаменомъ, не менѣе 4 о. Ректоръ обратился къ ученикамъ съ своимъ наставленіемъ о прилежаніи къ ученію, усердіи къ молитвѣ, послушаніи родителямъ, почитаніи старшихъ, лицъ начальствующихъ и своихъ наставниковъ. Въ концѣ всего всѣ дѣти весьма стройно пропѣли народный гимнъ „Боже Царя храни“. Однообразная одежда учениковъ, строгое соблюденіе порядка и тишины и дѣтское одушевленіе, съ которымъ они участвовали въ молебномъ пѣніи, произвели самое пріятное впечатлѣніе на присутствовавшихъ, а равно обширныя и свѣтлыя помѣщенія школы, вполне удовлетворяющей своему назначенію. Зданіе школы выстроено, благодаря заботливости Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, на пожертвованія извѣстнаго нашего благодѣлателя И. Г. Харитоненко..

Слѣдующій учебный годъ въ означенной школѣ начнется въ августѣ мѣсяцѣ.

— Книжное дѣло въ нашихъ монастыряхъ вообще не процвѣтаетъ; но отдѣльные примѣры склонности монашествующихъ къ этому дѣлу встрѣчаются и свѣдѣнія о нихъ проникаютъ и въ печать. На дняхъ, напрямѣръ, въ „М. Ц. В.“ сообщалось, что монашествующіе русскаго афонскаго Пантелеимонова монастыря, проживающіе при московской часовнѣ этого монастыря, занимаются изданіемъ и распространеніемъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія, доступныхъ простому народу.

Встрѣчаются, хотя и рѣже, чѣмъ желалось-бы, примѣры заботъ монашествующихъ лицъ о школьномъ дѣлѣ. Такъ, на праздникъ 500-лѣтняго юбилея Борисо-Глѣбскаго монастыря въ г. Дмитровѣ

(московской епархіи), 2 мая, по словамъ „Русск. Кур.“, было заявлено о давнемъ намѣреніи настоятеля и братіи монастыря основать ремесленную школу. При Кіево-Никольскомъ монастырѣ, по сообщенію „Кіевск. Сл.“, уже около трехъ лѣтъ существуетъ иконописная школа, и между иконами, написанными въ этой школѣ, бываютъ замѣчательныя. При кіевской лаврѣ есть рисовальная школа, хотя, по отзыву „К. Сл.“, она находится какъ-бы въ зародышѣ, и кіевляне поэтому желаютъ, чтобы у нихъ школа иконописи открылась полная, тѣмъ болѣе, что въ Кіевѣ, гдѣ ежегодно бываетъ масса богомольцевъ, распродается громадное число иконъ и богомольцамъ приходится покупать выписываемыя сюда иконы, нерѣдко аляповатой работы суздальскихъ мастеровъ. Наконецъ, монастыри не оставляютъ совершенно безъ вниманія и безъ всякой поддержки церковно-приходскихъ школъ, хотя поддержка эта бываетъ не велика, какъ видно, на примѣръ, изъ доставленнаго намъ отчета о церковно-приходскихъ школахъ могилевской епархіи за 1886—87 годъ.

Серьезные труды приходскаго духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія въ церковномъ духѣ выдѣляются рельефно во многихъ отчетахъ о церковно-приходскихъ школахъ. Въ упомянутомъ уже отчетѣ приведенъ такой отзывъ епископа могилевскаго, обозрѣвшаго, во время ревизіи церквей въ прошломъ году, до 120 школъ церковно-приходскихъ и грамотности: „духовенство въ большей части приходоѡ заслуживаетъ похвалу по вліянію на народъ въ дѣлѣ открытія и устроенія школъ“. Тамъ-же сказано: Изъ представленныхъ благочинными и ихъ помощниками вѣдомостей о состояніи школъ ихъ округоѡ видно, что успѣхи ученикоѡ какъ церковно-приходскихъ школъ, такъ и школъ грамотности, по всеѡмъ проходимымъ въ нихъ предметамъ, если не вездѣ очень хорошіе и хорошіе, то почти всюду удовлетворительные; слабые успѣхи усмотрѣны въ сравнительно немногихъ школахъ. Обученіе-же въ школахъ велось подѡ наблюденіемъ и руководствомъ священниковъ. Свѣдѣнія объ успѣхахъ ученикоѡ церковно-приходскихъ школъ, представленные благочинными, подтверждаютъ и дополняютъ донесеніе епархіальныхъ ревизороѡ. Жаль только, что въ нѣкоторыхъ церковно-приходскихъ школахъ, относившихся въ большинствѣ къ школамъ грамотности, вслѣдствіе ихъ необезпеченности и по другимъ случайнымъ причинамъ, учебныхъ занятій въ отчетномъ году не было. Такихъ школъ было 178. Въмѣсто того, впрочемъ, открыто вновь въ этомъ году 196 школъ.

Одинъ изъ сельскихъ священниковъ вятской епархіи, видя нуж-

ду въ средствахъ содержанія церковно-приходскихъ школъ вятской епархіи и желая матеріально помочь этому дѣлу, составилъ указатель статей, помѣщенныхъ въ духовно-литературномъ отдѣлѣ „Вятскихъ Епарх. Вѣд.“ съ 1863 (начала изданія ихъ) по 1886 годъ, и передалъ этотъ „указатель“ въ распоряженіе вятскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, съ тѣмъ, чтобы чистая прибыль отъ изданія „указателя“ была обращена въ пользу церковно-приходскихъ школъ вятской епархіи. Этотъ даръ принять, конечно, съ благодарностью.

— При образцовой школѣ Тобольской семинаріи открыты ремесленные занятія. Занятія эти открыты на жертвуемые ежегодно Знаменскимъ монастыремъ 50 руб. и на вносимую въ томъ-же количествѣ сумму лично отъ себя—по званію попечителя школы, управлющимъ монастыремъ, священникомъ К. Пѣтуховымъ. Для руководства занятіями приглашены на первое время за небольшое вознагражденіе лица, знающія столярное, сапожное, а также мѣстные кустарныя ремесла (вязаніе мережъ, витье веревокъ и др.). Временемъ для ремесленныхъ занятій назначены 5-е уроки вторникъ, четвергъ и субботу отъ 1¹/₂—2¹/₂ часовъ. Со временемъ, по указанію опыта, предполагено выработать подробную программу занятій ремеслами.

— „Въ Ставропольскихъ Епарх. Вѣд.“ встрѣчаемъ слѣдующій заслуживающій вниманія и подражанія фактъ. Одинъ изъ благочинныхъ представилъ на благоусмотрѣніе мѣстнаго преосвященнаго актъ такого содержанія: „Духовенство 4-го благочинническаго округа, Ставропольской епархіи, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго своего о. благочиннаго имѣло сужденіе объ усиленіи средствъ попечительства о вдовахъ и сиротахъ своего благочинія и, сердечно внимая въ предложенный вопросъ, положило ежегодно отчислять по 1% съ каждаго рубля изъ доходовъ по братской кружкѣ, съ таковымъ распредѣленіемъ, чтобы сироты и вдовы священниковъ получали изъ 6 рублей—три, діаконовъ—два и псаломщиковъ—одинъ рубль. Сборъ пособій долженъ быть производимъ благочиннымъ и имъ-же выдаваемъ, по предварительномъ обсужденіи нуждъ вдовъ и сиротъ на благочинническомъ съѣздѣ“.—Резолюція его преосвященства на семъ актѣ послѣдовала таковая: „Съ удовольствіемъ утверждается“, а на рапортѣ благочиннаго, при коемъ представленъ этотъ актъ, слѣдующая: „Богъ да благословитъ сердобольное дѣло причтовъ 4 благочинническаго округа. Отъ благочиннаго, кромѣ упоминанія въ полугодичныхъ отчетахъ и сообщенія свѣдѣ-

ній епархіальному попечительству, ежегодно особымъ рапортомъ имѣть извѣщать меня о ходѣ сего добраго дѣла“.

— Женскія епархіальныя училища, по мысли многихъ, должны сообщать воспитанницамъ познанія и навыки, болѣе пригодныя въ практической жизни. Согласно съ симъ, въ Кіевѣ возникъ вопросъ о преобразованіи второго кіевскаго училища для дѣвиць духовнаго происхожденія въ профессиональное училище, съ сокращеніемъ программы научныхъ предметовъ. Обсудивъ это дѣло, духовенство уманскаго благочинническаго округа, по словамъ „Кіевл.“, признало желательнымъ, чтобы оба кіевскія духовныя женскія училища оставались при той программѣ, какая Высочайше утверждена для нихъ и дѣйствуетъ въ настоящее время. Но если по окончаніи курса нѣкоторыя изъ дѣвиць пожелаютъ обучаться женскимъ ремесленнымъ работамъ, то для окончившихъ училище дѣвиць открыть два спеціальныя класса, въ которыхъ они могли-бы получать чисто практическія знанія. Такимъ образомъ это духовенство для своихъ дочерей считаетъ необходимымъ прежде всего общее образованіе.

— Не безынтересны свѣдѣнія о состояніи въ настоящее время эмеритальной кассы духовенства тульской епархіи. Касса эта учреждена была, съ благословенія высокопреосвященнѣйшаго Никандра, въ 1877 году, на началахъ „взаимнаго вспоможенія“. съ цѣлю каждому участнику ея дать возможность получать отъ нея вознагражденіе за свои взносы и пособіе, сколько-бы лѣтъ онъ ни состоялъ ея участникомъ, хотя-бы даже одинъ только годъ. Поэтому и выдача вознагражденій и пособій началась со 2 года дѣйствій кассы, согласно проекту „положеній“ о кассѣ, и продолжается доселѣ пропорціонально количеству платныхъ лѣтъ и размѣру взноса вообще такимъ образомъ, что за 1 годъ взноса по 1 разряду (35 руб. въ годъ) выдается ежегодно по 40 руб., за 2 года по 45 р., за 3 года по 50 р. и т. д. въ возрастающей арифметической прогрессіи. Сколько намъ извѣстно, подобнаго рода выдачъ до учрежденія нашей кассы нигдѣ не было, да и нынѣ, кажется, еще нѣтъ нигдѣ. Вотъ это-то именно обстоятельство, т. е. выдача вознагражденій непременно всѣмъ и каждому и въ такомъ значительномъ размѣрѣ, и было причиною того, что многіе бѣдные люди съ перваго-же года дѣйствій кассы вступили въ число ея участниковъ. За то весьма значительная часть нашего духовенства отнеслась недовѣрчиво къ возможности производить такія выдачи и составить кассу, такъ сказать, изъ ничего, безъ положенія въ основаніе ея какого-нибудь предварительнаго капитала, какъ

фонда ея, изъ однихъ только текущихъ взносовъ, и тогда-же уклонилась отъ принятія участія въ кассѣ. Послѣдствія показали, что составить кассу изъ однихъ только остатковъ отъ текущихъ доходовъ ея и расходовъ возможно: основной капиталъ ея сталъ составлять самъ собою и въ короткое время возросъ до значительной цифры. Это обстоятельство расположило многихъ послѣдовать примѣру другихъ и принять участіе въ составленіи кассы. Но вотъ слѣдуютъ одинъ за другимъ крахи общественныхъ банковъ, въ которыхъ хранилась часть кассовыхъ суммъ, внесенныхъ туда правленіемъ кассы не самовольно, а согласно положеніямъ о кассѣ и на томъ-же самомъ законномъ основаніи, на какомъ вносились туда до краха скопинскаго банка капиталы церквей, монастырей, учебныхъ и благотворительныхъ заведеній не только на сроки, но и на вѣчныя времена; сейчасъ-же находятся у насъ люди, которые, воспользовавшись этимъ случаемъ, начинаютъ распускать про кассу всевозможные, самые недѣшые, иногда завѣдомо ложные и злонамѣренные, а иногда зависѣвшіе отъ положительнаго незнакомства съ дѣломъ, вздорные слухи, — и многіе этимъ вводятся въ смущеніе, недоумѣніе и опасеніе за прочность существованія кассы. Не смотря на всѣ усилія враговъ кассы, благое учрежденіе устояло, вышло изъ временнаго затрудненія и съ помощію Божіею будетъ все болѣе и болѣе расти, развиваться и укрѣпляться. Уже и теперь оно приноситъ самые благіе плоды, а въ будущемъ несомнѣнно сдѣлается учрежденіемъ самымъ благотѣльнымъ для духовенства всей епархіи. Капиталы кассы изъ банковъ, ликвидирующихъ свои дѣла, получаютъ, напримѣръ, въ прошломъ году ихъ получено было 5,689 р. 99 коп., въ нынѣшнемъ—1,344 р. 7 к. и еще предстоитъ новое полученіе; слѣдующіе капиталы кассы не пропали, какъ то утверждали многіе. Взносы въ кассу теперь идутъ своимъ чередомъ. Общее движеніе суммъ въ 1887 году было слѣдующее: къ 1 января 1887 г. оставалось 97,464 р. 8 к., вновь поступило взносовъ по разрядамъ, ⁰/₁₀₀, пожертвованій и 1 коп. сбора съ метрическихъ записей 13,043 р. 10 к.; а израсходовано 4,964 р. 11 к.; затѣмъ къ 1 января 1888 г. осталось 105,543 р. 7 к. Сейчасъ касса имѣетъ 110,000 р. Капиталы всѣ теперь обращаются въ ⁵/₁₀₀ билеты государственнаго банка, которые хранятся въ тульскомъ отдѣленіи государственнаго банка и въ сберегательной кассѣ государственнаго банка. На попеченіи кассы состоитъ 172 семейства. Вознагражденій за взносы и пособій въ 1887 г. имъ выдано было 3,106 р. 51 к. и сверхъ того пособій

родителямъ на выдачу дочерей за-мужъ 503 р. 75 к., а всего 3,610 р. 26 к. Всѣхъ участниковъ кассы въ 11 лѣтъ было 836, изъ нихъ въ теченіе 10 лѣтъ вышло на попеченіе кассы и умерло безъ оставленія послѣ себя семействъ 205, на лицо къ 1 января 1888 г. осталось 631. Полугодичныя ревизіи книгъ и отчетовъ съ документами, повѣрка ихъ же собраніями уполномоченныхъ 1885 и 1888 г. и сличеніе „наличности“ кассы съ книгами и документами доказали, что всѣ дѣла кассы ведутся въ такой исправности, какую дай Богъ видѣть вездѣ. Сочувствіе-же владыки и довѣріе его къ кассѣ въ январѣ сего года выразилось въ томъ, что онъ, по окончаніи собранія уполномоченныхъ по дѣламъ кассы, предложилъ совѣту тульского епархіальнаго женскаго училища вносить въ кассу ежегодно по 350 р. для составленія пенсіи начальницѣ училища, законоучителю и 6 воспитательницамъ. Дай Богъ, чтобы духовенство приняло во вниманіе столь благое начинаніе въ дѣлѣ обезпеченія своихъ семействъ.

— По сообщеніямъ газетъ сектантство въ разныхъ его видахъ все еще продолжаетъ распространяться среди православнаго населенія особенно на югѣ Россіи, гдѣ издавна существуютъ духоборцы, молокане, нѣмцы-колонисты, штундисты и т. д. Одною изъ главныхъ причинъ успѣха сектантской пропаганды нѣкоторые епархіальные органы считаютъ тотъ экономическій строй, который существуетъ у насъ преимущественно на югѣ Россіи, именно: сектанты-руководители, обладая болвшимъ количествомъ собственной или арендной земли, держатъ, благодаря этому, въ кабалѣ православныхъ-рабочихъ и всѣми мѣрами стараются мало того что пропагандировать между ними свои лжеученія, но и совращать ихъ въ свои общества. Для пресѣченія зла вышеозначенные органы совѣтуютъ ограничить сектантовъ какъ въ правахъ пользованія землею, такъ и въ отношеніи найма къ себѣ православныхъ рабочихъ. Но свѣтская печать съ такимъ взглядомъ не соглашается. Такъ, напр., „Свѣтъ“ называетъ такой взглядъ на дѣло „узкимъ“ и утверждаетъ, что кто лично знакомъ съ состояніемъ землевладѣнія въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, тотъ знаетъ, какъ легко можетъ быть обойденъ тамъ всякій ограничительный законъ. Кромѣ того, продолжаетъ газета, весьма сомнительно, чтобы даже въ случаѣ полнаго успѣха какого-либо ограничительнаго закона, сектантство исчезло здѣсь, потому что причина современнаго развитія его лежитъ гораздо глубже видимой экономической зависимости православныхъ отъ сектантовъ. Она кроется въ прочности сектантскихъ общинъ,

въ трезвости и трудолюбіи сектантовъ (особенно молоканъ и штундистовъ) и въ ихъ сравнительно высшемъ умственномъ развитіи: благодаря распространенію между ними грамотности и начитанности въ священномъ Писаніи. „Всѣ эти условія, продолжаетъ газета, и создаютъ то экономическое благосостояніе сектантовъ, которое, дѣйствительно, производитъ сильное впечатлѣніе на православнаго крестьянина. Борьба съ расколомъ путемъ запретительныхъ экономическихъ мѣръ окажется настолько-же несостоятельною, какъ и борьба съ ними путемъ мѣръ чисто полицейскихъ. Единственнымъ-же радикальнымъ средствомъ противъ раскола являются, во-первыхъ, народныя и приходскія школы, во-вторыхъ, поднятіе уровня развитія православнаго духовенства, и въ-третьихъ, организація миссіонерской проповѣди и диспутовъ съ раскольниками, подобныхъ тѣмъ, которые уже организованы для борьбы съ старообрядчествомъ. Противъ нравственныхъ заблужденій дѣйствительны только нравственныя мѣры. Пусть наши духовные пастыри и всѣ заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ лица обратятъ всѣ свои усилія на умноженіе духовныхъ интересовъ въ самой православной средѣ, пусть они пробудятъ часто впадающую въ летаргію религіозную жизнь, пусть организуютъ сѣзды, собесѣдованія, диспуты, какіе существуютъ въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ— и расколъ падетъ самъ собою, такъ какъ, при всей своей начитанности, раскольничьи учителя не могутъ-же бороться съ богословіемъ, опирающимся на серьезномъ научномъ знаніи и на твердой вѣрѣ“.

Отдавая полную справедливость мнѣнію почтенной газеты, нельзя однако при этомъ не замѣтить, что и защитники ограничительныхъ мѣръ слишкомъ далеки отъ того, чтобы только въ нихъ однѣхъ видѣть панацею отъ развивающагося зла. И они точно также признаютъ необходимость нравственныхъ средствъ для борьбы съ сектантствомъ. Но при этомъ указываютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ борьба на почвѣ чисто нравственной становится слишкомъ неравномѣрною, потому что встрѣчаетъ чисто матеріальныя препятствія, съ которыми конечно можно бороться успѣшно только на одинаковой почвѣ и одинаковымъ оружіемъ.

Миссіонеры въ европейской Россіи нерѣдко указываютъ на самомнѣніе и фанатизмъ раскольниковъ и сектантовъ, какъ на причину малоуспѣшности миссіонерской дѣятельности. Такого рода данныя приводятся о расколѣ и сектантствѣ въ Бессарабіи. По словамъ „Киш. Е. В.“, въ виду того особеннаго положенія, въ которомъ находились раскольники въ южной части Бессарабіи подѣ

турецкою и румынскою властію, они отличаются фанатизмомъ, самомнѣніемъ и дерзостію, въ особенности при защитѣ своихъ лжеученій, и потому дѣло миссіонерства затруднено здѣсь. Православнымъ миссіонерамъ часто не удается даже вести публичныхъ преній вслѣдствіе самомнѣнія и фанатизма раскольниковъ, убѣжденныхъ въ правотѣ своей вѣры и потому считающихъ излишнимъ бесѣдовать и доказывать правоту этой вѣры. Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что раскольники не вступаютъ въ пренія съ „никоіанами“ во избѣжаніе посрамленія. Бесѣды съ такъ называемыми сектантами-раціоналистами рѣдко ведутъ къ цѣли вслѣдствіе буквализма сектантовъ. Сектантъ приведетъ извѣстный текстъ св. Писанія для защиты того или другаго своего положенія, текстъ совершенно отрывочный и—больше знать ничего не хочетъ. Оттого бесѣды съ ними рѣдко даютъ желанные результаты.

— Газета „День“ сообщаетъ, что высшимъ духовнымъ начальствомъ, а также и министерствомъ юстиціи въ настоящее время циркулярно сообщено по духовному и судебному вѣдомствамъ разъясненіе, по которому раскольники, числящіеся православными, въ случаѣ обнаруженія открытаго отпаденія ихъ въ расколъ подлежатъ извѣстнымъ мѣрамъ взысканія. Такъ совершеніе браковъ по раскольническому обряду считается признакомъ подобнаго совращенія въ расколъ. Преступленіе это обязываетъ духовное начальство производить увѣщанія такихъ лицъ по особымъ правиламъ, установленнымъ на этотъ предметъ; по сознаніи-же ими своего заблужденія, духовный судъ можетъ наложить на нихъ эпитимію за любодѣйное сожитіе въ незаконномъ бракѣ. Но пока такія лица, вступившія въ раскольнической бракъ, еще не склоняются на увѣщанія духовнаго начальства, они должны считаться совращенными, упорствующими въ расколѣ и подлежащими дѣйствию духовныхъ увѣщаній. Затѣмъ, по испытаніи надъ этими совращенными силы увѣщаній, духовное начальство можетъ требовать производства формальнаго слѣдствія о совращеніи ихъ, указавъ при этомъ на совратителей и совращенныхъ, какъ это установлено въ особомъ наставленіи по дѣламъ раскола (1853 §§ 11 и 12).

— Въѣбогослужебныя собесѣдованія, входящія нынѣ почти въ обычай, нѣкоторыми священниками соединяются съ общимъ церковнымъ пѣніемъ, и это обстоятельство дѣлаетъ самыя собесѣдованія болѣе привлекательными. Такъ о собесѣдованіяхъ въ московской Космо-Даміанской церкви пишутъ, что привлеченію большаго количества слушателей на эти собесѣдованія много содѣйствовало

именно заведенное на нихъ не такъ давно общее пѣніе, неоднократно смѣняющее бесѣду. Поютъ многія пѣснопѣнія изъ литургіи, всеощпаго бдѣнія и разныхъ молитвословій. Народъ весьма охотно участвуетъ въ пѣніи. Поютъ мужчины и женщины. Нѣкоторые боголюбцы, прослышавъ объ общемъ пѣніи въ названной церкви, приходили даже изъ отдаленныхъ мѣстъ Москвы.

— Въ „Новое Время“ помѣщено чрезвычайно поучительное и интересное сообщеніе о томъ, какъ въ Стокгольмѣ, столицѣ Швеціи, церковный причтъ нашей посольской церкви организовалъ церковный хоръ. „Прошлымъ лѣтомъ, говоритъ авторъ замѣтки, путешествуя по Швеціи, я остановился на нѣкоторое время въ Стокгольмѣ и въ ближайшее воскресенье отправился къ обѣднѣ въ русскую посольскую церковь, помѣщающуюся также въ частномъ домѣ, ничѣмъ не отличающемся отъ другихъ, на Majoren-gattan, пройдя паркъ Барцеліуса; каково-же было мое удивленіе, когда войдя въ скромную по обстановкѣ домовую церковь, я услышалъ стройный хоръ пѣвчихъ, пропѣвшихъ всю четырехголосную обѣдню по обыходу съ такою стройностью, что бывший со мною шведъ, коренной стокгольмецъ, не разъ высказывалъ мнѣ удовольствіе по поводу благочинія православной службы и это въ Стокгольмѣ—гдѣ я знаю и русскихъ-то почти никого нѣтъ, не считая тѣхъ немногихъ единицъ, которыя иногда наѣзжаютъ сюда по дѣламъ. Недоумѣніе мое кончилось только въ квартирѣ почтеннаго настоятеля церкви о. А., помѣщающейся въ томъ-же домѣ, куда радушный хозяинъ пригласилъ послѣ обѣдни выпить чаю; тамъ за самоваромъ, въ русской бесѣдѣ, особенно, милой на чужбинѣ, разъяснилось, что псаломщикъ г. Б., съ помощью другаго причетника, собралъ небольшой хоръ изъ мѣстныхъ шведскихъ дѣвушекъ, написалъ имъ на нотахъ всю православную службу латинскимъ шрифтомъ и онѣ поютъ правильно, хотя и ни слова не понимая по-русски—иллюзія полная. Если принять въ расчетъ, что и средства на содержаніе посольства отпускаются далеко не одинаковыя, то тѣмъ съ большею признательностью приходится вспомнить о почтенной дѣятельности причта стокгольмской посольской церкви“.

— Кіевскія газеты сообщаютъ: 15 мая въ Софійскомъ соборѣ присоединились къ православію кіевскіе чехи: Владиміръ Дупаль, Николай Вахаль, Кеофилъ Травничекъ, Константинъ Коларъ и Александръ Дубскій. Обрядъ присоединенія совершалъ кафедральный протоіерей о. П. Г. Лебединцевъ. Во время торжественной литургіи чехи причастились св. тайнъ изъ рукъ высокопреосвящен-

наго митрополита Платона. Когда послѣ богослуженія новоприсоединившіеся въ митрополичьсмъ домѣ подошли къ владыкѣ, прося его благословенія, высокопреосвященный Платонъ поблагословилъ ихъ. Въ благосклонной бесѣдѣ владыка выразилъ пожеланіе имъ пребывать крѣпко въ православіи и стать истыми исповѣдниками и вѣры отцовъ своихъ и св. первоучителей славянъ Кирилла и Меодія, при чемъ владыка пространно излагалъ имъ ложность ученія римско-католической церкви о верховенствѣ папы. Въ память же этого многознаменательнаго событія преосвященный наградилъ ихъ образочками. Одинъ изъ чеховъ, получившій икону св. Екатерины, съ чувствомъ сказалъ: „Вотъ и покойная моя мать (которая носила имя Екатерины) согласна съ моимъ поступкомъ и благословляетъ меня“. Въ настоящее время также другіе кіевскіе чехи и пріѣзжіе изъ колоніи готовятся къ присоединенію къ православію.

— Въ Кіевъ, по словамъ „Кіев. Сл.“, пріѣхали сто человекъ паломниковъ съ шестью священниками изъ новообращенныхъ въ православіе жителей Подлѣсья и Люблинской губерніи. Поклонившись кіевскимъ святынямъ и принявши благословеніе и теплое, назидательное поученіе отъ митрополита Платона, они пожелали посѣтить извѣстнаго имъ о. прот. Наумовича, живущаго теперь въ Китаевѣ, и собрались уже ѣхать туда, но узнали, что о. Наумовичъ прібылъ въ Кіевъ на высокаторжественный день коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Встрѣтившись съ нимъ, послѣ окончанія богослуженія въ Софійскомъ соборѣ, паломники пригласили о. протоіерея въ лавру. Тамъ окруженный толпой паломниковъ, на крыльцѣ гостиницы о. Наумовичъ привѣтствовалъ ихъ глубоко прочувствованной рѣчью, которая тронула всѣхъ присутствовавшихъ. Онъ выяснилъ имъ значеніе паломничества въ Кіевъ и что значитъ Кіевъ для православнаго русскаго народа. „Здѣсь начало нашего христіанства, здѣсь покоятся нетлѣнныя мощи первыхъ его проповѣдниковъ и молитвенниковъ, здѣсь Днѣпръ—русская купель, здѣсь на каждомъ шагѣ видна наша святая старина. Смотрите на эти толпы богомольцевъ, стекающихся со всѣхъ концовъ пространной Россіи. Кіевъ—сердце православія, сердце Россіи и какъ кровь со всѣхъ частей тѣла стремится къ сердцу, такъ и эти многотысячныя толпы стремятся въ Кіевъ. Злосчастная судьба отторгнула насъ отъ Кіева. Мы были какъ мертвые для Руси, пока не соединились духомъ съ Кіевомъ“. О. протоіерей говорилъ далѣе о своемъ обращеніи въ православіе, къ праотеческой Церкви и о томъ,

что непременно всѣ униаты, ищущіе истины и просвѣтившіеся ею, найдутъ здѣсь, въ Кіевѣ, тихое пристанище.

Рѣчь о. протоіерея продолжалась около получаса; слушавшіе ее не пропустили ни одного слова. Окончена была рѣчь такими словами ап. Павла: «Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь, вся вамъ любовію да бываетъ». Когда всѣ получили благословеніе, одинъ изъ крестьянъ сказалъ: «Узнали вы меня, ваше высокопреподобіе? Я былъ съ вами въ Лѣснѣ. Помните, насъ было около двадцати человекъ, и мы просили васъ писать намъ въ „Наукѣ“ пѣсни для домашняго пѣнія. Мы поемъ тѣ пѣсни, которыя помѣщены въ „Наукѣ“ 1886 года, а дальше, къ сожалѣнію, вы прекратили ихъ. Я непременно хотѣлъ васъ видѣть и просить отъ лица всѣхъ братій помѣщать пѣсни о православной вѣрѣ».

— Я именно и живу теперь въ уединеніи, за городомъ, отвѣчалъ о. протоіерей, чтобы имѣть возможность предаться вполне народной литературѣ. Подумаю и о пѣняхъ. Скоро теперь я пришлю вамъ вновь написанныя мною книжечки: „Завѣтные тополи“ „О. Ѳеодоръ“ и „Какъ въ простотѣ живутъ добрые люди“. — Затѣмъ всѣ сердечно простились еще разъ и отправились на вокзалъ въ обратный путь.

— Художникомъ В. М. Васнецовымъ на-дняхъ оконченъ образъ св. кн. Владиміра, исполненный имъ по просьбѣ Кіевского Свято-Владимірскаго братства. Равноапостольный князь изображенъ въ молитвенной позѣ, стоящимъ на покрытомъ византійскимъ ковромъ помостѣ надъ рѣкою. Одѣтъ Владиміръ въ голубой кафтанъ съ разводами древняго характера, пурпуровое корзно (плащъ), застегнутое на правомъ плечѣ, и въ красные сапоги съ узорами. На головѣ его вѣнецъ царскій, византійскій, съ дорогими камнями увѣнчаный крестомъ; на правое и лѣвое плечо отъ вѣнца спускаются жемчужныя подвески. У лѣваго бедра широкій мечъ въ ножнахъ. Въ лѣвой рукѣ св. князь держитъ большой четвероконечный крестъ, а правая молитвенно сложена на груди. Лицо равноапостольнаго князя пожилое: поднятые вверхъ глаза отѣнены густыми съ просѣдью бровями, длинные усы и широкая борода, нѣсколько подстриженная. Нисходящіе съ неба потоки свѣта озаряютъ какъ просвѣтителя Россіи, такъ и зеленые, видные сквозь легкую дымку, кіевскіе холмы, на одномъ изъ которыхъ высится новосозданная св. княземъ церковь. По широкой каймѣ, въ которой заключенъ образъ, сверху внизъ тянется славянской вязью полный текстъ извѣстной молитвы кн. Владиміра: «Боже великий, створивый небо и землю!..» и проч.

Главными пособіями для воссозданія образа равноапостольнаго князя художнику послужили изображенія на монетахъ съ именемъ кн. Владиміра, хранящихся въ кіевскихъ музеяхъ: университетскомъ (лучше другихъ сохранившійся экземпляръ № 11,752) и духовной академіи, а также сохранившіяся древнія изображенія другихъ русскихъ князей удѣльно-вѣчеваго періода. Основываясь на тѣхъ-же монетахъ съ именемъ кн. Владиміра, нашъ извѣстный нумизматъ, гр. И. И. Толстой, возстановляя образъ равноапостольнаго князя, изобразилъ его также съ длинными усами, но безъ бороды. В. М. Васнецовъ, путемъ внимательнаго изслѣдованія, при помощи лупы, изображенія князя на „Владиміровомъ серебрѣ“, явственно различилъ, кромѣ усовъ, и широкую, какъ-бы подстриженную, бороду. Позднѣйшіе русскіе князья, какъ видно на ихъ изображеніяхъ, также не брили бородъ. Поэтому св. кн. Владиміръ на иконѣ, исполненной г. Васнецовымъ по предложенію Свято-Владимірскаго братства, изображенъ съ бородою; въ другихъ-же чертахъ лица кн. Владиміръ—Васнецова похожъ на изображеніе его, возстановленное гр. Толстымъ. Для возстановленія вида одежды св. князя послужили г. Васнецову матеріалы, изданные въ атласахъ по исторіи русскихъ одеждъ г. Прохорова и др. изданіяхъ, а также данныя, собранныя по этому предмету о. протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ.

Рисунокъ В. М. Васнецова предполагается, по обсужденіи его компетентными лицами, ввести какъ образцовый для изображенія св. князя въ Россіи. Другой образъ св. Ольги, объ исполненіи котораго Свято-Владимірскаго братство также обратилось къ г. Васнецову, какъ слышалъ „Кіевлянинъ“, не будетъ имъ исполненъ теперь, по недостатку времени, которое онъ долженъ по возможности щадить для работъ во Владимірскомъ соборѣ.

— Нѣкто Н. Федоровъ рекомендуетъ при посредствѣ „Волжскаго Вѣстника“ слѣдующее средство „отъ пьянства и запоя“.

Одержимому этой несчастной страстью слѣдуетъ принимать ежедневно обыкновенный бѣлый очищенный скипидаръ, называемый въ продажѣ „французскимъ“. Приѣмъ дѣлать утромъ, на тощій желудокъ, передъ завтракомъ, и вечеромъ—передъ ужиномъ. Люди слабаго тѣлосложенія начинаютъ приѣмъ съ пяти капель, увеличивая ежедневно по вечерамъ по одной каплѣ, люди-же крѣпкіе—съ восьми капель. Увеличеніе доводится до 15, а въ исключительныхъ случаяхъ—до 30 капель на приѣмъ. Страсть къ вину исчезаетъ обыкновенно съ третьяго дня лѣченія. Оставить употребленіе скипи-

дара возможно лишь постепенно, уменьшая ежедневно по одной каплѣ въ утреннемъ приѣмѣ. Разслабившіе свой организмъ отъ постоянного пьянства должны, кромѣ скипидара, пить ежедневно отъ 2 до 4 стакановъ ячменнаго или овсянаго кофе. Пузырекъ скипидара, достаточный на весь курсъ лѣченія, стоитъ въ аптекѣ или въ аптекарскомъ магазинѣ 10—15 копѣекъ. Во время лѣченія и послѣ него необходимо воздерживаться отъ свинины и щуки, не ѣсть слишкомъ кислаго (напримѣръ, обыкновенныхъ русскихъ кислыхъ щей) и не употреблять горячительныхъ приправъ къ кушаньямъ (горчицы и перца). Желаящимъ получить какія-либо дальнѣйшія разъясненія по поводу лѣченія скипидаромъ—„я, говоритъ г. Федоровъ,—съ удовольствіемъ, безъ всякаго, понятно, и намека на вознагражденіе, готовъ сообщить все, что могу,—жителямъ Самары—лично, а иногороднимъ—черезъ почту. Мой адресъ: Николаю Михайловичу Федорову. Самара, Дворянская улица, домъ Сибирякова“.

Редакція „Волж. Вѣстн.“ къ этому присовокупляетъ, что она обращалась къ одному изъ компетентныхъ профессоровъ-медиковъ казанскаго университета, который подтвердилъ весьма вѣроятную дѣйствительность средства рекомендуемаго г. Федоровымъ, въ виду того, что скипидаръ является однимъ изъ противокатарральныхъ средствъ. Употребленіе рекомендуемаго средства въ указанной дозѣ—совершенно безвредно.

— Простое домашнее средство для излѣченія лихорадки состоитъ въ слѣдующемъ: берутъ внутреннюю пленку изъ сыраго яйца, наклеивая сперва осторожно скорлупку; пленкой этой обертываютъ не туго до половины лѣвый мизиницъ, но закрывая всѣ мѣста и накладывая заплатки тамъ, гдѣ кожаца лопнетъ; она облипаетъ, и вскорѣ присыхаетъ. Наперстокъ этотъ устраняетъ лихорадку; а проносивъ его въ продолженіе трехъ дней лихорадочныхъ припадковъ, можно его снять и дѣло кончено. Докторъ В. Даль говоритъ, что онъ испыталъ это средство на себѣ и на другихъ, и что изъ 30 случаевъ въ 20 оно оказалось вѣрнымъ; при томъ одинъ случай былъ замѣчательнъ тѣмъ, что отчаянная лихорадка, угрожавшая за каждымъ приступомъ кровавымъ ударомъ и не уступавшая никакимъ средствамъ (хинину въ большихъ приѣмахъ и даже мышьяку) была исцѣлена яичной пленкой. Дѣйствіе пленки: въ то время когда-бы слѣдовало начаться лихорадочному пароксизму, мизинецъ начинаетъ остывать, нѣмѣть, холодъ тянется отъ него вверхъ по внутренней сторонѣ локтевой кости, и бываетъ болѣе

или менѣе чувствителенъ не только для больного, но и для посторонняго наблюдателя. Затѣмъ слѣдуетъ боль, начинается ныть, щемить и стрѣлять вверхъ по рукѣ, иногда до самаго плеча; боль эта бываетъ въ иныхъ случаяхъ незначительна, въ другихъ сильнѣе, и крѣпкіе мужики иногда плачутъ, какъ малые ребята, и срываютъ пленку. Появленіе боли и отсутствіе пароксизма есть знакъ, что средство дѣйствуетъ и приноситъ пользу; въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не помогаетъ, пароксизмъ появляется своимъ порядкомъ, а боли въ мизинцѣ нѣтъ. Въ послѣднемъ, вышеописанномъ замѣчательномъ случаѣ надо удивляться, говоритъ В. Даль, сильной волѣ слабой женщины, которая, видя сама гибельное положеніе свое, выдержала въ продолженіи 16 часовъ (сколько длился обыкновенно приступъ)—неимоვნю жестокую боль и стрѣльбу отъ мизинца до самаго плеча. Боль утихаетъ мало по-малу въ слѣдующій приступъ, а за третьимъ обыкновенно вовсе уже незначительна. На мизинцѣ нерѣдко остаются надолго слѣды этого средства—подкожныя кровяныя пятна, а впоследствии сходитъ кожа. У здороваго-же человѣка эта пленка никакого дѣйствія не производитъ на мизинцѣ.

Это средство, сообщенное докторомъ В. Далемъ, мной испробовано и принесло облегченіе въ лихорадкѣ и исцѣленіе отъ нея ¹⁾.

¹⁾ Заимствовано изъ журн. „М. В. Д.“, книжка 8-я стр. 174.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ КНИГИ:

ВОСКРЕСНАЯ СЛУЖБА

ОКТОИХА

ВСѢХЪ ВОСЬМИ ГЛАСОВЪ ИЛИ НАПѢВОВЪ

НА СЛАВЯНСКОМЪ И РУССКОМЪ ЯЗЫКАХЪ,

заключающая въ себѣ пѣснопѣнія малой вечерни, великой вечерни, полунощницы, утрени и литургіи.

Перевелъ съ греческаго языка преподаватель Тобольской духовной семинаріи

Иванъ Ловягинъ.

С.-Петербургъ. 1888. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Продается въ С.-Петербургѣ, Конногвардейская церковь Благовѣщенія, у діакона Н. Николаевского, у книготорговца Тузова и у автора.

Протоіерея В. Владиславлева:

ПРАЗДНОВАНИЕ

благополучно совершившагося двадцатипятилѣтія

ВЪ САНѢ ЕПИСКОПА

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО САВВЫ,

Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго.

Тверь. 1888. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Издание въ пользу Братства святого Благотѣрнаго князя Михаила Ярославича Тверскаго.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1888 годъ.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

еженедѣльный иллюстрированный журналъ

- 1) 52 еженедѣльныхъ нумера, большаго формата, съ многими рисунками. 2) 6 томовъ литературныхъ прибавленій. 3) Роскошная премія олеографія

„ВИДЪ ІЕРУСАЛИМА ПРИ ЛУННОМЪ СВѢТѢ“

„Русскій Паломникъ“ одобренъ: 1) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для духовно-учебныхъ заведеній, а также для бібліотекъ епархіальныхъ и благотворительскихъ; 2) Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; 3) Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній; 4) Комиссіею городскихъ училищъ при С.-Петербургской думѣ и 5) Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ внесенъ въ списокъ книгъ для церковно-приходскихъ школъ, одобренный Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода.

Въ наступающемъ, четвертомъ году изданія журнала, редакція намѣрена произвести въ журналѣ рядъ существенныхъ улучшеній по всѣмъ отдѣламъ журнала.

I. Литературный отдѣлъ „Русскаго Паломника“, въ наступающемъ году будетъ увеличенъ почти въ полтора раза и дастъ читателямъ массу интереснаго и разнообразнаго чтенія: путешествія по св. мѣстамъ; описанія св. мѣстъ, св. иконъ и другихъ святынь Россіи и Востока, св. Земли, Синая, Египта, Греціи, Сиріи, Сербіи, Болгаріи и пр. православныхъ странъ; житія святыхъ; біографіи іерарховъ Россіи и Востока; историческіе повѣсти и рассказы; рассказы изъ библейскаго и евангельскаго быта; повѣсти и рассказы изъ религіозной жизни русскаго народа и русскаго духовенства; стихотворенія; описанія приключеній православныхъ миссіонеровъ; популярныя очерки изъ всѣхъ отраслей церковной науки, церковно-газетныя свѣдѣнія и пр.

Въ настоящемъ г. будутъ помѣщены, между прочимъ, слѣд. статьи: „Сатурниевъ“ (историч. повѣсть изъ эпохи гоненій), „Пустынища“ (рассказъ изъ жизни древнихъ подвижниковъ), „Анастасій“ (историч. повѣсть изъ времени паденія Царьграда), „Мученица за вѣру“ (повѣсть изъ жизни св. Варвары), „По Святой Землѣ“ (описаніе путешествія), „Письма съ Аѳона“ (рассказы, въ формѣ писемъ, о его святыняхъ и подвижникахъ), „Святыни Кіева“ и множество другихъ статей.

Всѣ помѣщаемыя въ журналѣ статьи будутъ заканчиваться въ непродолжительномъ времени послѣ начала и ни въ какомъ случаѣ не будутъ растягиваться на большое число нумеровъ. Большія по объему литературныя произведенія будутъ выдѣлены редакціею въ особыя приложенія, которыхъ въ будущемъ году, на первый разъ, редакція дастъ ШЕСТЬ ТОМОВЪ, каждый не менѣе 10 листовъ (160 стр.) убористой печати. Для этихъ приложеній редакція имѣетъ слѣдующія сочиненія: 1) Календарь-указатель всѣхъ православныхъ святынь, особенно-же св. мощей и св. иконъ. Календарь этотъ будетъ первымъ приложеніемъ и разошлетя съ № 1. 2) Осада Іерусалима (большая историч. повѣсть, рисующая послѣдніе дни Св. Града). 3) Священная географія или описаніе всѣхъ священныхъ мѣстностей (съ планами и картами). 4) Наллиста (большая историч. повѣсть изъ времени гоненія при Декіи). 5) Праотецъ Авраамъ и его время (большой біографическій рассказъ) и др.

II. Художественный отдѣлъ журнала въ 1888 году будетъ также улучшенъ и значительно увеличенъ. Въ немъ будетъ помѣщено множество разнообразныхъ рисунковъ: виды св. мѣстъ, св. обителей, храмовъ; иллюстраціи къ статьямъ, портреты архимандритовъ, копии съ картинъ знаменитыхъ мастеровъ, снимки съ св. иконъ, планы, карты и проч. Большинство рисунковъ будутъ оригинальные, специально исполненные для „Русскаго Паломника“.

Цѣна „Русскаго Паломника“: на годъ, со всѣми преміями и приложеніями, 3 руб. съ пер. Безъ премій и литер. приложеній 5 руб. съ пер. Допускается разсрочка. Пробный № высылается за 2 семикоп. марки.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., д. 18.

Редакторъ-Издатель А. Поповицкій.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Въ каждой части въ свое время будутъ появляться особыя заглавные и промежуточные обозначенія статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, въ которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Братировъ.